Наталья Петрухина, Зулфия Абдураимова

ЛИТЕРАТУРА

9 класс

Новое издание

Учебник для школ общего среднего образования
с русским языком обучения

Рекомендован к изданию Министерством дошкольного и школьного образования Республики Узбекистан

Издательско-полиграфический творческий дом имени Гафура Гуляма
Ташкент – 2025

скачано с сайта www.idum.uz

УДК 821.512.133.09(075.3)
ББК 83.3(5Узб)я72
П 29

Петрухина, Н.М.
Литература 9 класс [Текст]: учебник / Н.М. Петрухина, З.Х. Абдураимова. – Ташкент: Издательско-полиграфический творческий дом имени Гафура Гуляма, 2025. – 240 с.

Под общей редакцией Н.М. Миркурбанова, профессора Национального педагогического университета им. Низами.

Рецензенты:

Ю. У. Матенова – кандидат филологических наук, доцент Национального педагогического университета Узбекистана имени Низами;

Т. Н. Ворсина – учитель русского языка и литературы высшей категории школы общего среднего образования № 164 Чиланзарского района города Ташкента.

ISBN 978-9910-584-22-0

© Издательско-полиграфический творческий дом имени Гафура Гуляма, 2025

скачано с сайта www.idum.uz

Содержание

Глава I. ПУТЬ К САМОПОЗНАНИЮ

Айбек. Лирика 4
А. С. Грибоедов. Горе от ума 11
У. Азим. Лирика 42
А. С. Пушкин. Евгений Онегин 50

Глава II. ТАИНСТВЕННЫЙ И СОКРОВЕННЫЙ МИР ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

Дж. Лондон. Любовь к жизни 70
А. Якубов. Сокровища Улугбека 81
М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени 101
Повесть «Бэла» 103
Повесть «Максим Максимыч» 111
Повесть «Княжна Мери» 116

Глава III. ВРЕМЯ В МОЕЙ СУДЬБЕ

У. Хашимов. Рассказы. Дела земные 134
Рассказ «Вязаные носки» 135
Рассказ «Фотокарточка» 137
Рассказ «Дорожное происшествие» 139
Н. В. Гоголь. Мёртвые души 146
Т. Мурад. Сумерки, когда заржал конь 163
Мольер. Мещанин во дворянстве 180
Э. Вахидов. Лирика 191

Глава IV. ЧЕЛОВЕК В СЛОЖНОМ И ПРОТИВОРЕЧИВОМ МИРЕ

И. Юсупов. Лирика 197
А. П. Чехов. Маленькие трилогии 202
Рассказ «Человек в футляре» 203
Рассказ «Крыжовник» 209
С. Ахмад. Бунт невесток 215
Сервантес. Дон Кихот 227

Глава I

ПУТЬ К САМОПОЗНАНИЮ

АЙБЕК (1905–1968)

Знакомство с автором

Айбек (настоящее имя – Муса Ташмухамедов) – народный писатель Узбекистана, поэт, романист и переводчик. Это один из ключевых представителей узбекской литературы первой половины XX века, творчество которого является ярким примером соединения литературного мастерства, исторической памяти и патриотической идеи.

Лирика Айбека

Основные темы лирики Айбека: любовь к Родине, прославление Узбекистана, его народа, истории, природы, возвышение образа простого человека-труженика; философские размышления – поиск смысла жизни; тонкое изображение любви как основного чувства человеческих переживаний

1. Назовите основные темы лирики Айбека.
2. Что вы знаете о творчестве великого поэта Алишера Навои?
3. Расскажите о вашем восприятии классических образов восточной поэзии – Фархада и Ширин.

Подготовка к встрече с текстом

В своём стихотворении **«Перед памятником»** Айбек поднимает традиционную для мировой литературы тему поэта и поэзии. Используя форму обращения «Привет, поэт», автор в заключительных строчках называет имя великого узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои. Рассказывая о значимости творчества А. Навои в мировой литературе, поэт проводит параллель с именами Тараса Шевченко, Шота Руста-

вели, Александра Пушкина и Низами, подчеркивая величие, непреходящее значение и уникальность их творческого наследия. Стихотворение Айбека поднимает ключевую идею бессмертия и святости поэтического слова и великих имён. Прошедшие века доказательно свидетельствуют о бессмертии великого Слова Навои, которое вдохновляет наших современников и будет освещать жизнь последующих поколений.

Давайте поговорим

1. Можно ли рассматривать творчество великих писателей как нескончаемый литературный диалог?
2. Как воспринимается современным человеком бессмертная поэзия великого Навои?

Задание

Прочитайте выразительно стихотворение Айбека «Перед памятником».

ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ

Пять вех высоких, пять столетий,
Но век промчавшийся – как миг,
О чём твердят дастаны эти?
Нам кажется, о нас самих.

Как он в далёком веке понял
Народ,
что перед ним предстал!

За то народ теперь и поднял
Его на вечный пьедестал.
В объятье Родины так сладки
Мечты и песен голоса.
Одежды каменные складки,
Вдаль устремлённые глаза…

«Привет, поэт!..»
В своём паренье
Он видит: век неповторим,
Но ищет в новом поколенье
Иных Фархадов и Ширин.

Алишер Навои
(1441–1501) –
узбекский поэт, учёный,
государственный деятель,
основоположник национальной
классической литературы.

О, что за вихрь сметал короны,
Рвал цепи,
рушил козни чар,
Чтоб в речи сорока народов
Твой дивный голос зазвучал!
Стихи твои не постарели –
Живут, какой ни назови! –
О брат Шевченко, Руставели,
И Пушкина, и Низами!
И их, как ранней розы запах,
В заветном уголке души
Хранят армяне и казахи,
И русские, и латыши...
Навеки гнёт позорный сгинул,
Что ты клеймил, о Навои.
Так пой же с нами!
В общем гимне
Пусть строки светятся твои!..

Перевод А. Наумова

Давайте обсудим

1. Как вы думаете, почему во вступлении автор вспоминает дастан, являющийся важнейшим жанром узбекского фольклора?
2. Объясните, какое впечатление вызывает у вас образ «вечного пьедестала».
3. С какой целью автор использует форму обращения: «Привет, поэт»? Подтвердите своё мнение примерами из текста.
4. Объясните ваше понимание заключительных строк «петь с Навои в общем гимне».
5. Согласны ли вы с автором, что творчество Навои «не постарело» и актуально для современного читателя?
6. Определите идею финального призыва стихотворения.

Подготовка к встрече с текстом

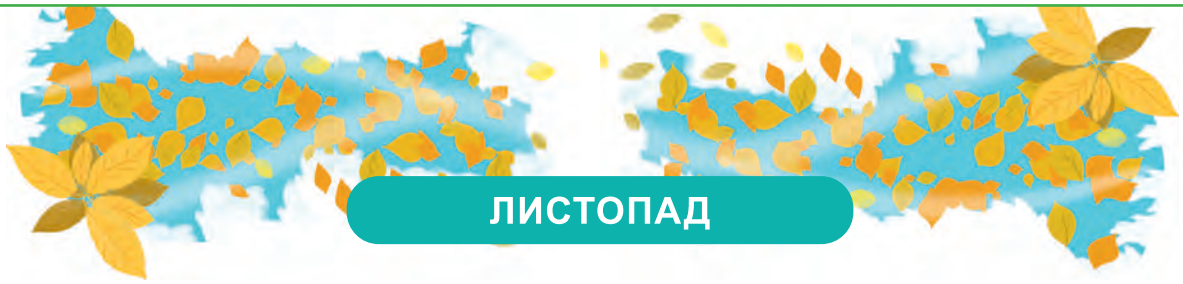
Стихотворение **«Листопад»** наполнено элегическим содержанием. В нём поэт передаёт осеннее настроение, свои философские размышления о жизни, любви и человеческих чувствах. Образ сада детализирован с помощью синонимического ряда: «на земле ковёр из листьев, листопад». Автор метафорически выражает состояние человека, его внутренние переживания, мысли об изменениях восприятия мира, чувств с течением времени.

Давайте поговорим

1. Какие чувства вызывает у вас листопад? Радость, грусть, ностальгию? Почему?
2. Листопад как осеннее явление символически ассоциируется с «осенью» человеческой жизни. Как меняется взгляд лирического героя на восприятие жизни по прошествии прожитых лет?

Задание

Прочитайте выразительно стихотворение Айбека «Листопад».

ЛИСТОПАД

На земле ковёр из листьев,
И меня, как этот сад,
Повергает –
как ни злись я –
В грусть и в холод
листопад.

Ах, постой!..
Постой со мною
У туманного стекла,
И на сердце станет вдвое
И отваги и тепла.
Позабуду всё, когда-то
Сочинённое людьми,
Все напрасные трактаты
О превратностях любви.

Посмеюсь над ними всеми,
Навсегда
весельем рад
Населить тот час осенний:
вечер,
ветер,
листопад…

Перевод А. Наумова

Давайте обсудим

1. Определите ключевое настроение стихотворения «Листопад».
2. Как авторская тональность стихотворения передаёт осеннее настроение лирического героя?

Подготовка к встрече с текстом

В стихотворении **«Поздний ветер»** автор рисует картину осеннего пейзажа, метафорически выражающего переживания лирического героя. На первый взгляд кажется, что поэт сосредоточен на происходящем в природе: крик голосов, сила дождя, дрожь листвы старого тополя. Природа олицетворена: «Ветер заплакал в печали, // старый тополь, как башня, шатался». Эмоциональная взволнованность соотнесена с настроением лирического героя. Описывая природу, автор проводит параллель с человеческими душевными переживаниями.

Давайте поговорим

1. Какое время года вы считаете самым поэтичным? Почему?
2. Какие эмоции вызывает у вас метафорический образ «поздний ветер заплакал в печали»?
3. Как природа отражает душевное состояние человека? Создайте словесный образ, выражающий настроение вашего любимого времени года.

Задание

Прочитайте выразительно стихотворение Айбека «Поздний ветер…».

* * *

Поздний ветер заплакал в печали,
И за речкой, на той стороне,
Так протяжно и долго кричали
Голоса, неизвестные мне.

И покуда поры дожидался
Или силы примеривал дождь,
Старый тополь, как башня, шатался
И листвы не удерживал дрожь.

Глухо рушились неба обвалы,
И простор прикасался к лицу,
На ступень высоты небывалой
Вознося
золотую листву…

Перевод А. Наумова

Давайте обсудим

1. Как образное выражение «Поздний ветер заплакал в печали…» соотносится с душевным состоянием лирического героя?
2. Как вы думаете, чьи «голоса, неизвестные» звучали так «протяжно и долго» «за речкой, на той стороне»? Что этим хотел сказать поэт? Обоснуйте свой ответ.
3. Какое впечатление вызывает у вас образ «старого тополя»?
4. Проанализируйте состояние лирического героя, изложенное в третьей строфе стихотворения. Попробуйте объяснить его последние строчки: «На ступень высоты небывалой //Вознося золотую листву…» Как вы думаете, почему он пришёл к такому выводу? Обоснуйте свою точку зрения.

Практическая работа

Заполните таблицу в тетради по стихотворениям Айбека: «Листопад», «Поздний ветер заплакал в печали…».

Объект сравнения	Листопад	Поздний ветер заплакал в печали...
Метафора	*	*
Сравнение	*	*
Олицетворение	*	*

Домашнее задание

Выучите наизусть стихотворение Айбека «Перед памятником».

Подготовка к встрече с текстом

«На вечернее небо безмолвно гляжу…» – это стихотворение передаёт философские размышления лирического героя о сложности выбора жизненного пути, значимости ощущения единства человека и природы, важности чувства личностного восприятия мира. Поэтому герой, наблюдая за вечным небом и природой, ощущает себя частью мироздания, безмолвно глядит на вечернее небо, над которым простирается «бескрайняя вечная высь».

Осознание этого единства воплощено в «песне жизни», которую природа ежегодно поёт весне. Это песня радости, заложенной в человеке возможности реализовать мечту, которая всегда располагается между двух составляющих: близкого, что можно потрогать руками, обнять, и далёкого – беспредельности млечных далей. На этом перёкрестке дорог-перепутий определяется личный путь, дорога к осуществлению мечты, которая бесчисленным количеством звёзд светит на жизненном пути человека и определяет его выбор.

Давайте поговорим

1. Как образ неба соотносится с мечтой лирического героя? Определяет ли он выбор жизненного пути?
2. Объясните метафору «дороги-распутья бесчисленных звёзд». Подберите подходящее понятие, характеризующее этот троп.

Задание

Прочитайте выразительно стихотворение Айбека «На вечернее небо безмолвно гляжу…».

* * *

На вечернее небо безмолвно гляжу,
Надо мною бескрайняя вечная высь,
Светлой сказкой мечтанья во мне разлились:
Где проляжет мой путь – на какую межу?

Даль небесных лучей золотисто-ясна,
Шелест листьев мне песню о жизни поёт,
Реки славят журчанием жизни восход, –
Не один я… Баюкает землю весна…

О, как близко мне всё, что простёрлось вокруг!
Даже млечные дали объять мне дано.
С этой высью и ширью дышу заодно,
И тепла мне весна лаской шёлковых рук.

Словно радуга, взвился над бездною мост,
Полудужьями крепко опоры срастив, –
Трепет сердца, стучащего, словно призыв,
И дороги-распутья бесчисленных звёзд!

Перевод С. Иванова

Давайте обсудим

1. Как автор создаёт образ вечернего неба? Найдите эпитеты и определите их роль в создании образа.
2. Подберите цветовую гамму для выражения настроения этого стихотворения и обоснуйте свой выбор.

Домашнее задание

Попробуйте заменить стихотворный текст на прозаический. Что изменилось?

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ГРИБОЕДОВ (1795–1829)

Знакомство с автором

По глубине ума и таланта, по многосторонности и учёности **А.С. Грибоедов** был одним из замечательных людей своего времени. Он знаменит как творец одного произведения, но столь значительного, что оно обессмертило его имя.

Подготовка к встрече с текстом

1. Почему автор назвал свою комедию «Горе от ума»?
2. Назовите отличительные особенности комического произведения.

Особенности комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»

Грибоедов, изобразив целостную картину жизни барской Москвы, убедительно показал пороки людей, их взгляды, отношение к жизни, порождённое крепостнической действительностью, жестокость и самодурство одних и низкопоклонство, униженность других. Но эта же действительность породила и бунтарей, возмутителей спокойствия.

В комедии «Горе от ума» представлено принципиально новое решение проблемы положительного героя Чацкого. Грибоедов изобразил героя как сложную, многогранную личность, наделив её разнообразными качествами: герой умён, остроумен, решителен, вспыльчив.

Автор ввёл в пьесу разговорный язык, умело соединив его с литературным. Многие выражения из пьесы стали крылатыми, благодаря своей меткости и силе, перейдя со страниц комедии в живую речь, обогатили её и стали афоризмами.

«Нельзя представить себе, – писал Гончаров в статье «Мильон терзаний», – чтоб могла явиться когда-нибудь другая, естественная, более взятая из жизни речь. Проза и стих слились здесь во что-то нераздельное, затем, кажется, чтобы их легче было

удержать в памяти и пустить опять в оборот весь собранный автором ум, юмор, шутку и злость русского ума и языка».

Комедия и в наши дни не утратила своей общественной, нравственной и художественной силы, войдя в сокровищницу многонациональной культуры.

Комедия – драматургическое произведение с весёлым, смешным сюжетом, обычно осмеивающее общественные или бытовые пороки и предназначенное для постановки на сцене.

Задание

Прочитайте комедию «Горе от ума».

ГОРЕ ОТ УМА

КОМЕДИЯ В ЧЕТЫРЁХ ДЕЙСТВИЯХ, В СТИХАХ

(ФРАГМЕНТЫ)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Павел Афанасьевич Фамусов, управляющий в казённом месте.
Софья Павловна, его дочь.
Лизанька, служанка.
Алексей Степанович Молчалин, секретарь Фамусова, живущий у него в доме.
Александр Андреевич Чацкий.
Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич.
Наталья Дмитриевна, молодая дама
Платон Михайлович, муж ее}Горичи.
Князь Тугоуховский и Княгиня, жена его, с шестью дочерями.
Графиня бабушка
Графиня внучка}Хрюмины.
Антон Антонович Загорецкий.
Старуха Хлёстова, свояченица Фамусова.г. N*.г. D*.
Репетилов. Петрушка и несколько говорящих слуг.
Множество гостей всякого разбора и их лакеев при разъезде.
Официанты Фамусова.
Действие в Москве, в доме Фамусова.

Действие I

Утро в доме Фамусовых. Лизанька охраняет покой своей хозяйки Софьи, которая всю ночь напролёт беседовала и музицировала в обществе Молчалина. Входит Фамусов. Лизанька делает всё, чтобы предупредить Софью об опасности разоблачения.

Молчалин выходит из комнаты Софьи, но не успевает выйти из женской половины дома и сталкивается с Фамусовым, который выражает недовольство присутствием своего секретаря в этой части дома. Софья, чтобы отвлечь отца, рассказывает ему свой сон, пытаясь узнать отношение Фамусова к герою её сновидения – бедному и незнатному человеку, имея в виду Молчалина. Фамусов и Молчалин удаляются. Софья и Лизанька обсуждают произошедшее. Слуга докладывает о приходе Чацкого

Явление 7

София, Лиза, Чацкий.

Чацкий

Чуть свет – уж на ногах! и я у ваших ног
(С жаром целует руку.)
Ну поцелуйте же, не ждали? говорите!
Что ж, ради? Нет? В лицо мне посмотрите.
Удивлены? и только? вот приём!
Как будто не прошло недели;
Как будто бы вчера вдвоём
Мы мочи нет друг другу надоели;
Ни на́ волос любви! куда как хороши!
И между тем, не вспомнюсь, без души,
Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
Вёрст больше семисот пронёсся, ветер, буря;
И растерялся весь, и падал сколько раз –
И вот за подвиги награда!

София

Ах! Чацкий, я вам очень рада.

Чацкий

Вы рады? в добрый час.

Однако искренно кто ж радуется эдак?
Мне кажется, так напоследок
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил сам себя.

Лиза

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-богу, нет пяти минут, Как поминали вас мы тут.
Сударыня, скажите сами. –

София

Всегда, не только что теперь. –
Не можете мне сделать вы упрёка.
Кто промелькнет, отворит дверь,
Проездом, случаем, из чужа, из далёка –
С вопросом я, хоть будь моряк:
Не повстречал ли где в почтовой вас карете?

Чацкий

Положимте, что так.
Блажен, кто верует, тепло ему на свете! –
Ах! Боже мой! Уж ли я здесь опять,
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где возраст тот невинный,
Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
Играем и шумим по стульям и столам.
А тут ваш батюшка с мадамой, за пикетом;
Мы в тёмном уголке, и кажется, что в этом!
Вы помните? вздрогнем,
что скрипнет столик, дверь...

София

Ребячество!

Чацкий

Да-с, а теперь,
В седьмнадцать лет вы расцвели прелестно,
Неподражаемо, и это вам известно,
И потому скромны, не смотрите на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ,
Без думы, полноте смущаться.

София

Да хоть кого смутят
Вопросы быстрые и любопытный взгляд...

Чацкий

Помилуйте, – не вам, чему же удивляться?
Что нового покажет мне Москва?

Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался – успел, а тот дал промах.
Всё тот же толк, и те ж стихи в альбомах.
София
Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!
Где ж лучше?
Чацкий
Где нас нет.
Ну что ваш батюшка? всё Английского клоба
Старинный, верный член до гроба?
Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных,
Не знаю как его зовут,
Куда ни сунься: тут, как тут.
В столовых и в гостиных?
А трое из бульварных лиц,
Которые с полвека молодятся?
Родных мильон у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? наш клад?
На лбу написано: Театр и Маскерад;
Дом зеленью раскрашен в виде рощи,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоём
За ширмами, в одной из комнат посекретней,
Был спрятан человек и щелкал соловьём,
Певец зимой погоды летней.
А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,
В учёный комитет который поселился
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено судьбой!
Жить с ними надоест, и в ком не сыщешь пятен?
Когда ж пространствуешь, воротишься домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен

Заполните таблицу

Отношение Софьи к Чацкому	Отношение Чацкого к Софье
*	*

Ответьте на вопросы

1. Выделите отличительные черты жизни Москвы первой трети XIX века.
2. Как определяет Чацкий принцип жизни Москвы?
3. Сформулируйте ваше понимание выражения «И дым Отечества нам сладок и приятен».
4. Как вы думаете, почему «общественная комедия» начинается с любовной интриги?

Действие II
Явление 2

Фамусов, Слуга, Чацкий

Фамусов
А! Александр Андреич, просим, Садитесь-ка.
Чацкий
Вы заняты?
Фамусов
(Слуге)
Поди.
Слуга уходит.
Да, разные дела на память в книгу вносим,
Забудется того гляди. –
Чацкий
Вы что-то не весёлы стали:
Скажите, отчего? Приезд не в пору мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключилось ли печали?
У вас в лице, в движеньях суета.
Фамусов
Ах! батюшка, нашёл загадку,
Не весел я!.. В мои лета
Не можно же пускаться мне вприсядку!
Чацкий
Никто не приглашает вас;
Я только, что спросил два слова
Об Софье Павловне, быть может, нездорова?
Фамусов
Тьфу, господи прости! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет пригоже,
То Софья Павловна больна, –
Скажи, тебе понравилась она?
Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

Чацкий
А вам на что?
Фамусов
Меня не худо бы спроситься,
Ведь я ей несколько сродни;
По крайней мере искони
Отцом недаром называли.
Чацкий
Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?
Фамусов
Сказал бы я, во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А, главное, поди-тка послужи.
Чацкий
Служить бы рад, прислуживаться тошно.
Фамусов
Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал; сто человек к услугам;
Весь в орденах; езжал-то вечно цугом;
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине.
А в те поры все важны! в сорок пуд...
Раскланяйся – тупеем не кивнут.
Вельможа в случае – тем паче,
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьёзный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,

И он сгибался вперегиб:
На куртаге ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкий;
Был высочайшею пожалован улыбкой;
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругóрядь – уж нарочно, –
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по вашему? по нашему – смышлён.
Упал он больно, встал здорово.
Зато, бывало, в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович! Кто пред всеми знал почёт?
Максим Петрович! Шутка!
В чины выводит кто и пенсии дает?
Максим Петрович! Да! Вы, нынешние, – ну-тка!
Чацкий
И точно начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с трудом;
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
Как не в войне, а в мире брали лбом;
Стучали об пол не жалея!

Давайте обсудим

1. Как Чацкий оценивает изменения в фамусовском обществе, сравнивая «век нынешний» и «век минувший»? Найдите в тексте слова и выражения, отражающие личную позицию Чацкого по этому вопросу.

Явление 5 *(фрагмент)*

Фамусов (Чацкому)
Эй, завяжи на память узелок;
я помолчать, не велика услуга.
(Скалозубу)
Позвольте, батюшка.
Вот-с – Чацкого, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он пользы не находит,

Но захоти – так был бы деловой,
Жаль, очень жаль, он малый с головой;
И славно пишет, переводит. Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом.
Чацкий
Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
И похвалы мне ваши досаждают.
Фамусов
Не я один, все также осуждают.
Чацкий
А судьи кто? – За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времен Очаковских и покоренья Крыма;
Всегда готовые к журьбе,
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Где? укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве,
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.
Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?
Не тот ли, вы к кому меня ещё с пелен,
Для замыслов каких-то непонятных,
Дитёй возили на поклон?
Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окружённый слуг;
Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменил борзые три собаки!!!
Или вон тот ещё, который для затей
На крепостной балет согнал на многих фурах
От матерей, отцов отторженных детей?!
Сам погружён умом в Зефирах и в Амурах,
Заставил всю Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке:
Амуры и Зефиры все
Распроданы по одиночке!!

Вот те, которые дожили до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши строгие ценители и судьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдётся – враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким
и прекрасным,
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывёт у них мечтателем! опасным!! –
Мундир! один мундир! Он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый!
И в жёнах, дочерях – к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть;
Но кто б тогда за всеми не повлёкся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали, –
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

Фамусов

(про себя)
Уж втянет он меня в беду.
(Громко.)
Сергей Сергеич, я пойду,
И буду ждать вас в кабинете.
(Уходит.)

Скалозуб отвечает репликой на монолог Чацкого. Софья видит из окна, как Молчалин падает с лошади, и теряет сознание. Всеобщее смятение, попытки привести Софью в чувство. Чацкий удаляется, догадываясь об отношениях Софьи и Молчалина. Софья приглашает Скалозуба на вечер.

Работа в группах

1 группа – определите, как развивается общественный конфликт в комедии.
2 группа – охарактеризуйте Фамусова и фамусовское общество.
3 группа – сопоставьте взгляды Чацкого и Фамусова.
4 группа – определите в процессе анализа, какой конфликт – личный или общественный – выступает основным в комедии и где они пересекаются.

Домашнее задание

Составьте сравнительную таблицу.

Ключевые позиции	Фамусов	Чацкий
Мировоззрение героя	Например: образец для подражания – Максим Петрович, отличительные черты: карьерист, лицемер, низкопоклонник	Ему противны чинопочитание, лицемерие, раболепство
Ценности	*	*
Образ жизни	*	*

Задание

Прочитайте продолжение комедии.

Действие III
Явление 1

Чацкий, потом София.

Чацкий
Дождусь её, и вынужу признанье:
Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?.. А тот –
Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие манёвров и мазурки!
Судьба любви – играть ей в жмурки,
А мне...
Входит София.
Вы здесь? я очень рад, Я этого желал.
София
(про себя)
И очень невпопад.
Чацкий
Конечно не меня искали?
София
Я не искала вас.
Чацкий
Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, ну́жды нет,
Кого вы любите?
София

Ах! Боже мой! весь свет.

Чацкий

Кто более вам мил?

София

Есть многие, родные.

Чацкий

Все более меня?

София

Иные.

Чацкий

И я чего хочу, когда всё решено?
Мне в петлю лезть, а ей смешно.

София

Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Весёлость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота́ готова,
А сами вы...

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна;
А над собой гроза куда не бесполезна.

Чацкий

Я странен; а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож;
Молчалин например... <...>

София

Конечно, нет в нём этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,

Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нём хоть что-нибудь сказал;
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?

Чацкий

Сатира и мораль – смысл этого всего?
(В сторону.)
Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства
Он наконец: уступчив, скромен, тих,
В лице ни тени беспокойства
И на душе проступков никаких;
Чужих и вкривь и вкось не рубит, –
Вот я за что его люблю.

Чацкий

(в сторону)
Шалит, она его не любит.
(Вслух.)
Докончить я вам пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозуб? вот загляденье:
За армию стоит горой,
И прямизною стана,
Лицом и голосом герой...

София

Не моего романа.

Чацкий

Не вашего? кто разгадает вас?

Задание

Подумайте и проведите ассоциативный анализ.

1. Рассмотрите точки зрения Чацкого и Софьи в данном диалоге, соотнесите их с вашими личными впечатлениями и ассоциациями.

2. Какие эмоции вызывает у вас главный герой произведения: положительные или отрицательные? Почему?

Явление 3

Чацкий, потом Молчалин.

Чацкий

Ах! Софья! Неужли Молчалин избран ей!
А чем не муж? Ума в нём только мало;

Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?
Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.
Входит Молчалин.
Вот он, на цыпочках, и не богат словами;
Какою ворожбой умел к ней в сердце влезть!
(Обращается к нему.)
Нам, Алексей Степаныч, с вами
Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?
Молчалин
По-прежнему-с.
Чацкий
А прежде как живали?
Молчалин
День за́ день, нынче как вчера.
Чацкий
К перу от карт? и к картам от пера?
И положённый час приливам и отливам?
Молчалин
По мере я трудов и сил,
С тех пор, как числюсь по Архивам,
Три награжденья получил.
Чацкий
Взманили почести и знатность?
Молчалин
Нет-с, свой талант у всех...
Чацкий
У вас?
Молчалин
Два-с: Умеренность и аккуратность.
Чацкий
Чудеснейшие два! и стоят наших всех.
Молчалин
Вам не дались чины, по службе неуспех?
Чацкий
Чины людьми даются;
А люди могут обмануться.
Молчалин
Как удивлялись мы!
Чацкий
Какое ж диво тут?

Молчалин
Жалели вас.
Чацкий
Напрасный труд.
Молчалин
Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...
Чацкий
Ей почему забота?
Молчалин
Татьяне Юрьевне!
Чацкий
Я с нею незнаком.
Молчалин
С Татьяной Юрьевной!!
Чацкий
С ней век мы не встречались;
Слыхал, что вздорная.
Молчалин
Да это, полно, та ли-с?
Татьяна Юрьевна!!! Известная, – притом
Чиновные и должностные
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам.
Чацкий
На что же?
Молчалин
Так: частенько там
Мы покровительство находим, где не метим.
Чацкий
Я езжу к женщинам, да только не за этим.
Молчалин
Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы даёт нельзя богаче,
От Рождества и до поста,
И летом праздники на даче.
Ну, право, что́ бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать, и весело пожить?
Чацкий
Когда в делах, я от веселий прячусь,
Когда дурачиться: дурачусь;

А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников, я не из их числа.
Молчалин
Простите, впрочем, тут не вижу преступленья;
Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?
Чацкий
Ну что ж?
Молчалин
При трёх министрах был начальник отделенья;
Переведен сюда...
Чацкий
Хорош!
Пустейший человек из самых бестолковых!
Молчалин
Как можно! слог его здесь ставят в образец!
Читали вы?
Чацкий
Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.
Молчалин
Нет, мне так довелось с приятностью прочесть,
Не сочинитель я...
Чацкий
И по всему заметно.
Молчалин
Не смею моего сужденья произнесть.
Чацкий
Зачем же так секретно?
Молчалин
В мои лета не должно сметь
Своё суждение иметь.
Чацкий
Помилуйте, мы с вами не ребяты;
Зачем же мнения чужие только святы?
Молчалин
Ведь надобно ж зависеть от других.
Чацкий
Зачем же надобно?
Молчалин
В чинах мы небольших.
Чацкий
(почти громко)
С такими чувствами, с такой душою
Любим!.. Обманщица смеялась надо мною!

Домашнее задание

Продолжите заполнение предложенной сравнительной таблицы. Найдите в тексте и выпишите высказывания персонажей комедии о своих жизненных позициях.

Чацкий	Молчалин
Зачем же мнения чужие только святы?	Не смею своего сужденья произнесть… В мои лета не должно сметь своё суждение иметь.

[Вечер того же дня. Обычная суета, предшествующая началу званого вечера в дворянском доме. Чацкий встречается с гостями Фамусова – Натальей Дмитриевной, Платоном Михайловичем, князем и княгиней Тугоуховскими и их шестью дочерьми, графиней-бабушкой и графиней-внучкой Хрюминами. Происходит обычный светский разговор, сплетни, слухи. Матери, имеющие дочерей на выданье, расспрашивают присутствующих о новом госте. <...>

Разгневанная Софья в разговоре с господином N. впервые высказывает мысль о сумасшествии Чацкого. Господа N. и D. распространяют слухи, обсуждают сумасшествие Чацкого с Загорецким. Далее слухи распространяет Загорецкий, к обсуждению новости присоединяются графиня-внучка и графиня-бабушка Хрюмины, князь Тугоуховский. Общество взбудоражено неожиданной и скандальной новостью.

Действие IV

[Действие продолжается в парадных сенях в доме Фамусова, видна большая лестница, выход на крыльцо и комната Молчалина. Гости Фамусова разъезжаются. Чацкий ищет свою карету.]

Явление 4

Чацкий, Репетилов (вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется).

Репетилов

Тьфу! оплошал. – Ах, мой создатель!
Дай протереть глаза; откудова? приятель!..
Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher! [1]
Вот фарсы мне как часто были петы,
Что пустомеля я, что глуп, что суевер,
Что у меня на всё предчувствия, приметы;
Сейчас... растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,
Хвать, об порог задел ногою,
И растянулся во весь рост.

[1] Мой милый! *(франц.)*.

Пожалуй смейся надо мною,
Что Репетилов врет, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влеченье, род недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдёшь себе такого друга,
Такого верного, ей-ей;
Пускай лишусь жены, детей,
Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом,
И разразит меня господь...

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело,
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничиженье!

Репетилов

Ругай меня, я сам кляну своё рожденье,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час?

Чацкий
Час ехать спать ложиться;
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.
Репетилов
Что бал? братец, где мы всю ночь до бела дня,
В приличьях скованы, не вырвемся из ига,
Читал ли ты? есть книга...
Чацкий
А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?
Репетилов
Зови меня вандалом:
Я это имя заслужил.
Людьми пустыми дорожил!
Сам бредил целый век обедом или балом!
Об детях забывал! обманывал жену!
Играл! проигрывал! в опеку взят указом!<...>
Чацкий
Послушай! ври, да знай же меру;
Есть от чего в отчаянье прийти.
Репетилов
Поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими!! – Всю ночь не рыщу напролёт.
Чацкий
Вот нынче например?
Репетилов
Что? ночь одна не в счёт! Зато спроси, где был?
Чацкий
И сам я догадаюсь, Чай в клубе? <...>
Репетилов
Именно.
Чацкий
Вот меры чрезвычайны,
Чтоб взáшеи прогнать и вас, и ваши тайны.
Репетилов
Напрасно страх тебя берёт,
Вслух, громко говорим, никто не разберёт.
Я сам, как схватятся о камерах, присяжных,
О Бейроне, ну о матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ;
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах, Alexandre! у нас тебя недоставало;

Послушай, миленький, потешь меня хоть мало;
Поедем-ка сейчас; мы, благо, на ходу;
С какими я тебя сведу
Людьми!!! Уж на меня нисколько не похожи.
Что за́ люди, mon cher! Сок умной молодёжи!

Чацкий

Бог с ними и с тобой. Куда я поскачу?
Зачем? в глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынче спит? Ну, полно, без прелюдий,
Решись, а мы!.. у нас... решительные люди,
Горячих дюжина голов!
Кричим – подумаешь, что сотни голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим...

Чацкий

Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять теперь и недосуг,
Но государственное дело:
Оно, вот видишь, не созрело,
Нельзя же вдруг.
Что за люди! mon cher! Без дальних я историй
Скажу тебе: во-первых, князь Григорий!!
Чудак единственный! нас со́ смеху морит!
Век с англичанами, вся а́нглийская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же коротко обстрижен для порядка.
Ты не знаком? о! познакомься с ним.
Другой – Воркулов Евдоким,
Ты не слыхал, как он поёт? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«Ах! нон лашяр ми, но, но, но» [2].
Ещё у нас два брата:
Левон и Боринька, чудесные ребята!
Об них не знаешь что сказать;
Но если гения прикажете назвать:
Удушьев Ипполит Маркелыч!!!

---

[2] Ах, не покидай меня, нет, нет, нет (от *итал.* «A, non lasciur mi, no, no, no»).

Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братец, да он не пишет ничего;
Вот эдаких людей бы сечь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать;
В журналах можешь ты однако отыскать
Его *отрывок, взгляд* и *нечто*.
Об чем бишь *нечто*? – обо всем;
Все знает, мы его на чёрный день пасем.
Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руке нечист;
Да умный человек не может быть не плутом.
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные? Навряд...
Ну, между ими я, конечно, зауряд,
Немножко поотстал, ленив, подумать ужас!
Однако ж я, когда, умишком понатужась,
Засяду, часу не сижу,
И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу,
Другие у меня мысль эту же подцепят,
И вшестером, глядь, водевильчик слепят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.
Брат, смейся, а что любо, любо:
Способностями бог меня не наградил,
Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
Совру – простят...
Лакей
(у подъезда)
Карета Скалозуба.
Репетилов
Чья?

Давайте обсудим

1. Есть ли общее в суждениях Молчалина и Репетилова?
2. Можно ли утверждать, что это общая позиция многих людей «века минувшего»? Изменилась ли она в «веке нынешнем»?
3. Правомерно ли говорить об исключительности взглядов Чацкого?

Молчалин	Репетилов
Не смею своего сужденья произнесть… В мои лета не должно сметь своё суждение иметь. Ведь надобно ж зависеть от других. Мы покровительство находим где не метим. Два таланта: умеренность и аккуратность.	Шумим, братец, шумим... Способностями бог меня не наградил... Всё отвергал: законы! совесть! веру! Да умный человек не может быть не плутом.

Домашнее задание

Творческое задание. Выпишите крылатые слова и выражения комедии «Горе от ума». Попробуйте перевести их на узбекский язык или найти аналоги.

Явление 10

Последняя лампа гаснет.

Чацкий
(выходит из швейцарской)
Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех, а явно злость. Какими чудесами?
Через какое колдовство
Нелепость обо мне все в голос повторяют!
И для иных как словно торжество,
Другие будто сострадают...
О! если б кто в людей проник:
Что хуже в них? душа или язык?
Чьё это сочиненье!
Поверили глупцы, другим передают,
Старухи вмиг тревогу бьют –И вот общественное мненье!
И вот та родина... Нет, в нынешний приезд,
Я вижу, что она мне скоро надоест.
А Софья знает ли? Конечно, рассказали,
Она не то чтобы мне именно во вред
Потешилась, и правда или нет

Ей все равно, другой ли, я ли,
Никем по совести она не дорожит.
Но этот обморок? беспамятство откуда?
Нерв избалованность, причуда –
Возбудит малость их и малость утишит...
Я признаком почёл живых страстей. – Ни крошки:
Она, конечно бы, лишилась так же сил,
Когда бы кто-нибудь ступил
На хвост собачки или кошки.

София

(над лестницей во втором этаже, со свечкою)

Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припирает.)

Чацкий

Она! она сама!
Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи.
Явилась! нет её! неу́жели в виденьи?
Не впрямь ли я сошёл с ума?
К необычайности я точно приготовлен;
Но не виденье тут, свиданья час условлен.
К чему обманывать себя мне самого?
Звала Молчалина, вот комната его.

Лакей его

(с крыльца)

Каре...

Чацкий

Сс!..

(Выталкивает его вон.)

Буду здесь, и не смыкаю глазу,
Хоть до утра. Уж коли горе пить,
Так лучше сразу,
Чем медлить, – а беды медленьем не избыть.
Дверь отворяется.
(Прячется за колонну.) <...>

Явление 12

Чацкий за колонной, Лиза, Молчалин *(потягивается и зевает)*, София *(крадется сверху).*

Лиза

Вы, сударь, камень, сударь, лед.

Молчалин

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Лиза

От барышни-с.

Молчалин
Кто б отгадал,<...>
Охота быть тебе лишь только на посылках?
Лиза
А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы;
Пригож и мил, кто не доест
И не доспит до свадьбы.
Молчалин
Какая свадьба? с кем?
Лиза
А с барышней?
Молчалин
Поди,
Надежды много впереди,
Без свадьбы время проволочим.
Лиза
Что вы, судáрь! да мы кого ж
Себе в мужья другого прочим?
Молчалин
Не знаю. А меня так разбирает дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павел Афанасьич раз
Когда-нибудь поймает нас,
Разгонит, проклянёт!.. Да что? открыть ли душу?
Я в Софье Павловне не вижу ничего
Завидного. Дай бог ей век прожить богато,
Любила Чацкого когда-то,
Меня разлюбит, как его.
Мой ангельчик, желал бы вполовину
К ней то же чувствовать, что чувствую к тебе;
Да нет, как ни твержу себе,
Готовлюсь нежным быть, а свижусь – и простыну.
София
(в сторону)
Какие низости!
Чацкий
(за колонной)
Подлец!
Лиза
И вам не совестно?
Молчалин
Мне завещал отец:

Во-первых, угождать всем людям без изъятья;
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежанья зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Лиза

Сказать, судáрь, у вас огромная опека!

Молчалин

И вот любовника я принимаю вид
В угодность дочери такого человека...

Лиза

Который кормит и поит,
А иногда и чином подарит?
Пойдемте же, довольно толковали.<...>

София

(почти шепотом; вся сцена вполголоса)
Нейдите далее, наслушалась я много,
Ужасный человек! себя я, стен стыжусь.

Молчалин

Как! Софья Павловна...

София

Ни слова, ради бога,
Молчите, я на все решусь.

Молчалин

(бросается на колена, София отталкивает его)
Ах! вспомните! не гневайтеся, взгляньте!.

София

Не помню ничего, не докучайте мне.
Воспоминания! как острый нож оне.

Молчалин

(ползает у ног её)
Помилуйте...

София

Не подличайте, встаньте.
Ответа не хочу, я знаю ваш ответ,
Солжёте...

Молчалин

Сделайте мне милость...

София

Нет. Нет. Нет.

Молчалин

Шутил, и не сказал я ничего, окроме...

София
Отстаньте, говорю, сейчас,
Я криком разбужу всех в доме,
И погублю себя и вас.
Молчалин встает.
Я с этих пор вас будто не знавала.
Упрёков, жалоб, слёз моих
Не смейте ожидать, не стоите вы их;
Но чтобы в доме здесь заря вас не застала,
Чтоб никогда об вас я больше не слыхала.
Молчалин
Как вы прикажете.
София
Иначе расскажу
Всю правду батюшке, с досады.
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите. – Стойте, будьте рады,
Что при свиданиях со мной в ночной тиши
Держались более вы робости во нраве,
Чем даже днём, и при людях, и в яве,
В вас меньше дерзости, чем кривизны души.
Сама довольна тем, что ночью всё узнала,
Нет укоряющих свидетелей в глазах,
Как давиче, когда я в обморок упала.
Здесь Чацкий был...
Чацкий
(бросается между ними)
Он здесь, притворщица!

Лиза и София Ах! Ах!..

Лиза свечку роняет с испугу; Молчалин скрывается к себе в комнату.

Давайте обсудим

1. Можно ли считать данную главу кульминационной в развитии любовного конфликта?
2. Происходит ли разрешение социального конфликта в этой главе?

Творческое задание

Мини-инсценировки или чтение наизусть по выбору учащихся:

1. Монолог Чацкого
2. Монолог Фамусова
3. Софья
4. Молчалин
5. Скалозуб

Явление 13

Те же, кроме Молчалина.

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давишной причина есть тому,
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!
Не знаю, как в себе я бешенство умерил!
Глядел, и видел, и не верил!
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх и стыд, –
За двери прячется, боится быть в ответе.
Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница, бич! –
Молчалины блаженствуют на свете!

София

(вся в слезах)

Не продолжайте, я виню себя кругом.
Но кто бы думать мог, чтоб был он так коварен!

Лиза

Стук! шум! ах! боже мой! сюда бежит весь дом.
Ваш батюшка, вот будет благодарен.

Явление 14

Чацкий,София, Лиза, Фамусов, толпа слуг со свечами.

Фамусов

Сюда! за мной! скорей! скорей!
Свечей побольше, фонарей!
Где домовые? Ба! знакомые всё лица!
Дочь, Софья Павловна! страмница!
Бесстыдница! где! с кем! Ни дать, ни взять она,
Как мать её, покойница жена.
Бывало я с дражайшей половиной
Чуть врознь: – уж где-нибудь с мужчиной!
Побойся бога, как? чем он тебя прельстил?
Сама его безумным называла!
Нет! глупость на меня и слепота напала!
Всё это заговор, и в заговоре был
Он сам, и гости все. За что я так наказан!..

Чацкий

(Софии)

Так этим вымыслом я вам ещё обязан?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,

Хоть подерётесь, не поверю.
Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвёл ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего.
Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?
И как не досмотрел? и как ты не дослышал?
В работу вас, на поселенье вас:
За грош продать меня готовы.
Ты, быстроглазая, всё от твоих проказ;
Вот он. Кузнецкий мост, наряды и обновы;
Там выучилась ты любовников сводить,
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка в и́збу, марш, за птицами ходить;
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю;
Ещё дни два терпение возьми;
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми.
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов,
Там будешь горе горевать.
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, суда́рь, прошу я толком
Туда не жаловать ни прямо, ни просёлком;
И ваша такова последняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будет заперта:
Я постараюсь, я, в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот,
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, государю.

Чацкий

(после некоторого молчания)
Не образумлюсь... виноват,
И слушаю, не понимаю,
Как будто всё ещё мне объяснить хотят,
Растерян мыслями... чего-то ожидаю.
(С жаром.)
Слепец! я в ком искал награду всех трудов!
Спешил!.. летел! дрожал! вот счастье, думал, близко.
Пред кем я давиче так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!
А вы! О боже мой! кого себе избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли!
Зачем меня надеждой завлекли?

Зачем мне прямо не сказали,
Что всё прошедшее вы обратили в смех?
Что память даже вам постыла
Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех,
Которые во мне ни даль не охладила,
Ни развлечения, ни перемена мест.
Дышал, и ими жил, был занят беспрерывно!
Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,
Мой вид, мои слова, поступки – всё противно, –
Я с вами тотчас бы сношения пресёк,
И перед тем, как навсегда расстаться,
Не стал бы очень добираться,
Кто этот вам любезный человек?..
(Насмешливо.)
Вы помиритесь с ним, по размышленьи зрелом.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спосылать за делом.
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей –
Высокий идеал московских всех мужей. –
Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом.
А вы, судáрь отец, вы, страстные к чинам:
Желаю вам дремать в неведеньи счастливом,
Я сватаньем моим не угрожаю вам.
Другой найдется благонравный,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами наконец
Он будущему тестю равный.
Так! отрезвился я сполна,
Мечтанья с глаз долой – и спала пелена;
Теперь не худо б было сряду
На дочь и на отца<...>
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором, –
Безумным вы меня прославили всем хором.
Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,

Подышит воздухом одним,
И в нём рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорблённому есть чувству уголок! –
Карету мне, карету!
(Уезжает.)

Явление 15

Кроме Чацкого.

Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошел?
Скажи сурьёзно:
Безумный! что он тут за чепуху молол!
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!
А ты меня решилась уморить?
Моя судьба ещё ли не плачевна?
Ах! Боже мой!
что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

Давайте подумаем

Своеобразие комедии обусловлено новым подходом построения классицистической драмы, что привело к видоизменению традиционного любовного сюжета и композиции пьесы.

Сюжет – система событий в произведении.

Композиция – построение художественного произведения, расположение его частей.

Наряду с содержательным переосмыслением классицистической драматургии Грибоедов написал пьесу вольными ямбами, разностопными стихами (ямб у него то трёхстопный, то четырёхстопный, а то и пяти-шестистопный), какими обычно писались басни.

Познакомьтесь с фрагментом из статьи И. А. Гончарова «Мильон терзаний», посвящённой литературоведческому разбору «Горя от ума», и подумайте, какую роль и почему отводит писатель общественной и любовной интригам пьесы.

«Комедия «Горе от ума» держится каким-то особняком в литературе. Она, как столетний старик, около которого все, отжив по очереди свою пору, умирают и валятся, а он ходит, бодрый и свежий, между могилами старых и колыбелями новых людей. И никому в голову не приходит, что настанет когда-нибудь и его черёд. Главная роль, конечно, – роль Чацкого, без которого не было бы комедии, а была бы, пожалуй, картина нравов. Можно

было бы подумать, что Грибоедов, из отеческой любви к своему герою, польстил ему в заглавии, как будто предупредив читателя, что герой его умён, а все прочие около него не умны. Но Чацкий не только умнее всех прочих лиц, но и положительно умён. Речь его кипит умом, остроумием. У него есть и сердце, и притом он безукоризненно честен. Словом, – это человек не только умный, но и развитой, с чувством, или, как рекомендует его горничная Лиза, он «чувствителен, и весел, и остёр!». Только личное его горе произошло не от одного ума, а более от других причин, где ум его играл страдательную роль. Чацкий, как видно, готовился серьёзно к деятельности. «Он славно пишет, переводит», говорит о нём Фамусов, и все твердят о его высоком уме. Он, конечно, путешествовал... учился, читал, принимался, как видно, за труд, был в сношениях с министрами и разошёлся – не трудно догадаться почему: Служить бы рад, прислуживаться тошно, – намекает он сам. Всякий шаг, почти всякое слово в пьесе тесно связаны с игрой чувства его к Софье, раздражённого какою-то ложью в её поступках, которую он и бьётся разгадать до самого конца. Весь ум его и все силы уходят в эту борьбу: она и послужила мотивом, поводом к раздражениям, к тому «мильону терзаний», под влиянием которых он только и мог сыграть указанную ему Грибоедовым роль, роль гораздо большего, высшего значения, нежели неудачная любовь, словом, роль, для которой и родилась вся комедия».

Разговорный язык комедии – яркая, образная, афористичная живая речь с большим количеством крылатых слов и выражений.

Задание

Давайте подведём итоги изучения комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», ответив на заключительные вопросы.

1. Взгляды представителей какого общественного движения отразила комедия?
2. Черты каких литературных направлений присутствуют в комедии? К какому направлению относят комедию в целом и почему?
3. В чём особенность жанра «Горя от ума»?
4. Определите специфику конфликта в комедии.
5. Охарактеризуйте образ главного героя Чацкого: его жизненный путь, поступки, характер, взгляды, высказывания. Какое противоречие заложено в намерениях героя? Ваше отношение к Чацкому? Одинок ли герой?
6. Охарактеризуйте образ Фамусова: его положение в обществе, взгляды на службу, образование, воспитание и замужество дочери, отношение к моде на всё французское, отношение к Чацкому.
7. Каково значение образа Молчалина в комедии? Каковы жизненные принципы героя, в каких словах, поступках они проявляются?
8. В чём противоречивость характера Софьи?
9. Можно ли считать, что конфликт комедии не разрешён ?
10. Сформулируйте идею произведения и перечислите проблемы, которые поднимает комедия.
11. Какова основная идея критической статьи И. А Гончарова «Мильон терзаний»?

УСМАН АЗИМ (1950 г.)

Знакомство с автором

Усман Азим (настоящее имя Усман Азимович Джураев) – народный поэт Узбекистана, драматург, кинодраматург и прозаик, родился в 1950 году в Байсунском районе Сурхандарьинской области Узбекистана. Его работы в кино часто освещают темы, связанные с личными конфликтами, семейными ценностями и социальными вопросами, что делает его фильмы важными для зрителей, интересующихся культурой и общественной жизнью Центральной Азии.

Лирика Усмана Азима

Лирика Усмана Азима наполнена яркими образами, обусловлена социальной и философской направленностью. К поэту пришла известность сразу после публикации первого сборника стихотворений с символичным названием **«Понять человека»**, актуальность проблематики которого соотносится с вечными вопросами человеческого бытия: размышлениями о жизни, любви, значимости моральных ценностей.

Подготовка к встрече с текстом

Стихотворение Усмана Азима **«Недвижный полдень на земле...»** погружает нас в умиротворённый, почти идеализированный мир природы, в котором момент гармонии и процесс созерцания становятся гранями единого целого. Поэт воспевает лето – жаркое, живое, полное света. Главный герой июль – это заботливый садовник, расчёсывающий землю, поливающий росой травы, дарящий ветру гребёнку для прохлады. Природа свободная и могучая, как человеческая душа, не выносит границ и не терпит приказов. Личное местоимение «я», выражающее

позицию лирического героя, соединяется с авторской позицией в понимании счастья. Это состояние определяется в единстве двух начал: природного и духовного и ключевыми координатами образа «раскованной души». Таким образом, природа становится пространством спокойствия и счастья, в котором герой может обрести душевную гармонию.

Давайте поговорим

1. Что для вас означает быть ***свободным душой***?
2. Можно ли почувствовать счастье в простых вещах, таких как ***шёпот травы, росы на листьях, тень дерева***?
3. Как вы понимаете фразу ***«Всегда быть скованной душе – что за отрада?»***

Задание

Прочитайте выразительно стихотворение Усмана Азима «Недвижный полдень на земле...»

* * *

Недвижный полдень на земле, и мало тени.
Ни облака на небесах, почти бесцветных.
Лишь дерева скупая сень. Под этой сенью
спит лето знойное моё. Спит лето.

На грядки землю расчесав ещё с рассвета,
июль-садовник оживил росою травы.
На час у сада одолжив гребенку ветра,
он хоть на миг мне подарил чуть-чуть прохлады.

Здесь нет оград. И что за толк в любой ограде,
когда к природе с детских лет душа приникла.
Как капли алого вина в хрустальных гранях,
мне светит, листья распустив, в росе клубника.

Качнулся клевер, а вдали – свист птиц из сада.
Ну как же к этому всему быть безучастным?
Всегда быть скованной душе – что за отрада?
Гляжу я, душу расковав, на это счастье.

Перевод А. Файнберга

Давайте обсудим

1. Как автор рисует «своё знойное лето»? Обратите внимание на возвратное местоимение «своё».

2. Поясните ваше понимание образа «раскованной души». Как в нём проявляется единство природного и духовного начал?

Практическая работа

Попробуйте описать знойное лето в прозе.

Подготовка к встрече с текстом

Ключевая тема стихотворения **«Урюка цвет в траве»** – тема любви, её роли в жизни человека – раскрывается нетрадиционно. Образ упавшего в траву урюка, олицетворяющий утрату любви, выстраивается на контрасте: любовь – как боль, её утрата – как спасение. Воспоминания о любви вызывают тревогу, герой боится постоянных дум о пережитом. Метафорический образ боли-любви дополняется сравнительной характеристикой, в которой память о любви становится реальным звуком, раскатом грома «как грозы из тиши» в сочетании с терзанием души, наполненной болью. Последнее четверостишие свидетельствует о глубокой ране в душе лирического героя, который готов быть камнем, жить меж теней, то есть жить без любви. Градация чувствований героя обусловлена страхом за своё душевное состояние и является свидетельством глубокого сильного чувства. И, несмотря на время, герой не хочет позволить «душе открыть свои глаза слезам».

Давайте поговорим

1. Как вы считаете, может ли человек управлять своими чувствами или нет?

2. Найдите в тексте метафорический образ боли-любви. Правомерно ли такое определение образа?

Задание

Прочитайте выразительно стихотворение Усмана Азима «Урюка цвет в траве».

* * *

Урюка цвет в траве.
Вон ветерок подул.
А думать о тебе?..
Боюсь я этих дум.

Лишь вспомню про любовь,
как в грозы из тиши
к тебе рванётся боль
истерзанной души.

Уж лучше камнем быть,
чем сердцем чуять страх,
чем вновь душе открыть
свои глаза в слезах.

Уж лучше меж теней
жить, вовсе не любя...
Подумать о тебе
мне страшно за себя.

Перевод А. Файнберга

Домашнее задание

Заполните таблицу. Выпишите в тетрадь тропы и изобразительные средства из двух стихотворений Усмана Азима.

Объект сравнения	Недвижный полдень на земле...	Урюка цвет в траве
Метафора	*	*
Сравнение	*	*

Давайте обсудим

1. Какие ассоциации с образом ***ветра*** рождаются у вас? Это свобода, перемены, воспоминания или...?
2. Почему в стихотворении упоминается ***цветущий урюк***? Может ли это быть символом любви или уходящей весны?
3. Как вы понимаете фразу ***«Уж лучше камнем быть»***? Почему лирический герой хочет избавиться от чувств?

Подготовка к встрече с текстом

В стихотворении **«Ночные облака легли на гребни гор...»** автор рисует время-ночь, в пространстве которого «крылья древней мглы спустились на долины». Автор соединяет координаты прошлого с временем настоящего, сегодняшнего дня, в пространстве которого ведётся душевный разговор, который свидетельствует о вечной потребности человека найти родственную душу. Автор, используя ряд синонимов – «душевный разговор», «беседа», – подчёркивает важность общения с духовно близким человеком, стремления к пониманию, теплу и доброте. Образ «золотого костра» становится ключевым в стихотворении, искорки которого, как искорки горящего сердца Данко, согревают мир теплом, даруя надежду на взаимопонимание, любовь и счастье, несмотря «на глыбы туч», кочующую мимо мглу и растущую гору.

Давайте поговорим

1. Выпишите составляющие образа «время-ночь».
2. Какое значение имеет процесс общения? Как этот процесс описывает автор?

Задание

Прочитайте выразительно стихотворение Усмана Азима «Ночные облака легли на гребни гор…».

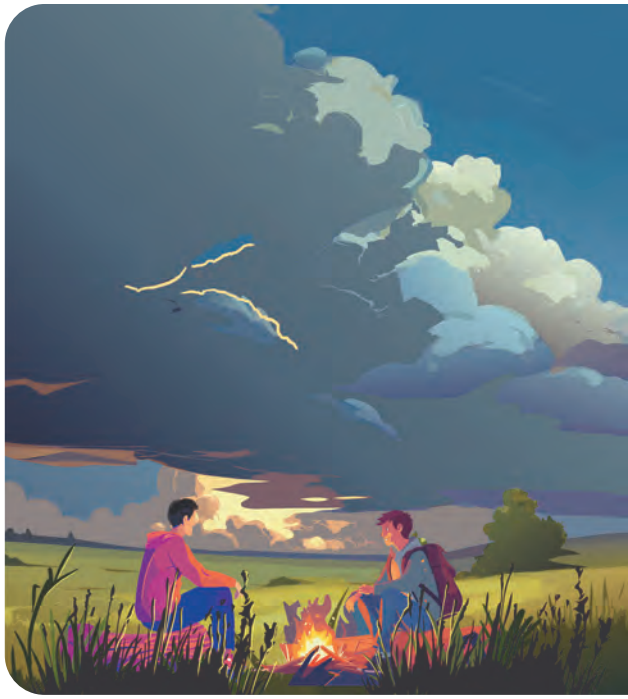
* * *

Ночные облака легли на гребни гор,
и крылья древней мглы спустились на долины.
А мы с тобой ведём душевный разговор.
И светятся сердца. И мгла кочует мимо.

Когда б росла гора, ломая глыбы туч,
она б их темноту вершиною пробила,
и как струну, звезда нам даровала б луч,
напомнив, что душа – всегда основа мира.

Однако ночь как ночь. Вся в океане мглы.
И в небе – ни звезды. И тучи над горами.
Но мы с тобой вдвоём. Ведём беседу мы.
И золотой костёр, искрясь, горит меж нами.

Перевод А. Файнберга

Давайте обсудим

1. Вспомните свой самый задушевный разговор. Какова была его тематика? Чем он вам запомнился?
2. Можно ли словами «разогнать» тьму? Какова роль «золотого костра» в стихотворении?
3. Как вы понимаете метафору «душа – всегда основа мира»?
4. Какое значение для вас имеет процесс общения в контексте дружбы, любви, человеческих взаимоотношений?
5. Что помогает человеку светиться изнутри, даже если вокруг темнота? Проведите параллель с горящим сердцем Данко.

Подготовка к встрече с текстом

Стихотворение **«Снег падает на снег и день, и ночь»** построено на антитезе: день – ночь; конь – волк; жизнь – смерть. Поэт погружает читателя в мир вечного противостояния. Развитие метафорического образа «снег падает на снег» реализуется в движении бесконечного времени и представляет круговорот вечного движения жизни, летящего из века в век. Образ снега воспринимается не только как символ вечного обновления и чистоты, но и как символ ледникового периода. Зима сковывает птицам крылья, не давая возможности взлететь, вырваться изо льда. В неумолимом беге времени происходит вечная борьба добра и зла, которую автор воплощает в образах желтоглазого волка и прекрасного коня. У каждого своя миссия: белогривый конь пытается неистовым громом, искрами огня растопить зимний холод, а у волка приоритетны хищническая натура, месть и кровь, клыки и когти.

В стихотворении противопоставлены два синонимичных ряда: смерть – зима, снег, лёд, и жизнь – костёр, искры. Заключительные строчки представляют философское обобщение, что вечное равновесие небес отражено в земной сочетаемости мгновений счастья и болью утраты. Этот принцип, утверждает автор, и определяет ход человеческого бытия: «И жизнь моя, как прежде, между ними».

Давайте поговорим

1. Какие эмоции у вас вызывает снег? Определите его символику: чистота, холод, одиночество или...?
2. Как вы представляете себе степь в зимнюю бурю? Что может чувствовать человек или животное в такой среде?
3. Почему в литературе часто описывается противостояние человека, животного и природы?

Задание

Прочитайте выразительно стихотворение Усмана Азима «Снег падает на снег и день, и ночь».

* * *

Снег падает на снег и день, и ночь.
И по степи в морозных вихрях снега
прекрасный скачет конь от смерти прочь,
И волчий вой за ним несётся следом.

Волк. Желтоглазый хищник. Месть и кровь.
Клыки и когти. И упорство бега.

Но вслед ему свинцово свищет дробь.
И снег летит из века в век от века.

Прекрасный конь летит не напоказ.
Гремят копыта. Этот гром неистов.
Конь искры мечет из огромных глаз,
чтоб зиму растопили эти искры.

В ущельях птицам крылья кроет лёд.
Им не взлететь. Льдом каждый склон окован.
Который век труба зимы поёт,
и нет конца эпохе ледниковой.

И лишь у костерка в степи пустой
в лохмотьях жизнь мечтает быть счастливой.
Но над землёю вечен хищный вой,
как вечен конь прекрасно белогривый.

Меж ними равновесие небес,
которому, как прежде, Вечность имя.
Мгновенья счастья, боль утрат и бед.
И жизнь моя, как прежде, между ними.

Перевод А. Файнберга

Давайте обсудим

1. Определите символику образной структуры стихотворения. Какие образы вы можете выделить?
2. Объясните фразу: ***«Прекрасный скачет конь от смерти прочь»***?
3. Можно ли говорить о вечности «волчьего воя» и образа «белогривого коня»?
4. Как вы думаете, какой смысл вкладывает автор в выражение ***«равновесие небес»***?
5. Является ли борьба между жизнью и смертью, светом и тьмой, счастьем и страданием вечной? Почему?
6. Объясните смысл последней фразы стихотворения. Что для вас значит мгновение счастья на фоне жизненных испытаний? Согласны ли вы с утверждением, что счастье и боль всегда идут рядом?

«Образная карта» – графическое представление образов, встречающихся в стихотворении, и их взаимосвязь. Например, в стихах о природе можно изобразить, как деревья, ветер и реки взаимодействуют с эмоциями лирического героя.

Практическая работа

Заполните таблицу. Выпишите в тетрадь поэтические приёмы из стихотворения Усмана Азима «Снег падает на снег и день, и ночь».

Контрасты	Олицетворения	Метафоры и символы
Жизнь и смерть, свет и тьма, борьба и покой	*	*

Задание

Итоговые вопросы по творчеству Усмана Азима.

Какие темы рассматриваются в творчестве Усмана Азима?	*
Определите общую тональность его стихотворений.	*
Выделите ключевые образы в творчестве Усмана Азима на основе изученных стихотворений.	*
Можно ли говорить, что «вечные» вопросы являются главными в творчестве поэта?	*

Домашнее задание

Попробуйте создать «Образную карту» стихотворения Усмана Азима «Снег падает на снег и день, и ночь».

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН (1799–1837)

Знакомство с автором

Александр Сергеевич Пушкин – великий русский поэт, драматург и прозаик, основоположник русского литературного языка, литературный критик, историк, публицист, журналист, редактор и издатель. Один из самых известных литературных деятелей первой половины XIX века.

О романе в стихах «Евгений Онегин»

В. Г. Белинский назвал роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» «энциклопедией русской жизни». По его мнению, в произведении лаконично и в то же время предельно полно дана картина быта, идеалов и нравов всей России начала XIX века.

«Евгений Онегин» – первый русский реалистический роман. Своеобразен жанр произведения – «роман в стихах». В письме к П. Вяземскому поэт пишет: «Пишу не роман, а роман в стихах – дьявольская разница!»

Сюжет романа прост, число героев ограничено. Онегин, Ленский, Татьяна и Ольга противопоставлены друг другу. Описание и события жизни главных героев неотрывны от той среды, в которой они живут.

Реали́зм – литературное направление, в котором действительность воплощена в правдивом, реалистичном и достоверном изображении.

Давайте поговорим

1. Определите основные черты литературного направления реализм.
2. Чем роман в стихах отличается от романа в прозе?

Задание

Прочитайте роман в стихах «Евгений Онегин».

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Роман в стихах
(Отрывки)

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть – рукой пристрастной
Прими собранье пёстрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Глава первая

И жить торопится, и чувствовать спешит.
Кн. Вяземский.[1]

I

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,

[1] Из стихотворения П.А. Вяземского «Первый снег»

Каково отношение Онегина к своему дяде?
Можно ли героя назвать чёрствым человеком?

Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чёрт возьмет тебя!»

II

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых [2],
Всевышней волею Зевеса [3]
Наследник всех своих родных.
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на брегах Невы [4],
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня.

III

Служив отлично благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.
Судьба Евгения хранила:
Сперва Madame [5] за ним ходила,
Потом Monsieur [6] её сменил.
Ребенок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbé, француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в Летний сад [7] гулять водил.

IV

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.
Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде,
Как dandy [8] лондонский одет –
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку [9] танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умён и очень мил.

V

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был по мненью многих
(Судей решительных и строгих)
Учёный малый, но педант:
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С учёным видом знатока
Хранить молчанье в важном споре

---

[2] повозка на конной тяге, перевозившая почту и пассажиров

[3] в древнегреческой мифологии бог неба, грома, молний, ведающий всем миром

[4] так называют Санкт-Петербург – город, расположенный на реке Нева

[5] госпожа *(фран.)*

[6] господин *(фран.)* В то время среди русских дворян было принято нанимать французских наставников

[7] знаменитый сад Санкт-Петербурга

[8] светский франт *(англ.)*

[9] польский народный танец

1. Актуально ли сегодня крылатое выражение Пушкина «Мы все учились понемногу, Чему-нибудь и как-нибудь»? Обоснуйте свой ответ.

2. Можно ли считать Онегина образованным человеком?

И возбуждать улыбку дам
Огнём нежданных эпиграмм.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыни,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить vale,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.
Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли;
Но дней минувших анекдоты,
От Ромула до наших дней,
Хранил он в памяти своей.

VII

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея [10],
Как мы ни бились, отличить.
Бранил Гомера, Феокрита [11];
Зато читал Адама Смита [12]
И был глубокой эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог. <…>

Почему «отец понять его не мог»?

X

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!
Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!

LII

Вдруг получил он в самом деле
От управителя доклад,
Что дядя при смерти в постеле
И с ним проститься был бы рад.
Прочтя печальное посланье,
Евгений тотчас на свиданье
Стремглав по почте поскакал
И уж заранее зевал,
Приготовляясь, денег ради,
На вздохи, скуку и обман
(И тем я начал мой роман);
Но, прилетев в деревню дяди,
Его нашел уж на столе,
Как дань готовую земле.

---

[10] поэтические размеры

[11] древнегреческий поэт (III век д. н. э.), один из создателей пастушеской поэзии

[12] Адам Смит (1723–1790) – английский экономист

LIV

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же,
Хоть нет ни улиц, ни дворцов,
Ни карт, ни балов, ни стихов.
Хандра ждала его на страже,
И бегала за ним она,
Как тень иль верная жена

Давайте обсудим

1. Каким предстает Евгений Онегин в начале романа? Составьте карту образа героя, ответив на вопросы:
   – Богат герой или беден?
   – Серьёзен или легкомыслен?
   – Что автор говорит о его воспитании и образовании?
   – Как к нему относится общество?
   – Какую «науку» лучше всего смог изучить Евгений?
2. Счастлив ли Онегин? Почему? Чем это объясняет Пушкин?
3. Обобщите: можно ли назвать Онегина типичным представителем петербургского светского общества? Почему?
4. Как относится Онегин к изменениям в своей жизни, вызванным смертью дяди?

Домашнее задание

Прочитайте отрывки из второй и третьей главы по учебнику.
Определите принцип дружеских отношений Онегина и Ленского по плану:
1) изложите свою мысль: «Я считаю, что …»;
2) объясните причину появления этой мысли: «Потому что …»;
3) приведите аргументы в поддержку вашей позиции: «Например …»;
4) сделайте вывод: «Таким образом, …».

Задание

Прочитайте продолжение романа в стихах «Евгений Онегин».

Давайте поговорим

Кто из героев: Онегин или Ленский – вам более близок? Почему?

Глава вторая

I

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединённый,
Горой от ветров ограждённый,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали селы; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых дриад.

III

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.
Всё было просто: пол дубовый,
Два шкафа, стол, диван пуховый,
Нигде ни пятнышка чернил.
Онегин шкафы отворил;
В одном нашёл тетрадь расхода,
В другом наливок целый строй,
Кувшины с яблочной водой

Какой новый порядок учредил Онегин в деревне?

И календарь осьмого года:
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел.

IV

Один среди своих владений,
Чтоб только время проводить,
Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учредить.
В своей глуши мудрец пустынный,
Ярём он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.
Зато в углу своём надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчётливый сосед;
Другой лукаво улыбнулся,
И в голос все решили так,
Что он опаснейший чудак.

Почему соседи прекратили дружбу с Онегиным?

V

Сначала все к нему езжали;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышат их домашни дроги, –
Поступком оскорбясь таким,

Все дружбу прекратили с ним.
«Сосед наш неуч; сумасбродит;
Он фармазон; он пьёт одно
Стаканом красное вино;
Он дамам к ручке не подходит;
Всё *да* да *нет*; не скажет *да-с*
Иль *нет-с*». Таков был общий глас.

VI

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал
И столь же строгому разбору
В соседстве повод подавал:
По имени Владимир Ленской
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привёз учёности плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри чёрные до плеч. <…>

XI

В пустыне, где один Евгений
Мог оценить его дары,
Господ соседственных селений
Ему не нравились пиры;
Бежал он их беседы шумной,
Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно, не блистал ни чувством,
Ни поэтическим огнём,
Ни остротою, ни умом,
Ни общежития искусством;
Но разговор их милых жён
Гораздо меньше был умён.

XII

Богат, хорош собою, Ленский
Везде был принят как жених;
Таков обычай деревенский;
Все дочек прочили своих
За полурусского соседа;
Взойдёт ли он, тотчас беседа
Заводит слово стороной
О скуке жизни холостой;
Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай;
Ей шепчут: «Дуня, примечай!»
Потом приносят и гитару:
И запищит она (бог мой!):
Приди в чертог ко мне златой!..

XIII

Но Ленский, не имев, конечно,
Охоты узы брака несть,
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покороче свесть.
Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лёд и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом
И скоро стали неразлучны.
Так люди (первый каюсь я)
От делать нечего друзья. <…>

Определите роль антитезы: «Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лёд и пламень».

XVI

Меж ими всё рождало споры
И к размышлению влекло:
Племён минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду, –
Всё подвергалось их суду.
Поэт в жару своих суждений
Читал, забывшись, между тем
Отрывки северных поэм,
И снисходительный Евгений,

Какие темы были предметом споров Онегина и Ленского?

Хоть их не много понимал,
Прилежно юноше внимал. <…>

XIX

Зато и пламенная младость
Не может ничего скрывать.
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.
В любви считаясь инвалидом,
Онегин слушал с важным видом,
Как, сердца исповедь любя,
Поэт высказывал себя;
Свою доверчивую совесть
Он простодушно обнажал.
Евгений без труда узнал
Его любви младую повесть,
Обильный чувствами рассказ,
Давно не новыми для нас. <…>

XXI

Чуть отрок, Ольгою пленённый,
Сердечных мук ещё не знав,
Он был свидетель умиленный
Её младенческих забав;
В тени хранительной дубравы
Он разделял её забавы,
И детям прочили венцы
Друзья-соседи, их отцы.
В глуши, под сению смиренной,
Невинной прелести полна,
В глазах родителей, она
Цвела как ландыш потаённый,
Не знаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII

Она поэту подарила
Младых восторгов первый сон,
И мысль об ней одушевила
Его цевницы первый стон.
Простите, игры золотые!
Он рощи полюбил густые,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звёзды, и луну,
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тьмы,
И слёзы, тайных мук отраду…
Но нынче видим только в ней
Замену тусклых фонарей.

XXIII

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила,
Глаза как небо голубые;
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, лёгкий стан –
Всё в Ольге… но любой роман
Возьмите и найдёте, верно,
Её портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.
Позвольте мне, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV

Её сестра звалась Татьяна…
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим.
И что ж? оно приятно, звучно;
Но с ним, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль девичьей! Мы все должны
Признаться: вкусу очень мало
У нас и в наших именах
(Не говорим уж о стихах);
Нам просвещенье не пристало,
И нам досталось от него
Жеманство, – больше ничего.

XXV

Итак, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью её румяной
Не привлекла б она очей.

Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела
И часто целый день одна
Сидела молча у окна. <…>

XXIX

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли всё;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона [13] и Руссо.
Отец её был добрый малый,
В прошедшем веке запоздалый;
Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой
И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой.
Жена ж его была сама
От Ричардсона без ума…

Давайте обсудим

1. В какую обстановку попадает Евгений в деревне? Чем герой занялся? Как отнеслись к нему соседи и как Онегин относится к ним?
2. Как описаны типы и быт провинциального дворянства?
3. В чём заключаются противоречия в личности Онегина? Можно ли назвать героя «лишним человеком»?
4. Охарактеризуйте Владимира Ленского как романтического героя.
5. Найдите общее и различие в характерах, отношении к жизни Онегина и Ленского.
6. Что говорит автор о семейной жизни Лариных – родителей Татьяны и Ольги?
7. Найдите в тексте описание Ольги и Татьяны Лариных и проведите сравнительную характеристику их образов.

Как вы думаете, чем Татьяна отличается от других девушек её круга?

Глава третья

I

«Куда? Уж эти мне поэты!»
– Прощай, Онегин, мне пора.
«Я не держу тебя; но где ты
Свои проводишь вечера?»
– У Лариных. – «Вот это чудно.
Помилуй! и тебе не трудно
Там каждый вечер убивать?»
– Нимало. – «Не могу понять.
Отселе вижу, что такое:
Во-первых (слушай, прав ли я?),
Простая, русская семья,
К гостям усердие большое,
Варенье, вечный разговор

[13] Самюэл Ричардсон (1689–1761) – английский писатель

Про дождь, про лён, про скотный двор...»

II

– Я тут ещё беды не вижу.
«Да скука, вот беда, мой друг».
– Я модный свет ваш ненавижу;
Милее мне домашний круг,
Где я могу... – «Опять эклога!
Да полно, милый, ради бога.
Ну что ж? ты едешь: очень жаль.
Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль
Увидеть мне Филлиду эту,
Предмет и мыслей, и пера,
И слёз, и рифм et cetera?..
Представь меня». – Ты шутишь. – «Нету».
– Я рад. – «Когда же?» – Хоть сейчас.
Они с охотой примут нас.

V

Скажи: которая Татьяна?» –
«Да та, которая грустна
И молчалива, как Светлана,
Вошла и села у окна». –
«Неужто ты влюблён в меньшую?» –
«А что?» – «Я выбрал бы другую,
Когда б я был, как ты, поэт.
В чертах у Ольги жизни нет,
Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне:
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне».
Владимир сухо отвечал
И после во весь путь молчал.

VI

Меж тем Онегина явленье
У Лариных произвело

Подумайте, почему Онегин при разговоре с Ленским удивлённо сказал: «Неужто ты влюблен в меньшую?» – // «А что?» – «Я выбрал бы другую».

На всех большое впечатленье
И всех соседей развлекло.
Пошла догадка за догадкой…
Все стали толковать украдкой,
Шутить, судить не без греха,
Татьяне прочить жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсем,
Но остановлена затем,
Что модных колец не достали.
О свадьбе Ленского давно
У них уж было решено.

VII

Татьяна слушала с досадой
Такие сплетни; но тайком
С неизъяснимою отрадой
Невольно думала о том;
И в сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась...
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала… кого-нибудь,

VIII

И дождалась… Открылись очи;
Она сказала: это он!
Увы! теперь и дни, и ночи,
И жаркий одинокий сон,
Всё полно им; всё деве милой
Без умолку волшебной силой
Твердит о нём. Докучны ей
И звуки ласковых речей,
И взор заботливой прислуги.
В уныние погружена,
Гостей не слушает она
И проклинает их досуги,
Их неожиданный приезд
И продолжительный присест. <…>

XXV

Кокетка судит хладнокровно,
Татьяна любит не шутя
И предаётся безусловно
Любви, как милое дитя. <…>

XXVI

Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевесть.
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалася с трудом
На языке своём родном,
Итак, писала по-французски… <…>

XXXI

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушал и эту нежность,
И слов любезную небрежность?
Кто ей внушал умильный вздор,
Безумный сердца разговор,
И увлекательный и вредный?
Я не могу понять. Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный,
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц:

Письмо Татьяны к Онегину

Я к вам пишу – чего же боле?
Что я могу ещё сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Всё думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи.
Но, говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне все вам скучно,
А мы... ничем мы не блестим,
Хоть вам и рады простодушно.
Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.
Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...
Ты в сновиденьях мне являлся
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался
Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть вошёл, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала

И в мыслях молвила: вот он!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль, с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?
Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Или коварный искуситель:
Мои сомненья разреши.
Быть может, это всё пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем иное...
Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слёзы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи
Иль сон тяжелый перерви,
Увы, заслуженным укором!

Кончаю! Страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

Как вы думаете, легко ли было Татьяне написать письмо Онегину?

Давайте обсудим

1. Что говорит Онегин о сёстрах Лариных? Кого он выделяет?
2. Как повлияло на Татьяну появление Онегина в их доме?
3. Как относится сам поэт к любви Татьяны к Онегину?
4. Чем отличается поведение Татьяны от поведения светских красавиц?
5. Прочитайте и прокомментируйте письмо Татьяны. Какие чувства испытывает Татьяна, ожидая ответа Онегина?
6. Подумайте, почему в начале письма Татьяна обращается к Онегину на «вы», а затем переходит на «ты»?
7. Можно ли выявить черты характера героини в письме Татьяны к Онегину?

Домашнее задание

Напишите мини-сочинение на предложенные темы:

1. Почему выбор Татьяны Лариной пал именно на Евгения Онегина?
2. Какой предстаёт жизнь поместного дворянства в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»?
3. Почему автор «Евгения Онегина» назвал свой роман «собраньем пёстрых глав»?

Задание

Прочитайте продолжение романа в стихах «Евгений Онегин».

Давайте поговорим

1. Как поэт передаёт душевное состояние Татьяны перед объяснением с Онегиным и во время его?
2. Почему герой так суров? Какие черты характера Онегина проявляются в сцене объяснения?

Глава четвертая

VII

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем её вернее губим
Средь обольстительных сетей. <…>

XI

Но, получив посланье Тани,
Онегин живо тронут был:
Язык девических мечтаний
В нём думы роем возмутил;
И вспомнил он Татьяны милой
И бледный цвет и вид унылый;
И в сладостный, безгрешный сон
Душою погрузился он.
Быть может, чувствий пыл старинный
Им на минуту овладел;
Но обмануть он не хотел
Доверчивость души невинной.
Теперь мы в сад перелетим,
Где встретилась Татьяна с ним.

XII

Минуты две они молчали,
Но к ней Онегин подошёл
И молвил: «Вы ко мне писали,
Не отпирайтесь. Я прочёл
Души доверчивой признанья,
Любви невинной излиянья;
Мне ваша искренность мила;
Она в волненье привела
Давно умолкнувшие чувства;
Но вас хвалить я не хочу;
Я за неё вам отплачу
Признаньем также без искусства;
Примите исповедь мою:
Себя на суд вам отдаю.

XIII

Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел;
Когда б мне быть отцом, супругом
Приятный жребий повелел;

Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единый, –
То, верно б, кроме вас одной
Невесты не искал иной.
Скажу без блесток мадригальных:
Нашед мой прежний идеал,
Я, верно б, вас одну избрал
В подруги дней моих печальных,
Всего прекрасного в залог,
И был бы счастлив... сколько мог!

XIV

Но я не создан для блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Их вовсе недостоин я.
Поверьте (совесть в том порукой),
Супружество нам будет мукой.
Я, сколько ни любил бы вас,
Привыкнув, разлюблю тотчас;
Начнёте плакать: ваши слёзы
Не тронут сердца моего,
А будут лишь бесить его.
Судите ж вы, какие розы
Нам заготовит Гименей
И, может быть, на много дней.

XV

Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена
Грустит о недостойном муже,
И днём и вечером одна;
Где скучный муж, ей цену зная
(Судьбу, однако ж, проклиная),
Всегда нахмурен, молчалив,
Сердит и холодно-ревнив!
Таков я. И того ль искали
Вы чистой, пламенной душой,
Когда с такою простотой,
С таким умом ко мне писали?
Ужели жребий вам такой
Назначен строгою судьбой?

XVI

Мечтам и годам нет возврата;
Не обновлю души моей...
Я вас люблю любовью брата
И, может быть, ещё нежней.
Послушайте ж меня без гнева:
Сменит не раз младая дева
Мечтами лёгкие мечты;
Так деревцо свои листы
Меняет с каждою весною.
Так видно небом суждено.
Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою;
Не всякий вас, как я, поймёт;
К беде неопытность ведёт».

XVII

Так проповедовал Евгений.
Сквозь слёз не видя ничего,
Едва дыша, без возражений,
Татьяна слушала его.
Он подал руку ей. Печально
(Как говорится, машинально)
Татьяна молча оперлась,
Головкой томною склонясь;
Пошли домой вкруг огорода;
Явились вместе, и никто
Не вздумал им пенять на то:
Имеет сельская свобода
Свои счастливые права,
Как и надменная Москва. <…>

XXV

Час от часу пленённый боле
Красами Ольги молодой,
Владимир сладостной неволе
Предался полною душой.
Он вечно с ней. В её покое
Они сидят в потёмках двое;
Они в саду, рука с рукой,
Гуляют утренней порой;
И что ж? Любовью упоённый,
В смятенье нежного стыда,
Он только смеет иногда,
Улыбкой Ольги ободрённый,
Развитым локоном играть
Иль край одежды целовать. <…>

XLIX

«Я?» – «Да, Татьяны именины
В субботу. Оленька и мать
Велели звать, и нет причины
Тебе на зов не приезжать». <…>
Потом разговорился вновь
Про Ольгу: такова любовь! <…>

LI

Он был любим… по крайней мере
Так думал он, и был счастлив.
Стократ блажен, кто предан вере,
Кто, хладный ум угомонив,
Покоится в сердечной неге,
Как пьяный путник на ночлеге,
Или, нежней, как мотылек,
В весенний впившийся цветок;
Но жалок тот, кто всё предвидит,
Чья не кружится голова,
Кто все движенья, все слова
В их переводе ненавидит,
Чьё сердце опыт остудил
И забываться запретил!

Давайте обсудим

1. Какое впечатление произвело на Онегина письмо Татьяны? Как он реагирует и как это его характеризует?
2. Прочитайте ответный монолог Онегина и прокомментируйте его.
3. «Но обмануть он не хотел // Доверчивость души невинной». Как вы думаете, что автор хотел сказать данными строчками?
4. Как Онегин относится к браку и семье?
5. Какой совет дал Татьяне Евгений? Как вы поняли слова Онегина «Учитесь властвовать собою»?

Домашнее задание

На выбор:
1. Выучите письмо Татьяны к Онегину.
2. Выучите письмо Онегина к Татьяне.

Задание

Прочитайте продолжение романа в стихах «Евгений Онегин».

Онегин вместе с Ленским приезжает на именины в дом Лариных. За столом Евгений, рассерженный, с плохо сдерживаемыми чувствами к Татьяне, винит всех в том, что приехал в гости, и, решая отомстить Ленскому, приглашает Ольгу на бальный танец, шепчет ей мадригал. Результат от сложившейся ситуации был предсказуем. Владимир из-за ревности покидает праздник и вызывает Онегина на дуэль. Во время поединка Евгений смертельно ранит Ленского, который скончался на месте. После трагической дуэли Онегин покидает деревню. Он путешествует, но это ему также наскучило. Пролетело два года. Повествователь вновь встречает Онегина на одном из светских приёмов в столице.

Давайте поговорим

1. Каким предстаёт перед нами Онегин в заключительной главе романа?
2. Что произошло с ним? В чём причина этих перемен? Как складывается теперь его жизнь?

Глава восьмая

XII

Предметом став суждений шумных,
Несносно (согласитесь в том)
Между людей благоразумных
Прослыть притворным чудаком,
Или печальным сумасбродом,
Иль сатаническим уродом,
Иль даже демоном моим.
Онегин (вновь займуся им),
Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел.

XIII

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).
Оставил он своё селенье,
Лесов и нив уединенье,
Где окровавленная тень
Ему являлась каждый день,
И начал странствия без цели,
Доступный чувству одному;
И путешествия ему,
Как всё на свете, надоели;
Он возвратился и попал,
Как Чацкий, с корабля на бал.

XIV

Но вот толпа заколебалась,
По залу шепот пробежал...
К хозяйке дама приближалась,
За нею важный генерал.
Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Всё тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut...
(Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.)

XVII

«Ужели, – думает Евгений: –
Ужель она? Но точно... Нет...
Как! из глуши степных селений...»
И неотвязчивый лорнет
Он обращает поминутно
На ту, чей вид напомнил смутно
Ему забытые черты.
«Скажи мне, князь, не знаешь ты,
Кто там в малиновом берете
С послом испанским говорит?»
Князь на Онегина глядит.
– Ага! давно ж ты не был в свете.
Постой, тебя представлю я. –
«Да кто ж она?» – Жена моя. –

XX

Ужель та самая Татьяна,
Которой он наедине,
В начале нашего романа,
В глухой, далёкой стороне,
В благом пылу нравоученья,
Читал когда-то наставленья,

Та, от которой он хранит
Письмо, где сердце говорит,
Где всё наруже, всё на воле,
Та девочка... иль это сон?..
Та девочка, которой он
Пренебрегал в смиренной доле,
Ужели с ним сейчас была
Так равнодушна, так смела?

XXI

Он оставляет раут тесный,
Домой задумчив едет он;
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревожен поздний сон.
Проснулся он; ему приносят
Письмо: князь N покорно просит
Его на вечер. «Боже! к ней!..
О буду, буду!» и скорей
Марает он ответ учтивый.
Что с ним? в каком он странном сне!
Что шевельнулось в глубине
Души холодной и ленивой?
Досада? суетность? иль вновь
Забота юности – любовь?

XXII

Онегин вновь часы считает,
Вновь не дождется дню конца.
Но десять бьёт; он выезжает,
Он полетел, он у крыльца,
Он с трепетом к княгине входит;
Татьяну он одну находит,
И вместе несколько минут
Они сидят. Слова нейдут
Из уст Онегина. Угрюмый,
Неловкий, он едва-едва
Ей отвечает. Голова
Его полна упрямой думой.
Упрямо смотрит он: она
Сидит покойна и вольна.

XXX

Сомненья нет: увы! Евгений
В Татьяну как дитя влюблён;
В тоске любовных помышлений
И день и ночь проводит он.
Ума не внемля строгим пеням,
К её крыльцу, стеклянным сеням
Он подъезжает каждый день;
За ней он гонится как тень;
Он счастлив, если ей накинет
Боа пушистый на плечо,
Или коснётся горячо
Её руки, или раздвинет
Пред нею пёстрый полк ливрей,
Или платок подымет ей…

XXXII

А он не едет; он заране
Писать ко прадедам готов
О скорой встрече; а Татьяне
И дела нет (их пол таков);
А он упрям, отстать не хочет,
Еще надеется, хлопочет;
Смелей здорового, больной,
Княгине слабою рукой
Он пишет страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Он в письмах видел не вотще;
Но, знать, сердечное страданье
Уже пришло ему невмочь.
Вот вам письмо его точь-в-точь.

Письмо Онегина к Татьяне

Предвижу всё: вас оскорбит
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!
Чего хочу? с какою целью
Открою душу вам свою?
Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю!
Случайно вас когда-то встретя,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотел.
Ещё одно нас разлучило...
Несчастной жертвой Ленский пал...

Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал;
Чужой для всех, ничем не связан,
Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан.
Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюблёнными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой всё ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот
блаженство!
И я лишён того: для вас
Тащусь повсюду наудачу;
Мне дорог день, мне дорог час:
А я в напрасной скуке трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И так уж тягостны они.
Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днём увижусь я...
Боюсь: в мольбе моей смиренной
Увидит ваш суровый взор
Затеи хитрости презренной –
И слышу гневный ваш укор.
Когда б вы знали, как ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать – и разумом всечасно
Смирять волнение в крови;
Желать обнять у вас колени
И, зарыдав, у ваших ног
Излить мольбы, признанья, пени,
Всё, всё, что выразить бы мог,
А между тем притворным хладом
Вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас весёлым взглядом!..
Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Всё решено: я в вашей воле
И предаюсь моей судьбе.

Обратите внимание на слова Онегина в письме Татьяне: «Как я ошибся, как наказан». Что он имеет в виду?

XXXIII

Ответа нет. Он вновь посланье:
Второму, третьему письму
Ответа нет. В одно собранье
Он едет; лишь вошёл... ему
Она навстречу. Как сурова!
Его не видят, с ним ни слова;
У! как теперь окружена
Крещенским холодом она!
Как удержать негодованье
Уста упрямые хотят!
Вперил Онегин зоркий взгляд:
Где, где смятенье, состраданье?
Где пятна слёз?.. Их нет, их нет!
На сем лице лишь гнева след...

XL

Стремит Онегин? Вы заране
Уж угадали; точно так:
Примчался к ней, к своей Татьяне
Мой неисправленный чудак.
Идёт, на мертвеца похожий.
Нет ни одной души в прихожей.
Он в залу; дальше: никого.
Дверь отворил он. Что ж его
С такою силой поражает?
Княгиня перед ним, одна,
Сидит, не убрана, бледна,
Письмо какое-то читает
И тихо слёзы льёт рекой,
Опершись на руку щекой.

XLII

Она его не подымает
И, не сводя с него очей,
От жадных уст не отымает
Бесчувственной руки своей...

О чём теперь её мечтанье?
Проходит долгое молчанье,
И тихо наконец она:
«Довольно; встаньте. Я должна
Вам объясниться откровенно.
Онегин, помните ль тот час,
Когда в саду, в аллее нас
Судьба свела, и так смиренно
Урок ваш выслушала я?
Сегодня очередь моя.

XLIII

Онегин, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила вас; и что же?
Что в сердце вашем я нашла?
Какой ответ? одну суровость.
Не правда ль? Вам была не новость
Смиренной девочки любовь?
И нынче – боже! – стынет кровь,
Как только вспомню взгляд
холодный
И эту проповедь... Но вас
Я не виню: в тот страшный час
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

XLIV

Тогда – не правда ли? –
в пустыне,
Вдали от суетной молвы,
Я вам не нравилась... Что ж ныне
Меня преследуете вы?
Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна,
Что муж в сраженьях изувечен,
Что нас за то ласкает двор?
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен,
И мог бы в обществе принесть
Вам соблазнительную честь?

Почему Онегин влюбляется в Татьяну, которую сам когда-то отверг? Правомерны ли слова Татьяны по поводу искренности чувств Евгения «Не потому ль, что мой позор…»?

XLVI

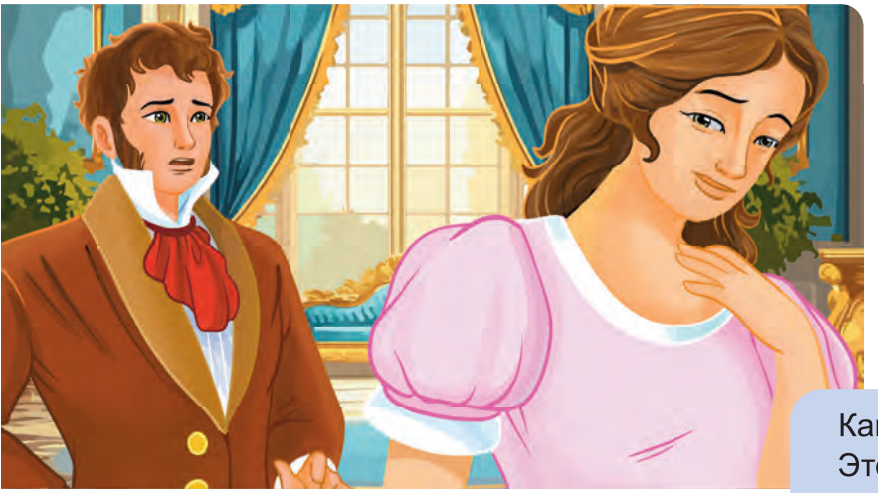
А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, видела я вас,
Да за смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей…

XLVII

А счастье было так возможно,
Так близко!.. Но судьба моя
Уж решена. Неосторожно,
Быть может, поступила я:
Меня с слезами заклинаний
Молила мать; для бедной Тани
Все были жребии равны...
Я вышла замуж. Вы должны,
Я вас прошу, меня оставить;
Я знаю: в вашем сердце есть
И гордость и прямая честь.
Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна».

XLVIII

Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражён.
В какую бурю ощущений
Теперь он сердцем погружён!
Но шпор незапный звон раздался,

И муж Татьянин показался,
И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда. За ним
Довольно мы путём одним
Бродили по свету. Поздравим
Друг друга с берегом. Ура!
Давно б (не правда ли?) пора!...

Как вы трактуете монолог Татьяны? Это всплеск чувств или обвинение? Аргументируйте свою точку зрения.

Онегинская строфа – в основу строфы был положен сонет – 14-строчное стихотворение с определённой рифменной схемой. Пушкин упорядочил систему рифмовки: в первом четверостишии она перекрёстная, во втором – парная, в третьем – кольцевая и заключительное двустишие – *«а б а б в в г г д е е д ж ж».*

Давайте обсудим

1. Почему В. Г. Белинский назвал роман «энциклопедией русской общественной жизни»? Как воплощается реализм в романе? (бытописание, образы героев)
2. Сопоставить женские образы (Татьяна – Ольга) и мужские образы романа «Евгений Онегин». Для чего автору понадобился приём противопоставления?
3. Охарактеризовать образ главного героя. Почему его имя вынесено в заглавие? Какую литературную галерею дополняет Евгений Онегин?

Творческое задание

Инсценировка понравившейся главы романа.

Домашнее задание

Почему автор оставил финал открытым?
Попробуйте дописать роман в стихах «Евгений Онегин».

Глава II

ТАИНСТВЕННЫЙ И СОКРОВЕННЫЙ МИР ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

ДЖЕК ЛОНДОН (1876–1916)

Знакомство с автором

Джек Лондон – американский писатель, журналист, военный корреспондент и общественный деятель, родился в Сан-Франциско, штат Калифорния. Среди самых известных произведений писателя – романы «Мартин Иден», «Морской волк», а также сборники рассказов «Сын волка», «Вера в человека».

Творчество Джека Лондона привлекает своей самобытностью, смелыми художественными решениями, богатством воображения и неожиданными сюжетными поворотами. Он был противником пассивности, безволия и нравственного равнодушия, искренне верил в силу разума и справедливости.

Рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни» повествует о невероятной силе духа безымянного героя, который смог преодолеть все трудности и заслужил своё право на жизнь. В борьбе из последних сил за своё существование он не сдался и одержал победу в этой битве. Автор обращается к теме предательства: Билл, спасая золото, бросает в беде своего товарища – и именно это золото в конечном счёте становится причиной его гибели.

Подготовка к встрече с текстом

1. Определите место и время действия рассказа.
2. Какую вечную тему поднимает писатель в своём рассказе?

В рассказе «Любовь к жизни» Джек Лондон раскрывает тему человеческого предательства и показывает этапы выживания в условиях дикой природы, где для спасения необходимо мобилизовать все внутренние ресурсы – физические и нравственные, составляющие основу личности. Любовь к жизни показана в рассказе через простые, обыденные вещи – собирательство, охота, экономия сил, разжигание костра, бинтовка ног, несгибаемость человеческого духа в борьбе с голодом, холодом и собственной немощью и страшные, психологические моменты: травмы, боль, сон под дождём, потеря ориентации в пространстве, трата огромного количества сил на добычу постоянно ускользающей пищи, поглощение человеком живых существ. В начале произведения главный герой – человек, имеющий друга и золото; в конце – человекоподобное существо, отчаянно борющееся за свою жизнь, но сумевшего сохранить в себе человеческое достоинство, проявляющееся в нежелании есть кости погибшего друга. Герой расстается и с золотом, понимая, что его вес является дополнительным препятствием на его пути к жизни.

Давайте поговорим

1. Какую роль играют материальные ценности (золото) в человеческой жизни? Почему герой принимает решение расстаться с ним?
2. Прочитайте эпизод ловли рыбки. Почему герой заплакал?

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

(фрагменты)

Прихрамывая, они спустились к речке, и один раз тот, что шёл впереди, зашатался, споткнувшись посреди каменной россыпи. Оба устали и выбились из сил, и лица их выражали терпеливую покорность – след долгих лишений. Плечи им оттягивали тяжелые тюки, стянутые ремнями. Каждый из них нёс ружье. Оба шли сгорбившись, низко нагнув голову и не поднимая глаз.

– Хорошо бы иметь хоть два патрона из тех, что лежат у нас в тайнике, – сказал один.

Голос его звучал вяло, без всякого выражения. Он говорил равнодушно, и его спутник, только что ступивший в молочно-белую воду, пенившуюся по камням, ничего ему не ответил. Второй тоже вошёл в речку вслед за первым. Они не разулись, хотя вода была холодная, как лёд, – такая холодная, что ноги у них и даже пальцы на ногах онемели от холода. Местами вода захлестывала колени, и оба они пошатывались, теряя опору. Второй путник поскользнулся на гладком валуне и чуть не упал, но удержался на ногах, громко вскрикнув от боли. Должно быть, у него закружилась голова, – он пошатнулся и замахал свободной рукой, словно хватаясь за воздух. Справившись с собой, он шагнул вперёд, но снова пошатнулся и чуть не упал. Тогда он остановился и посмотрел на своего спутника: тот всё так же шёл впереди, даже не оглядываясь. Целую минуту он стоял неподвижно, словно раздумывая, потом крикнул:

– Слушай, Билл, я вывихнул ногу!

Билл ковылял дальше по молочно-белой воде. Он ни разу не оглянулся. Второй смотрел ему вслед, и хотя его лицо оставалось по-прежнему тупым, в глазах появилась тоска, словно у раненого оленя. Билл уже выбрался на другой берег и плёлся дальше. Тот, что стоял посреди речки, не сводил с него глаз. Губы у него так сильно дрожали, что шевелились жёсткие рыжие усы над ними. Он облизнул сухие губы кончиком языка.

– Билл! – крикнул он.

Это была отчаянная мольба человека, попавшего в беду, но Билл не повернул головы. Его товарищ долго следил, как он неуклюжей походкой, прихрамывая и спотыкаясь, взбирается по отлогому склону к волнистой линии горизонта, образованной гребнем невысокого холма. Следил до тех пор, пока Билл не скрылся из виду, перевалив за гребень. Тогда он отвернулся и медленно обвёл взглядом тот круг вселенной, в котором он остался один после ухода Билла. <...>

Но как ни трудно было ему идти, ещё труднее было уверить себя в том, что Билл его не бросил, что Билл, конечно, ждет его у тайника. Он должен был так думать, иначе не имело никакого смысла бороться дальше, – оставалось только лечь на землю и умереть. И пока тусклый диск солнца медленно скрывался на северо-западе, он успел рассчитать – и не один раз – каждый шаг того пути, который предстоит проделать им с Биллом, уходя на юг от наступающей зимы. Он снова и снова перебирал мысленно запасы пищи в своём тайнике и запасы на складе Компании Гудзонова залива. Он ничего не ел уже два дня, но ещё дольше он не ел досыта. То и дело он нагибался, срывал бледные болотные ягоды, клал их в рот, жевал и проглатывал. Ягоды были водянистые и быстро таяли во рту, – оставалось только горькое жёсткое семя. Он знал, что ими не насытишься, но всё-таки терпеливо жевал, потому что надежда не хочет считаться с опытом. <...>

[Мужчина уже несколько дней брёл по равнине, которая буквально кишела дичью. Однако у него не было ни одного патрона, и ему приходилось питаться ягодами, корешками растений и изредка – крошечными рыбками-пескариками, которых он ловил в небольших лужах и съедал живыми.

Вскоре погода изменилась: небо заволокло тучами и пошёл снег. Мужчина уже не мог ориентироваться по солнцу и быстро заблудился. Муки голода, терзавшие его

все эти дни, притупились, и он теперь ел только потому, что нужно было есть. Силы оставляют несчастного, каждый день он проходит все меньше миль. Герой понимает, что заблудился и идёт по незнакомым местам. Не в силах нести груз, он бросает ружьё и золото.] <...>

Он заглядывал в каждую лужу и наконец с наступлением сумерек увидел в такой луже одну-единственную рыбку величиной с пескаря. Он опустил в воду правую руку по самое плечо, но рыба от него ускользнула. Тогда он стал ловить её обеими руками и поднял всю муть со дна. От волнения он оступился, упал в воду и вымок до пояса. Он так замутил воду, что рыбку нельзя было разглядеть, и ему пришлось дожидаться, пока муть осядет на дно.

Он опять принялся за ловлю и ловил, пока вода опять не замутилась. Больше ждать он не мог. Отвязав жестяное ведёрко, он начал вычерпывать воду. Сначала он вычерпывал с яростью, весь облился и выплескивал воду так близко от лужи, что она стекала обратно. Потом стал черпать осторожнее, стараясь быть спокойным, хотя сердце у него сильно билось и руки дрожали. Через полчаса в луже почти не осталось воды. Со дна уже ничего нельзя было зачерпнуть. Но рыба исчезла. Он увидел незаметную расщелину среди камней, через которую рыбка проскользнула в соседнюю лужу, такую большую, что её нельзя было вычерпать и за сутки. Если б он заметил эту щель раньше, он с самого начала заложил бы её камнем, и рыба досталась бы ему.

В отчаянии он опустился на мокрую землю и заплакал. Сначала он плакал тихо, потом стал громко рыдать, будя безжалостную пустыню, которая окружала его; и долго ещё плакал без слез, сотрясаясь от рыданий.

Он развел костёр и согрелся, выпив много кипятку, потом устроил себе ночлег на каменистом выступе, так же как и в прошлую ночь. Перед сном он проверил, не намокли ли спички, и завёл часы. Одеяла были сырые и холодные на ощупь. Вся нога горела от боли, как в огне. Но он чувствовал только голод, и ночью ему снились пиры, званые обеды и столы, заставленные едой. Он проснулся озябший и больной. Солнца не было. Серые краски земли и неба стали темней и глубже. Дул резкий ветер, и первый снегопад выбелил холмы. Воздух словно сгустился и побелел, пока он разводил костёр и кипятил воду. Это повалил мокрый снег большими влажными хлопьями. Сначала они таяли, едва коснувшись земли, но снег валил все гуще и гуще, застилая землю, и наконец весь собранный им мох отсырел, и костёр погас. <...>

День выдался туманный. В этот день в нём снова пробудился голод. Путник очень ослабел, и голова у него кружилась так, что по временам он ничего не видел. Теперь он постоянно спотыкался и падал, и однажды свалился прямо на гнездо куропатки. Там было четверо только что вылупившихся птенца, не старше одного дня; каждого хватило бы только на глоток; и он съел их с жадностью, запихивая в рот живыми: они хрустели у него на зубах, как яичная скорлупа. Куропатка-мать с громким криком летала вокруг него. Он хотел подшибить её прикладом ружья, но она увернулась. Тогда он стал бросать в неё камнями и перебил ей крыло. Куропатка бросилась от него прочь, вспархивая и волоча перебитое крыло, но он не отставал.

Птенцы только раздразнили его голод. Неуклюже подскакивая и припадая на больную ногу, он то бросал в куропатку камнями и хрипло вскрикивал, то шёл молча, угрюмо

и терпеливо поднимаясь после каждого падения, и тёр рукой глаза, чтобы отогнать головокружение, грозившее обмороком. Погоня за куропаткой привела его в болотистую низину, и там он заметил человеческие следы на мокром мху. Следы были не его – это он видел. Должно быть, следы Билла. Но он не мог остановиться, потому что белая куропатка убегала всё дальше. Сначала он поймает её, а потом уже вернётся и рассмотрит следы.

Он загнал куропатку, но и сам обессилел. Она лежала на боку, тяжело дыша, и он, тоже тяжело дыша, лежал в десяти шагах от неё, не в силах подползти ближе. А когда он отдохнул, она тоже собралась с силами и упорхнула от его жадно протянутой руки. Погоня началась снова. Но тут стемнело и птица скрылась. Споткнувшись от усталости, он упал с тюком на спине и поранил себе щеку. Он долго не двигался, потом повернулся на бок, завёл часы и пролежал так до утра.

Опять туман. Половину одеяла он израсходовал на обмотки. Следы Билла ему не удалось найти, но теперь это было неважно. Голод упорно гнал его вперед. Но что, если… Билл тоже заблудился? К полудню он совсем выбился из сил. Он опять разделил золото, на этот раз просто высыпав половину на землю. К вечеру он выбросил и другую половину, оставив себе только обрывок одеяла, жестяное ведёрко и ружьё.

Его начали мучить навязчивые мысли. Почему-то он был уверен, что у него остался один патрон, – ружьё заряжено, он просто этого не заметил. И в то же время он знал, что в магазине нет патрона. Эта мысль неотвязно преследовала его. Он боролся с ней часами, потом осмотрел магазин и убедился, что никакого патрона в нём нет. Разочарование было так сильно, словно он и в самом деле ожидал найти там патрон.

Давайте обсудим

1. Обратите внимание на начало повествования. Что в нём привлекает внимание?
2. Найдите в тексте детали, важные для подтверждения авторской мысли.
3. Найдите в тексте описание состояния героя, оставленного товарищем. Обратите внимание на чувства, которые он испытывал.
4. Соотнесите описание природы с чувством одиночества и безнадёжности положения попавшего в беду человека.

Домашнее задание

Найдите в тексте описание природы. Сделайте вывод и составьте таблицу, отражающую изменение состояния героя на протяжении сюжета. Проанализируйте, как меняется восприятие мира героем.

Прошло около получаса, потом навязчивая мысль вернулась к нему снова. Он боролся с ней и не мог побороть и, чтобы хоть чем-нибудь помочь себе, опять осмотрел ружьё. По временам рассудок его мутился, и он продолжал брести дальше бессознательно, как автомат; странные мысли и нелепые представления точили его мозг,

как черви. Но он быстро приходил в сознание, – муки голода постоянно возвращали его к действительности. Однажды его привело в себя зрелище, от которого он тут же едва не упал без чувств. Он покачнулся и зашатался, как пьяный, стараясь удержаться на ногах. Перед ним стояла лошадь. Лошадь! Он не верил своим глазам. Их заволакивал густой туман, пронизанный яркими точками света. Он стал яростно тереть глаза и, когда зрение прояснилось, увидел перед собой не лошадь, а большого бурого медведя. Зверь разглядывал его с недружелюбным любопытством.

Он уже вскинул было ружьё, но быстро опомнился. Опустив ружьё, он вытащил охотничий нож из шитых бисером ножен. Перед ним было мясо и – жизнь. Он провел большим пальцем по лезвию ножа. Лезвие было острое, и кончик тоже острый. Сейчас он бросится на медведя и убьёт его. Но сердце заколотилось, словно предостерегая: тук, тук, тук – потом бешено подскочило кверху и дробно затрепетало; лоб сдавило, словно железным обручем, и в глазах потемнело.

Отчаянную храбрость смыло волной страха. Он так слаб – что будет, если медведь нападет на него? Он выпрямился во весь рост как можно внушительнее, выхватил нож и посмотрел медведю прямо в глаза. Зверь неуклюже шагнул вперёд, поднялся на дыбы и зарычал. Если бы человек бросился бежать, медведь погнался бы за ним. Но человек не двинулся с места, осмелев от страха; он тоже зарычал, свирепо, как дикий зверь, выражая этим страх, который неразрывно связан с жизнью и тесно сплетается с её самыми глубокими корнями.

Медведь отступил в сторону, угрожающе рыча, в испуге перед этим таинственным существом, которое стояло прямо и не боялось его. Но человек всё не двигался. Он стоял как вкопанный, пока опасность не миновала, а потом, весь дрожа, повалился на мокрый мох.

Собравшись с силами, он пошёл дальше, терзаясь новым страхом. Это был уже не страх голодной смерти: теперь он боялся умереть насильственной смертью, прежде чем последнее стремление сохранить жизнь заглохнет в нём от голода. Кругом были волки. Со всех сторон в этой пустыне доносился их вой, и самый воздух вокруг дышал угрозой так неотступно, что он невольно поднял руки, отстраняя эту угрозу, словно полотнище колеблемой ветром палатки.

Волки по двое и по трое то и дело перебегали ему дорогу. Но они не подходили близко. Их было не так много; кроме того, они привыкли охотиться за оленями, которые не сопротивлялись им, а это странное животное ходило на двух ногах, и должно быть, царапалось и кусалось.

К вечеру он набрёл на кости, разбросанные там, где волки настигли свою добычу. Час тому назад это был живой оленёнок, он резво бегал и мычал. Человек смотрел на кости, дочиста обглоданные, блестящие и розовые, оттого что в их клетках ещё не угасла жизнь. Может быть, к концу дня и от него останется не больше? Ведь такова жизнь, суетная и скоропреходящая. Только жизнь заставляет страдать. Умереть не больно. Умереть – уснуть. Смерть – это значит конец, покой. Почему же тогда ему не хочется умирать?

Но он не долго рассуждал. Вскоре он уже сидел на корточках, держа кость в зубах и высасывал из неё последние частицы жизни, которые ещё окрашивали её в розовый цвет. Сладкий вкус мяса, еле слышный, неуловимый, как воспоминание, доводил его до бешенства. Он стиснул зубы крепче и стал грызть. Иногда ломалась кость, иногда его зубы. Потом он стал дробить кости камнем, размалывая их в кашу, и глотать с жадностью. Второпях он попадал себе по пальцам, и все-таки, несмотря на спешку, находил время удивляться, почему он не чувствует боли от ударов. <...>

Больше он уже не поднимался на холмы, не пересекал водоразделов, а брёл по отлогому берегу большой реки, которая текла по широкой долине. Перед его глазами были только видения. Его душа и тело шли рядом и всё же порознь – такой тонкой стала нить, связывающая их.

Он пришел в сознание однажды утром, лежа на плоском камне. Ярко светило и пригревало солнце. Издали ему слышно было мычание оленят. Он смутно помнил дождь, ветер и снег, но сколько времени его преследовала непогода – два дня или две недели, – он не знал.

Долгое время он лежал неподвижно, и щедрое солнце лило на него свои лучи, напитывая теплом его жалкое тело. «Хороший день», – подумал он. Быть может, ему удастся определить направление по солнцу. Сделав мучительное усилие, он повернулся на бок. Там, внизу, текла широкая, медлительная река. Она была ему незнакома, и это его удивило. Он медленно следил за её течением, смотрел, как она вьётся среди голых, угрюмых холмов, ещё более угрюмых и низких, чем те, которые он видел до сих пор. Медленно, равнодушно, без всякого интереса он проследил за течением незнакомой реки почти до самого горизонта и увидел, что она вливается в светлое блистающее море. И всё же это его не взволновало. «Очень странно, – подумал он, – это или мираж, или видение, плод расстроенного воображения». Он ещё более убедился в этом, когда увидел корабль, стоявший на якоре посреди блистающего моря. Он закрыл глаза на секунду и снова открыл их. Странно, что видение не исчезает! А впрочем, нет ничего странного. Он знал, что в сердце этой бесплодной земли нет ни моря, ни кораблей, так же как нет патронов в его незаряженном ружье.

Он услышал за своей спиной какое-то сопение – не то вздох, не то кашель. Очень медленно, преодолевая крайнюю слабость и оцепенение, он повернулся на другой бок. Поблизости он ничего не увидел и стал терпеливо ждать. Опять послышались сопение

и кашель, и между двумя островерхими камнями, не больше чем шагах в двадцати от себя, он увидел серую голову волка. Уши не торчали кверху, как это ему приходилось видеть у других волков, глаза помутнели и налились кровью, голова бессильно понурилась. Волк, верно, был болен: он всё время чихал и кашлял.

«Вот это по крайней мере не кажется, – подумал он и опять повернулся на другой бок, чтобы увидеть настоящий мир, не застланный теперь дымкой видений. Но море всё так же сверкало в отдалении, и корабль был ясно виден. Быть может, это всё-таки настоящее? Он закрыл глаза и стал думать – и в конце концов понял, в чём дело. Он шёл на северо-восток, удаляясь от реки Диз, и попал в долину реки Коппермайн. Эта широкая, медлительная река и была Коппермайн. Это блистающее море – Ледовитый океан. Этот корабль – китобойное судно, заплывшее далеко к востоку от устья реки Маккензи, оно стоит на якоре в заливе Коронации. Он вспомнил карту Компании Гудзонова залива, которую видел когда-то, и всё стало ясно и понятно. <...>

Он был спокоен и в полном сознании. Несмотря на страшную слабость, он не чувствовал никакой боли. Есть ему не хотелось. Мысль о еде была даже неприятна ему, и всё, что он ни делал, делалось им по велению рассудка. Он оторвал штанины до колен и обвязал ими ступни. Ведёрко он почему-то не бросил: надо будет выпить кипятку, прежде чем начать путь к кораблю – очень тяжелый, как он предвидел.

Все его движения были медленны. Он дрожал, как в параличе. Он хотел набрать сухого мха, но не смог подняться на ноги. Несколько раз он пробовал встать и в конце концов пополз на четвереньках. Один раз он подполз очень близко к больному волку. Зверь неохотно посторонился и облизнул морду, насилу двигая языком. Человек заметил, что язык был не здорового, красного цвета, а желтовато-бурый, покрытый полузасохшей слизью.

Выпив кипятку, он почувствовал, что может подняться на ноги и даже идти, хотя силы его были почти на исходе. Ему приходилось отдыхать чуть не каждую минуту. Он шёл слабыми, неверными шагами, и такими же слабыми, неверными шагами тащился за ним волк.

И в эту ночь, когда блистающее море скрылось во тьме, человек понял, что приблизился к нему не больше чем на четыре мили. Ночью он всё время слышал кашель больного волка, а иногда крики оленят. Вокруг была жизнь, но жизнь, полная сил и здоровья, а он понимал, что больной волк тащится по следам больного человека в надежде, что этот человек умрёт первым. Утром, открыв глаза, он увидел, что волк смотрит на него тоскливо и жадно. Зверь, похожий на заморенную унылую собаку, стоял, понурив голову и поджав хвост. Он дрожал на холодном ветру и угрюмо оскалил зубы, когда человек заговорил с ним голосом, упавшим до хриплого шёпота.

Взошло яркое солнце, и всё утро путник, спотыкаясь и падая, шёл к кораблю на блистающем море. Погода стояла прекрасная. Это началось короткое бабье лето северных широт. Оно могло продержаться неделю, могло кончиться завтра или послезавтра.

После полудня он напал на след. Это был след другого человека, который не шел, а тащился на четвереньках. Он подумал, что это, возможно, след Билла, но подумал вяло и равнодушно. Ему было всё равно. В сущности, он перестал что-либо чувствовать и волноваться. Он уже не ощущал боли. Желудок и нервы словно дремали. Од-

нако жизнь, ещё теплившаяся в нём, гнала его вперёд. Он очень устал, но жизнь в нём не хотела гибнуть; и потому, что она не хотела гибнуть, человек всё ещё ел болотные ягоды и пескарей, пил кипяток и следил за больным волком, не спуская с него глаз.

Он шёл следом другого человека, того, который тащился на четвереньках, и скоро увидел конец его пути: обглоданные кости на мокром мху, сохранившем следы волчьих лап. Он увидел туго набитый мешочек из оленьей кожи – такой же, какой был у него, – разорванный острыми зубами. Он поднял этот мешочек, хотя его ослабевшие пальцы не в силах были удержать такую тяжесть. Билл не бросил его до конца. Ха-ха! Он ещё посмеётся над Биллом. Он останется жив и возьмёт мешочек на корабль, который стоит посреди блистающего моря. Он засмеялся хриплым, страшным смехом, похожим на карканье ворона, и больной волк вторил ему, уныло подвывая. Человек сразу замолчал. Как же он будет смеяться над Биллом, если это Билл, если эти бело-розовые, чистые кости – всё, что осталось от Билла?

Он отвернулся. Да, Билл его бросил, но он не возьмет золота и не станет сосать кости Билла. А Билл стал бы, будь Билл на его месте, размышлял он, тащась дальше.

Он набрёл на маленькое озерко. И, наклонившись над ним в поисках пескарей, отшатнулся, словно ужаленный. Он увидел своё лицо, отражённое в воде. Это отражение было так страшно, что пробудило даже его отупевшую душу. В озерке плавали три пескаря, но оно было велико, и он не мог вычерпать его до дна; он попробовал поймать рыб ведёрком, но в конце концов бросил эту мысль. Он побоялся, что от усталости упадет в воду и утонет. По этой же причине он не отважился плыть по реке на бревне, хотя брёвен было много на песчаных отмелях.

В этот день он сократил на три мили расстояние между собой и кораблём, а на следующий день – на две мили; теперь он полз на четвереньках, как Билл. К концу пятого дня до корабля всё ещё оставалось миль семь, а он теперь не мог пройти и мили в день. Бабье лето ещё держалось, а он то полз на четвереньках, то падал без чувств, и по его следам всё так же тащился больной волк, кашляя и чихая. Колени человека были содраны до живого мяса, и ступни тоже, и хотя он оторвал две полосы от рубашки, чтобы обмотать их, красный след тянулся за ним по мху и камням. Оглянувшись как-то, он увидел, что волк с жадностью лижет этот кровавый след, и ясно представил себе, каков будет его конец, если он сам не убьёт волка. И тогда началась самая жестокая борьба, какая только бывает в жизни: больной человек на четвереньках и больной волк, ковылявший за ним, – оба они, полумёртвые, тащились через пустыню, подстерегая друг друга.

Будь то здоровый волк, человек не стал бы так сопротивляться, но ему было неприятно думать, что он попадёт в утробу этой мерзкой твари, почти падали. Ему стало противно. У него снова начинался бред, сознание туманили галлюцинации, и светлые промежутки становились всё короче и реже.

Однажды он пришел в чувство, услышав чьё-то дыхание над самым ухом. Волк отпрыгнул назад, споткнулся и упал от слабости. Это было смешно, но человек не улыбнулся. Он даже не испугался. Страх уже не имел над ним власти. Но мысли его на минуту прояснились, и он лежал, раздумывая. До корабля оставалось теперь мили четыре, не больше. Он видел его совсем ясно, протирая затуманенные глаза, видел и лодочку с белым парусом, рассекавшую сверкающее море. Но ему не одолеть эти четыре

мили. Он это знал и относился к этому спокойно. Он знал, что не проползёт и полумили. И всё-таки ему хотелось жить. Было бы глупо умереть после всего, что он перенёс. Судьба требовала от него слишком много. Даже умирая, он не покорялся смерти. Возможно, это было чистое безумие, но и в когтях смерти он бросал ей вызов и боролся с ней. <...>

Он лежал на спине неподвижно и слышал, как хриплое дыхание волка приближается к нему. Оно ощущалось всё ближе и ближе, время тянулось без конца, но человек не пошевельнулся ни разу. Вот дыхание слышно над самым ухом. Жесткий сухой язык царапнул его щеку словно наждачной бумагой. <...>

Волк был терпелив, но и человек был терпелив не меньше. Полдня он лежал неподвижно, борясь с забытьем и сторожа волка, который хотел его съесть и которого он съел бы сам, если бы мог. Время от времени волна забытья захлёстывала его, и он видел долгие сны; но всё время, и во сне и наяву, он ждал, что вот-вот услышит хриплое дыхание и его лизнёт шершавый язык.

Дыхание он не услышал, но проснулся оттого, что шершавый язык коснулся его руки. Человек ждал. Клыки слегка сдавили его руку, потом давление стало сильнее – волк из последних сил старался вонзить зубы в добычу, которую так долго подстерегал. Но и человек ждал долго, и его искусанная рука сжала волчью челюсть. И в то время как волк слабо отбивался, а рука так же слабо сжимала его челюсть, другая рука протянулась и схватила волка. Ещё пять минут, и человек придавил волка всей своей тяжестью. Его рукам не хватало силы, чтобы задушить волка, но человек прижался лицом к волчьей шее, и его рот был полон шерсти. Прошло полчаса, и человек почувствовал, что в горло ему сочится теплая струйка. Это было мучительно, словно ему в желудок вливали расплавленный свинец, и только усилием воли он заставлял себя терпеть. Потом человек перекатился на спину и уснул.

Перескажите и обоснуйте главную мысль эпизода «Встреча с волком». Почему герой рассказа оказался победителем?

На китобойном судне «Бедфорд» ехало несколько человек из научной экспедиции. С палубы они заметили какое-то странное существо на берегу. Оно ползло к морю, едва передвигаясь по песку. Учёные не могли понять, что это такое, и, как подобает естествоиспытателям, сели в шлюпку и поплыли к берегу. Они увидели живое существо, но вряд ли его можно было назвать человеком. Оно ничего не слышало, ничего не понимало и корчилось на песке, словно гигантский червяк. Ему почти не удавалось продвинуться вперёд, но оно не отступало и, корчась и извиваясь, продвигалось вперёд шагов на двадцать в час.

Через три недели, лёжа на койке китобойного судна «Бедфорд», человек со слезами рассказывал, кто он такой и что ему пришлось вынести. Он бормотал что-то бессвязное о своей матери, о Южной Калифорнии, о домике среди цветов и апельсиновых деревьев.

Прошло несколько дней, и он уже сидел за столом вместе с учёными и капитаном в кают-компании корабля. Он радовался изобилию пищи, тревожно провожал взглядом каждый кусок, исчезавший в чужом рту, и его лицо выражало глубокое сожаление. Он был в здравом уме, но чувствовал ненависть ко всем сидевшим за столом. Его

мучил страх, что еды не хватит. Он расспрашивал о запасах провизии повара, юнгу, самого капитана. Они без конца успокаивали его, но он никому не верил и тайком заглядывал в кладовую, чтобы убедиться собственными глазами.<...>

Учёные <...> оставили его в покое. Но они осмотрели потихоньку его койку. Она была набита сухарями. Матрац был полон сухарей. Во всех углах были сухари. Однако человек был в здравом уме. Он только принимал меры на случай голодовки – вот и всё. Учёные сказали, что это должно пройти. И это действительно прошло, прежде чем «Бедфорд» стал на якорь в гавани Сан-Франциско.

Задание

Итоговые вопросы и задания

1. В чём смысл рассказа «Любовь к жизни» и почему он так называется?
2. Правомерно ли предпослать эпиграф к рассказу: «Друг познаётся в беде»?

Работа в группах

Выделите ключевые моменты многодневного пути героя и проследите, как с каждым днём положение становится трагичнее:

1. Встреча с медведем.
2. «Наступили страшные дни дождей и снега».
3. Герой увидел океан.
4. Встреча с волком.

Творческое задание

Заполните диаграммму Венна в тетрадях.

Домашнее задание

Напишите небольшое эссе и выскажите своё мнение, которое будет ответом на вопрос «Что такое любовь к жизни?».

АДЫЛ ЯКУБОВ (1926–2009)

Знакомство с автором

Адыл Якубов родился в селе Карнак Туркестанской области Республики Казахстан в 1926 году. А. Якубов – известный узбекский писатель и общественный деятель второй половины XX века. Его произведения отличаются тонким психологизмом и эмоциональной выразительностью, что делает их близкими и понятными каждому.

В своих произведениях писатель затрагивает темы любви, судьбы и внутренней борьбы, объединяя лиризм с философскими размышлениями.

Подготовка к встрече с текстом

О романе Адыла Якубова «Сокровища Улугбека»

Роман «Сокровища Улугбека» рассказывает о жизни великого мыслителя, учёного XV века Мирзо Улугбека, внука Амира Темура, выдающегося астронома и государственного деятеля. Историческое повествование освещает жизнь, трагическую смерть Мирзо Улугбека, и наследие, которое остаётся бессмертным. Образ великого учёного раскрывается в первой части романа, а вторая часть посвящена его памяти – памяти, которая пробивается, сокрушая все запреты.

Побеждённый как правитель, Улугбек побеждает как мыслитель... Приговорённый к смерти, он восходит к бессмертию. Его главное сокровище – книгохранилище, вместилище духовных богатств. Произведение А. Якубова охватывает массу событий, персонажей, сюжетных линий. Это расследование тайн заговора и перипетии спасения библиотеки. Действие в романе переносится из дворцовых покоев в мрачные подземелья тюрьмы, из чертогов вельмож в тёмные улочки окраин величественной столицы Тимуридов. Тем самым писатель создаёт многоцветную и мно-

голикую картину Самарканда: мозаику быта, нравов, обычаев, страстей далёкой исторической эпохи.

Конечно, роман «Сокровища Улугбека» затрагивает и множество других проблем. Но главное, на что пытается обратить внимание читателя А. Якубов, – это то, что истинные ценности всегда были не материальными, а духовными. По мнению писателя, стремление к духовности и просветительству должно стать нравственным критерием, определяющим ценность человеческого существования на земле.

Давайте поговорим

1. Что вам известно о правителе Самарканда Улугбеке? Что важнее для развития общества – сила или знание?
2. Какой смысл вкладывает Адыл Якубов в название своего произведения?

СОКРОВИЩА УЛУГБЕКА

Часть первая

Было за полночь, и в обсерватории стояла гулкая тишина.

Али Кушчи, как обычно, ещё с вечера занял своё место для наблюдений за перемещениями светил. Но на сей раз он не провёл ночь в любимой напряженно-спокойной работе: какое-то недомогание томило его. Мавляна[1] отложил в сторону астрономические приборы, привстал в кресле, и с этим его движением совпал неясный шум на верхнем ярусе обсерватории. Послышались чьи-то шаги.

Они не были похожи на мягкую, размеренно чинную поступь талибов[2], студентов медресе, юношей, чающих изучить науки о звёздах, а скорее напоминали бесцеремонный шаг воинов – нукеров[3]…

Дверца распахнулась, резкий стук нарушил тишину, и в помещение, залитое чернильной мглой, вступили два нукера с горящими факелами в руках. Хриплый голос повелительно произнес:

– Мавляна Али Кушчи! Великий султан Мирза Улугбек Гураган высочайше соизволил приказать, чтобы вы поспешили к нему в Голубой дворец!

– Повремените немного, – попросил Али Кушчи. – Мне нужно сложить приборы.

– Простите, мавляна, но приказ велит поспешать. Кони ждут у ворот.

И нукеры, простучав подковками сапог по мраморным плитам, удалились. Отблеск их факелов на мгновение осветил позолоту стен, тут же исчез, и ещё темнее стало в обсерватории. Только крупные белые звёзды можно было различить через отверстие в потолке. Свет их проникал сюда, в обсерваторию, и падал на ***секстант***, установленный

---

[1] Мавляна *(ист.)* – букв.: господин наш; титул мусульманских богословов и ученых.

[2] Талиб – учащийся духовного училища – медресе.

[3] Нукеры – дружинники на службе феодальной знати, правителей.

внизу, на эту открытую для устода Улугбека книгу, читая которую, он разгадывал тайны движения далёких небесных светил.

Шагирд[5] Улугбека Али Кушчи привык не торопиться в случаях важных и требующих душевной сосредоточенности; потому и теперь, зажав в руке короткую клиновидную бородку, он постоял минуту-другую, глядя на тёмный лоскут неба над головой.

Нукеры нетерпеливы, хотя и почтительны. Такими нередко бывают посланцы беды. Но что могло случиться в Кок-сарае – Голубом дворце именно сейчас, глубокой ночью?

Позавчера в предрассветную рань повелитель сам пришёл в обсерваторию. Он не вычислял, не писал, не диктовал. Сел в любимое кресло, накрытое тигровой шкурой, и долго молча всматривался в темно-синюю бездну, полную крупных белых звёзд. Читал судьбу.

Али Кушчи знал, что в нынешнем году, как и в год рождения Темура Сахибкирана, надо ждать близкого противостояния владыки неба Юпитера и Венеры. Внук Темура Улугбек, обеспокоенный треволнениями государственными, связывал с этим противостоянием какие-то свои надежды. Но чего он мог ожидать от судьбы, как видно, не благосклонной к нему?

Секстант – угломерный инструмент для астрономических наблюдений.

Почему Улугбек пришёл в обсерваторию и стал читать свою судьбу по звёздам? Чем был обеспокоен Улугбек? Что знал Али Кушчи?

Два года назад из далекого Герата пришла скорбная весть: умер отец Улугбека, могучий Шахрух, Шахрух-счастливец, как его называли, владыка, обогнавший в удаче и богатстве многих других наследников Темура, а тем паче мятежников из некогда покоренных Сахибкираном племён и династий, – пришла эта весть в Самарканд, и вот уже два года не рассеиваются черные тучи зла и неурядиц над Мавераннахром и Хорасаном.

Немало было тех, кто рвался к Темурову престолу; не раз Шахруху приходилось помогать сыну утверждаться вновь и вновь над Самаркандом и всем Мавераннахром или отбиваться от бунтовщиков вассалов, от ферганцев и туркмен, от моголистанцев и кочевых узбеков, и вот, когда наконец выяснилось, что сабля устода острей иных и в государстве, можно было думать, установилось спокойствие, столь необходимое и для торговли, и для занятий астрономией и медициной, и для сочинения стихов и музыки, тогда-то и поднял оружие наследник Улугбека, собственный его сын Абдул-Латиф. С годами Улугбек становился всё менее склонным к воинским утехам, но в начале месяца раджаб[6] пришлось ему собрать войско и спешно выступить к Джейхуну[7]. Однако смута и заговор, вспыхнувшие в столице в его отсутствие, заставили повелителя вернуться в Самарканд. Несколько дней как он здесь, а всё ходят по городу подлые, сеющие страх слухи, будто конница мятежника Абдул-Латифа преодолела бешеную реку и подошла уже к Кешу[8].

---

[5] шагирд – ученик, последователь.

[6] Раджаб – название седьмого месяца мусульманского лунного календаря.

[7] Джейхун (араб.) – бешеная, так арабы прозвали Амударью

[8] Кеш – старинное название города Шахрисабза.

Кто знает, может, так оно и есть, хотя досточтимый устод третьего дня в обсерватории не сказал о том ни слова. Устод Улугбек долго сидел тогда, сидел и молчал, углубленный в свои думы, а потом, устало ступая по мраморной лестнице, поднялся на второй ярус в книгохранилище. Медленно и рассеянно, словно в забытьи, обозревал в тот раз Улугбек бесчисленные книги, уложенные на полках от пола до потолка, множество редчайших рукописей, собранных им здесь за долгие десятилетия управления Самаркандом. Устод, видно, вспомнил, стоя в библиотеке, покойного наставника своего Салахиддина Казизаде Руми, перелистал его «Математику», после чего, тяжело опустив голову, всё также молча и тихо направился к выходу.

Досточтимый учитель, да смилостивится над ним Всевышний, приходил попрощаться с обсерваторией, любимым детищем, созданием своим, – вот что понял тогда Али Кушчи и вот что последние два дня отзывалось в груди щемящей болью, не давая работать. Печальное лицо устода так и стояло с тех пор перед глазами Али Кушчи; несколько раз мавляна порывался пойти в Кок-сарай, но сделать это без приглашения не хватало духу. Теперь же сам устод повелел явиться ему, Али Кушчи, в Голубой дворец…

Али Кушчи вышел во двор обсерватории.

У ворот стояли, дожидаясь Али Кушчи, воины с лошадьми.

Вскоре цокот копыт раздался в ночи; один нукер поехал вперёд, другой рядом с Али Кушчи. Так они пересекли речку Сиаб, поднялись на древние холмы Афрасиаба. Слева от них смутно замаячили высокие купола Шахи-Зинда, средоточия усыпальниц владык. Ночь была без луны, но лазурь куполов отражала свет звёзд и разливала вокруг себя голубое мерцание…

Али Кушчи и нукеры миновали Регистан и углубились в узкие улочки, образованные длинными рядами лавчонок под навесами. Выехали к Кок-сараю. Высоченные зубчатые стены высились в ночи, как горы. Окружённый рвом дворец был похож на крепость, но Али Кушчи, глядя на купола за стеной, мрачные и чёрные, опять вспомнил об огромном кладбище, об усыпальницах Тимуридов.

Во дворце – ни единого огонька. Ни один костёр не горел у ворот…

Али Кушчи соскочил с коня. Нукер принял поводья. Привратник склонился в поклоне, посветил фонарём, пропустил учёного вперёд.

Изнутри огромный двор слабо, но освещался… «Угрюмо, как в Шахи-Зинда», – подумалось снова… И тихо было вокруг, лишь откуда-то из-под земли доносился неясный гул: видно, в подземельях работали оружейники…

Узкий полутёмный коридор вёл в просторную, ярко освещённую комнату с мраморной лестницей в левом углу, что соединяла нижний и верхний этажи дворца.

Здесь их встретил сарайбон – дворецкий, неразговорчивый, замкнутый человек. Жестом пригласил учёного следовать за собой.

Зала на втором этаже тоже была пуста. Сарайбон, пройдя к двери напротив, скрылся в следующей зале – там обычно повелитель принимал гостей и устраивал советы. Из-за двери, на миг приоткрывшейся, до Али Кушчи донёсся глуховатый голос устода: видно, Улугбек был раздражён и потому необычно резок. Но сарайбон плотно прикрыл дверь за собою, и голос исчез.

Али Кушчи не раз бывал в этой зале.

Тонкие языки пламени множества свечей, подобранных по размеру и толщине одна к одной, ярко вспыхивали и колыхались, отражаясь в золотом ободе люстры. По всем четырём стенам были развешаны ковры ширазской работы, а поверх них охотничьи трофеи и воинские доспехи повелителя… Над аркой небольшого оконца, что напротив входа, чуть выше украшенной каменьями кольчуги, разветвились огромные – не охватишь руками – рога архара. Гордость устода! Он сам повалил этого архара во время осенней охоты в Гиссарских горах, и по его приказу могучие рога украсили изумрудами… А рядом над красным сафьяновым колчаном, полным длинных гибких стрел, распялена по стене тигровая шкура – добыча с берегов Джейхуна, когда повелитель возвращался домой после трудной хорасанской войны.

Тогда Улугбек, устав от тяжёлого и совсем не победоносного похода, послал в Самарканд за Али Кушчи особого гонца. Приезд ученика к учителю оказался вдвойне счастливым. Не только беседами насладился устод. Во время охоты случилось так, что выскочил внезапно из густых камышовых зарослей на берегу вот этот тигр и кинулся на Улугбека. Али Кушчи, шедший неподалёку от султана в цепи охотников с луком наготове, первым опомнился и первым успел пустить стрелу. Непостижимое везенье, благосклонность судьбы! Стрела угодила точно в правый глаз зверя, яд подействовал мгновенно, и тигр, подпрыгнув высоко вверх, с рёвом пал прямо к ногам устода. Не раз потом при сановниках Улугбек называл Али Кушчи своим спасителем. Кому ведомо зачем – может, для того, чтобы оправдать свою милость к нему, дружбу с ним? Чтобы отвести зависть придворных от неродовитого мавляны?

Али Кушчи грустно усмехнулся. Вспомнилось, как некогда впервые переступил он по милости устода порог Кок-сарая: разволновался тогда столь сильно, что шагу не мог ступить дальше мраморного водоёма во дворе. От робости, от священного трепета, как эту робость называют, у него колени дрожали, стоило только подумать, что здесь, в этих раззолочённых палатах, жил, вынашивал свои тайные мирозавоевательные замыслы сам Тимур Гураган, султан Сахибкиран, велевший именовать себя не султаном, а просто военачальником-эмиром. А ныне?.. Нет уже Темура, потрясателя вселенной. И нет больше страха в душе Али Кушчи… Вот он снова в этом дворце дворцов, в чертогах того, пред кем трепетало полмира, в сердце же мавляны совсем иное чувство – горькая, щемящая боль. Нет, не оттого, что хиреет величественный Голубой дворец, что его не украшают военные трофеи. Вовсе нет. Сердце Али Кушчи тревожится за устода, над головой которого, совсем уже седой, поднялись чёрные тучи междоусобицы.

Отчего ополчилась судьба на Мирзу Улугбека? За что она мстит ему?.. Знает об этом Али Кушчи, знает, хотя боится сказать вслух… Устод сдёрнул покров тайны с небесных светил, открыл новые звёзды, постигнул мудрое устройство вселенной, удивил мир своими познаниями, но не понял того, что давно уже понял он, смиренный мав-

ляна Али Кушчи. Выше многого-многого в жизни поставил устод разум и не понял, однако, сколь суетна борьба за власть, сколь ничтожен смысл обладания троном, да простятся такие мысли милостивым и всемогущим! Конечно, мысли эти еретические в глазах невежд, в глазах тех, кому не дано вкусить тяжких забот и светлых радостей разума, но мысли эти справедливы и праведны, ибо Аллаху угоден вовсе не отказ от дерзости познания, не страх перед неведомым, а, напротив, именно дерзость и преодоление страха. Бесстрашен устод, истинно кладезь познаний, тот, кому, словно пять пальцев собственной руки, ясна история народов, династий, удачливых и неудачливых завоевателей… И при такой-то ясности ума не понять, что власть, подобно ветреной красавице, не остаётся верной до конца ни одному властелину, сколь бы удачлив, силён или страшен он поначалу ни был?.. Но, может быть, повелитель, да будет милостива к нему судьба, не захотел понять этого? Или, понимая, не нашёл в себе сил отринуть соблазны власти, почести и радости трона?.. О, если бы он отдал себя, всего себя, весь свой пытливый ум, все дарования свои Науке, свет которой только и озаряет, только и возвеличивает само имя Человека! Почему так не случилось? Почему?

Почему Улугбек называл Али Кушчи своим спасителем?

Двери распахнулись; дребезжащий ***дискант*** шейх-уль-ислама[9] Бурханиддина долетел до ушей мавляны, прервав раздумья.

– Нет бога, кроме Аллаха, а султаны, правители наши, его тени на земле. Повиновение законному повелителю – первейший долг подданных!

Слова верховного законника перекрыла разноголосица, но тут же и смолкла, знакомый властный голос произнес глухо, но внятно:

– Довольно споров! Слушайте приказ, повинуйтесь ему… Эмир Султаншах Барлас! Вместе с передовыми отрядами отправляйся в путь немедля!.. Эмир Султан Джандар! С основной частью конницы выезжай следом… Если Аллах позволит, встретимся между Самаркандом и Кешем на перевале Даван… За участие в совете благодарю. Меджлис[10] окончен!

Из покоев повелителя первым вышел Мираншах, даруга – градоначальник Самарканда. За ним теснились эмиры и вельможи в богатых красных, зелёных, синих халатах, в тёмных бобровых шапках. Лица у всех придворных хмурые. Мираншах на ходу одёрнул подпоясанный широким кушаком златотканый халат, чуть задержался, поправил пояс и саблю с золотой рукояткой, глянул исподлобья в угол на Али Кушчи и отвернулся, ещё раз поправил оружие. Полное круглое лицо его скривилось, но, ничего не сказав, Мираншах быстро пересёк залу, и слышно стало, как он нарочито загромыхал по мраморной лестнице. Могучий телом, жгуче-чёрный бородач, эмир Джандар, придерживая кривую саблю, заспешил за Мираншахом.

Подобно этим вельможам ни один из следующих не ответил на вежливый поклон Али Кушчи. Лишь шейх-уль-ислам Бур-

Дискант – высокий детский голос

[9] шейх-уль-ислам – глава духовенства в государствах Средней Азии.

[10] меджлис – совет, собрание, съезд.

ханиддин протянул в сторону мавляны холёно-белую, раскрытую, словно развёрнутый свиток, ладонь, то ли приветствуя таким странным жестом человека в углу, то ли просто распутывая нитку янтарных чёток, которой обвита была рука законника.

Шейх-уль-ислам покинул залу последним.

И снова установилась тишина.

И в этой зале, и в соседней. И во всём огромном ночном дворце.

Может, досточтимый устод забыл, что вызвал Али Кушчи? Ведь столько трудных забот пало на его плечи!..

Но тут тихо приоткрылась резная дверь и показался Улугбек.

Какие ценности важнее для Улугбека: власть или знания?

Давайте обсудим

1. Какие события первой части романа показались вам наиболее значимыми? Почему?
2. Каким изобразил писатель состояние Улугбека в начале произведения? Определите главные черты характера героя.
3. Как складываются отношения между Улугбеком и его окружением? Почему Улугбек пригласил ночью Али Кушчи в Голубой дворец?
4. Какие трудности и препятствия уже появились на пути Улугбека?

Практическая работа

1. Прочитайте отрывок из романа «Сокровища Улугбека» и кратко изложите его содержание.
2. Работа с текстом. Найдите в романе «Сокровища Улугбека» примеры контраста (свет – тьма и т.д.) и объясните, как они помогают понять образ главного героя.

Домашнее задание

Прочитайте вторую часть романа.

Давайте поговорим

1. Как могут измениться отношения Улугбека с его окружением? Кто станет его союзником, а кто – врагом?
2. Как борьба за власть повлияла на судьбу Улугбека, для которого главной ценностью были знания и научные открытия?

Задание

Прочитайте продолжение романа «Сокровища Улугбека».

Часть вторая

Вместо златотканого халата, обычно надеваемого для важных заседаний, на Улугбеке был коричневый простой суконный чекмень; голову покрывала тёмная шапочка, сшитая из трёх кусков бархата (её он любил носить в медресе и в обсерватории); широкие голенища сапог были чуть вывернуты, виднелся беличий мех подкладки. Улугбек стал у порога, нашёл глазами Али Кушчи.

Во всём облике Улугбека – в его высокой, начинающей полнеть фигуре, в смуглом, медного отлива, узком лице, в прищуренном взгляде из-под густых белых бровей – была и затаённая сила, притягивающая к себе, и какая-то скрытая, ранее не знаемая Али Кушчи неуверенность.

Приложив руки к груди, ученик приблизился к учителю и почтительно склонил перед ним голову. Но Мирза Улугбек приостановил его поклон, обнял за плечи и повёл к высокоспинным, покрытым шёлковой тканью креслам, расставленным в правом углу залы.

– Пойдем побеседуем, сын мой…

Улугбек нередко называл своего шагирда сыном. Но сегодня и в голосе наставника, и в том, как мягко приобнял он Али Кушчи, чудилась некая особенная задушевность. Она – спутник скорби, подумал мавляна.

Султан хлопнул в ладоши. Снизу простучали сапоги, и перед ними возник дворецкий.

– Бакаулы[11] не спят?

– Они всегда к вашим услугам…

– Кушаний и вина!

В ожидании яств устод сидел молча, чуть склонив к плечу голову и полузакрыв глаза. Узкое лицо его с выступающими скулами казалось худым и измождённым, на лбу и у губ сгустились морщины, в недвижных пальцах рук, брошенных на колени, чувствовалась усталость.

Али Кушчи хотел сказать что-то утешительное, но не мог найти слов. Улугбек же вдруг произнёс тихо, будто самому себе:

– Сегодня во сне… я видел пира[12].

Перед глазами Али Кушчи предстал далёкий весенний день.

На мраморном помосте во дворе медресе Улугбека в тени густой листвы чинар были разостланы ковры, ярко цветные в солнечных лучах. Талибы нарядились в лучшие халаты, они в волнении торжественном: сегодня встреча с мавляной Салахиддином Кази-заде Руми, им предстоит послушать великие истины непосредственно из бла-

---

[11] бакаул *(ист.)* – кухмистер, повар, лицо, ведающее дворцовой кухней

[12] пир – духовный наставник мусульман, глава религиозной общины, глава религиозной секты

гословенных уст знаменитого мудреца!.. Али Кушчи уже тогда был много наслышан о мавляне, да и читывал трактаты высокочтимого мудреца, и, надо сказать, трактаты сии, посвящённые таинствам математическим, были таковы, что истинно стоило преклоняться перед тем, кто их написал, и не считать преувеличением восторженные рассказы об этом «Платоне нашего времени». В воображении рисовались величественная и горделивая фигура старца, ясное чело святого.

На самом деле Али Кушчи увидел тщедушного старика с трогательно лёгким ореолом волос надо лбом и редкой бородкой клинышком. Белыми, как снег, были и брови старика, и ресницы, и его шапочка конусом, вроде кулоха[13], сшитая из трёх кусков ткани. Даже чекмень на нём был белым-белым.

В тот весенний день мавляна Салахиддин Кази-заде Руми поцеловал Али Кушчи, а Мирза Улугбек впервые милостиво пригласил его к себе в Кок-сарай.

О, сколько лет пролетело, сколько воды утекло с того дня, а стоит Али Кушчи закрыть глаза, как возникает перед ним ласковый старик, мудрец, да не исчезнет светлая память о нём! …

Улугбек покачал головой, усмехнулся краешком губ.

– Во сне… покойный пожурил меня… Сказал, что я забросил науку ради неверной прелести власти, ради блеска трона… Желая владеть престолом, погубил, мол, свой дар!

Али Кушчи весь встрепенулся, не удержал восклицания:

– О, всемогущий!..

Улугбек быстро глянул на него, в глубоко посаженных глазах устода промелькнул вопрос. Чувствуя нарастающую неловкость, Али Кушчи заговорил:

– Пусть устод простит меня, но полчаса назад здесь, в этой зале, то же самое подумал и ваш шагирд…

Улугбек сидел, чуть сгорбясь, не касаясь спинки кресла. Молчал. Постукивал по расписному низкому столику – хантахте алмазом золотого перстня. Белые мохнатые брови султана сошлись к переносице, и между ними пролегла глубокая складка. Взгляд был устремлён в одну точку.

Али Кушчи прервал своё признание: как физическая боль, его пронзило раскаяние: вместо утешения он ещё больше ранил устода произнесёнными словами.

– Мавляна Али, – заговорил Улугбек, не отрывая глаз от какой-то лишь ему ведомой точки в пространстве. – Раб божий, недостойный милости всевышнего, я почти сорок лет правлю Мавераннахром… И вот ты думаешь, что труды мои, затраченные на обеспечение спокойствия в стране, на благоустройство государственное, на улучшение хозяйства и приобретения в казну, напрасны и недостойны… Неужели и ты так думаешь?..

Скорбно-красноречивая, торжественная речь Улугбека нежданно прервалась.

Кого в романе автор называет «Платоном нашего времени»?

Да как он, Али Кушчи, посмел бередить душевную рану устода в столь трудный для него час? Али Кушчи сказал:

– Заслуги ваши, досточтимый устод

[13] Кулох – конусообразная шапка дервиша

и повелитель, и на поприще державном и в научных занятиях столь велики, что никто не может в них усомниться!

Кого видел во сне Улугбек?
За что он «пожурил» правителя?

Улугбек нетерпеливо взмахнул рукой.

– Не надо, я всё понимаю, Али… Но ход событий таков, что… учёные мужи, вы не понимаете меня, Али! Не оттого, что разум таких, как ты, меньше разума шахов и султанов, нет! Всевышний щедр: разум – лучший его дар человеку – отдан поэтам и учёным. Но одарил их он ещё и такой чистотой, такой наивностью, что вы не в силах понять ни с чем не сравнимую жизнь тех, кто… обречён… править.

Улугбек словно задохнулся. Потрогал шею под бородой. Снова взмахнул рукой.

– Ты не подумай, будто боюсь я расстаться с престолом. Другого боюсь. Того, что всё, накопленное мною за сорок лет – медресе, обсерватория, главное сокровище моё – библиотека, наконец, произведения мои, что писал, не замечая ночей, – всё это пойдет прахом, будет пущено на ветер наследниками. – Последнее слово Улугбек произнес со злой горечью. – И ещё одного боюсь… забвения боюсь. Того, что грядущие поколения будут гнушаться именем Мирзы Улугбека, внесут его в ряд прочих имён бесславных правителей… Кто будет знать, что Мирза Улугбек стремился разгадать тайны вселенной? Узнают ли про меня правду, мавляна Али?

С болью и состраданием ответил Али Кушчи:

– Досточтимый учитель! Верю, верю в то, что потомки будут знать правду, будут судить о вас в согласии с нею… И в чьих же суждениях правда, если не в суждениях людей науки, устод? А разве забудут они ваши заслуги? Разве может превратиться в пыль каталог звёзд?.. Или не разум людской только и вечен в мире?!

Улугбек грустно улыбнулся.

– Ты уверен в этом?.. Ну, пусть будет так. Благодарю, Али.

В эту минуту послышались шаги, в зале показался дворецкий, а за ним толстяк бакаул – мастер-шашлычник, знакомый Али Кушчи по охотничьим пирам повелителя…

Улугбек последил взглядом за тем, как бакаулы расставляли кушанья, как потом, пятясь и кланяясь, выходили из залы. За ними собрался было и дворецкий, но султан остановил его вопросом:

– За мавляной Мухиддином послал гонца?

– Гонцы уже вернулись, повелитель.

– И что же?

– Мавляна Мухиддин, оказывается, тяжко занедужил, повелитель.

– Вот как!.. Ну, ладно, ступай…

Дворецкий вышел, тоже пятясь, прижав руки к груди.

– Гм… Тяжко занедужил… – повторил Улугбек и насупился. – Ты знал об этом что-нибудь, Али?

– Нет, досточтимый устод.

Как общество воспринимает
астрономические исследования Улугбека?

– Отчего же?

Али Кушчи смутился.

– Возможно, вы слышали, устод, о том, что этой весной я сватал дочь мавляны Мухиддина. За молодого мударриса

Как складываются отношения Улугбека с сыном Абдул-Латифом? Почему между ними нарастает конфликт?

по имени Каландар Карнаки. Но мавляна, а особенно отец его, хаджи[14] Салахиддин… тот самый, известный в Самарканде ювелир… отказали. С обидными словами меня выпроводили… С тех пор я не бывал в том доме… Об остальном вы знаете, устод. <…>

Улугбек глубоко вздохнул:

– О, грешные мы, грешные! – И, повернувшись всем телом к Али Кушчи, спросил неожиданно: – Найдутся ли надёжные талибы среди твоих?

– Найдутся, устод, конечно, найдутся…

– Хорошо, если найдутся… Тогда перейдем к делу. – Улугбек положил на колено мавляны руку и снова пристально взглянул в лицо ученика. – Ну, ты знаешь, конечно, что небо Мавераннахра снова заволокли тучи междоусобицы. Тучи бунта, правильнее сказать! Старший сын мой Абдул-Латиф, кому я отдал прекрасный Балх, затеял против меня войну. Ему мало Балха, ему нужен Самарканд. Он перешёл Джейхун и сейчас уже недалеко от Кеша… Ты слышал об этом, Али?

– Слышал, досточтимый устод! Но… нельзя ли надеяться на примирение? Если вы простите сыну его вину…

Улугбек пристукнул кулаком по колену Али Кушчи.

– Э, если б всё решалось прощением… Если бы он попросил прощения, я простил бы его… Ради спокойствия в стране! Ради того, чтобы нам с тобой спокойно следить за звёздами… Но ты не знаешь Абдул-Латифа, Али. Не знаешь! – Улугбек вдруг вскочил с места и нервно прошёлся по зале.

– Я вызвал тебя неспроста, Али. И то, что ночью, тоже неспроста, хотя сарайбону надлежало сделать так, чтобы они… вельможи мои… не видели тебя здесь. – Улугбек снова подошёл к собеседнику, сел рядом с ним. – Мои сокровища: обсерваторию, библиотеку, рукописи свои, законченные и незаконченные, чувствую, что не закончу их теперь, – всё это передаю в твои руки, доверяю их только тебе, Али, сын мой! Богатства бесценные, богатства разума человеческого…

Улугбек откинулся в кресле, сложил на груди руки.

– Но подумай, Али! Это опасное дело. Ты же знаешь настроение тёмных невежд, фанатики шейхи не любят меня.

– Знаю, устод, знаю.

– По силам ли будет тебе это бремя?

Лицо Али Кушчи залилось краской. Он поднялся.

– Вы сомневаетесь в своём ученике, досточтимый учитель?

– Нет, Али, нет, – продолжал Улугбек. – Сомневался бы, так не открывал свою душу тебе. Я только не хочу погубить тебя… Эти мнимопочтенные улемы[15], обделённые умом и жалостью маддохи[16], сколько лет уже точат они зубы на людей науки!

---

[14] хаджи – человек, совершивший паломничество – хадж

[15] улем – представитель высшего мусульманского духовенства

[16] маддох – рьяный последователь и восхвалитель веры

– Да, но мы живы по воле Аллаха!

– …И по воле… силы моей и страха их перед силой, Али. Пока их боязнь перевешивает их ярость.

Али Кушчи опустил глаза. Он знал, что такое ярость улемов и шейхов против тех, кто не схож с ними. <…>

– Ну, о чём ты задумался, Али?

Улугбек сидел перед Али Кушчи, сложив на груди руки, глаза его были прищурены. Прогнав видение, от которого похолодело в сердце, Али Кушчи поклонился и сказал:

– Повеление устода – закон для шагирда.

– Не то говоришь, Али. Это не повеление. Просьба. Потому и спрашиваю: не будешь потом раскаиваться?

– Устод…

– Ладно! – Требовательно-пытливое выражение в глазах устода смягчилось. – Следуй за мной, – и Улугбек открыл дверь в салямхану – залу для приёмов близких гостей и для тайных советов.

В красном углу её на возвышении было установлено высокое золотое кресло – трон. Горело в зале почему-то всего лишь несколько свечей. <…>

Улугбек прошёл за трон, раздвинул тёмно-серый шёлковый полог, что закрывал стену до самого потолка. Обнажились часть стены и дверца, обитая полосами кованой меди, совсем маленькая, так что в неё с трудом мог протиснуться один человек.

Улугбек извлёк откуда-то из-за пояса связку ключей, чуть помедлив, отпёр замок. Из овальной ниши они взяли по свече, зажгли. Пригнувшись, султан плечом толкнул дверь. За нею зияла темная пустота.

Не разгибаясь, Улугбек шагнул куда-то вниз, Али Кушчи сделал шаг вслед, задержал дыхание: затхлый воздух был слишком непривычен.

Держа свечу в одной руке, а другой ощупывая стену, стали спускаться в мрачный колодец. Наконец достигли дна. Показалась ещё одна дверь. Улугбек отпёр её, и они вошли в узкий прямоугольный подвал. Стены тут были выложены чёрным камнем, с пола дуло ледяным холодом, потолок нависал над головой тяжёлой глыбой. Каменная могила!

По углам подвала стояло четыре стальных сундука. Их приковали цепями к железным кольцам, ввинченным в пол.

И здесь царил всё тот же мрачный дух. Казалось, где-то за сундуками, может, вон в том чёрном углу, куда совсем не дотягивается огонек свечи, затаился хромой властелин и тайно наблюдает за пришельцами, зловеще помалкивая до поры.

В руке Улугбека появился ещё один ключ. Султан прочитал короткую молитву, беззвучно шевеля губами, поднёс ладони к лицу в знак её окончания. Потом вложил ключ в замок большого сундука, обернулся к Али Кушчи, показал глазами, чтобы тот помог.

Крышка сундука была до того тяжела, что и вдвоём они приподняли её не без усилий. А когда с грохотом откинули крышку, полутёмная комната озарилась будто костром.

Сундук был доверху наполнен алмазами, рубинами, жемчугами, изумрудами, ещё какими-то камнями, коих Али Кушчи ни разу дотоле не видал. Они сверкали, переливались, завораживали, испуская голубые, бирюзовые, пурпурные лучи, радуя глаз нежными переливами волшебно-прекрасной радуги.

– Из Багдада и Каира, – сказал Улугбек нарочито спокойно, скрывая собственное восхищение. – В этом сундуке трофеи деда, эмира Темура, привезены сюда после победы над султаном Баязетом… Но ты не брезгуй ими. Возьми мешочек, Али.

– Для чего они мне, устод?

– Пусть послужат добру… Тебе не нужно богатство, знаю. Но без богатства, без денег чего мы достигнем? Так уж устроен мир… Пусть же и власть, и богатство служат добру, как я сказал.

С этими словами Улугбек стал разгребать драгоценности внутри сундука.

Под драгоценными камнями оказалось золото! Круглые слитки, словно крохотные пиалы, рядами поднимались со дна сундука, один ряд над другим, кверху донышками. Они источали яркость и, казалось, даже обдавали жаром.

Улугбек вытащил один слиток, распрямившись, взвесил его на ладони, обрадованно сказал:

– Вон какой тяжелый… Все это моё! Наследство деда: он любил меня. Но, видит Бог, я тратил наследство деда не для захвата земель, как внушал мне он сам, а благоустраивал города и дороги, возводил медресе и ханаки. Пусть же и впредь эти богатства послужат доброй цели! – повторил Улугбек.

Со дна сундука он достал небольшой, толстой красной кожи мешок и отсчитал в него десять золотых слитков, каждый размером в маленькую пиалу. Потом пригоршней ссыпал туда драгоценные камни. Протянул мешок шагирду.

Мешок был до того тяжёл, что Али Кушчи с трудом удержал его в вытянутой руке.

Улугбек медлил закрыть крышку сундука, не в силах оторвать взгляда от сверкающей красоты камней, от жаркого пламени золота. Наконец обернулся к Али Кушчи:

– Пожалуй, ты не знаешь, с чего начать, как пустить это богатство в дело… Его надо превратить в деньги. Слава Аллаху, мне удалось по-настоящему обеспечить деньги Мавераннахра. Это не те обесцененные монеты, что раньше мучили и казну и налогоплательщиков… Нужен честный меняла. Обратись к ювелиру хаджи Салахиддину. Передашь ему и сыну его, мавляне Мухиддину, он ведь друг тебе, мой привет и благорасположение мое…

Улугбек говорил сейчас совсем просто, не стараясь словами поддержать высоту, на которую вознесла его судьба; так просто разговаривал он с Али Кушчи в обсерватории.

– Да, Али… Ты одна гора, на которую я опираюсь в своей беде, надеюсь, Мухиддин будет второй… Передай ему все это.

– Исполню, устод.

Улугбек закрыл сундук.

– Остальное пойдет Абдул-Азизу. – И, словно извиняясь, добавил: – Ты знаешь, он несчастный, немощный юноша, его гложет какая-то болезнь, не знаю, как его лечить…

Жесток, своенравен и неумён этот Абдул-Азиз, а вот поди пойми отцовское сердце. Мысленно Али Кушчи произнёс: «О досточтимый устод! За что вы любите этого

своего отпрыска, за что можно любить его, виновника стольких горестей? Немощный, несчастный, больной? А он, как и старший, мечтает о власти, с охотой бы вышел из-под отцовской державной руки».

Улугбек словно прочитал мысли Али Кушчи, что бывало частенько в их разговорах. Тяжело вздохнул.

– За себя не боюсь, Али. Дарованную творцом жизнь я прожил, плохо ли, хорошо ли, но прожил. Сверх меры, наверное, испытал и сладость и тяжесть власти. А вот как у них сложится жизнь, у сыновей, как отнесутся друг к другу без меня, после того, как умру? Думаю, думаю об этом, и сердце обливается кровью. Особенно тревожусь за младшего. Он больной, очень больной.

Али Кушчи отвёл глаза.

– Да облегчит Всевышний ваше бремя! – тихо пробормотал мавляна…

Наверху Улугбек предупредил Али Кушчи: никто не должен прознать о том, что унёс мавляна из Кок-сарая. Посоветовал, как лучше, надёжнее завязать в пояс халата драгоценный мешок.

– Какие ещё будут приказы вашему слуге, досточтимый устод? – спросил Али Кушчи.

Улугбек устало провёл ладонью по лицу.

– Ночь кончается, Али. Обо всём я уже сказал… ***Главным богатством своим всегда считал не трон, а труды для науки,*** – горячо, с болью и страстью сказал Улугбек. – Моя самая большая любовь – библиотека, кладезь мудрости. Участь этого сокровища, повторяю, в твоих руках. Кому принадлежит оно? Стране нашей и всему роду людскому, разуму человеческому, выше и долговечней его ничего нет на свете, это ты верно сказал… И помни: если создатель лишит меня, своего смиренного раба, поддержки своей, лишит трона и власти, если невежды восторжествуют в Мавераннахре, тебе сохранить это сокровище для будущего. И моё доброе имя тем самым!.. Может быть, книги придётся вывезти осторожно, тайком из города, спрятать где-то в горах… Уже сейчас поищи мастеров, пусть срочно делают десять… пятнадцать больших сундуков. Ты понял меня, Али?

– Понял, устод!

Улугбек положил руки на плечи шагирда.

– Благодарю тебя, Аллах! Пусть не повезло мне с родными сыновьями, зато ты для меня, мавляна, большая награда в жизни.

И Улугбек, как когда-то Салахиддин Кази-заде Руми, поцеловал в лоб Али Кушчи, до слёз растроганного и до крайности расстроенного.

Учитель и ученик по-братски крепко обнялись на прощанье.

Какую тайну открыл Улугбек своему ученику Али Кушчи?
Почему он передал ему мешочек с золотыми слитками и драгоценностями?

Давайте обсудим

1. Какие новые испытания встали перед Улугбеком? Смог ли он справиться с ними?
2. Как изменились отношения между Улугбеком и его окружением? Кто сыграл ключевую роль в его судьбе?
3. Какие поступки героев вызвали у вас сочувствие, а какие – осуждение?
4. Какие силы противостояли Улугбеку и его научным стремлениям? Почему они считали его взгляды опасными?
5. Можно ли сказать, что Улугбек опередил своё время? Как бы общество восприняло его идеи сегодня?
6. Как в романе «Сокровища Улугбека» раскрывается противостояние между научным знанием и религиозным фанатизмом?
7. Почему даже великие правители и учёные не застрахованы от предательства?
8. Какие уроки можно извлечь из жизни Улугбека?
9. Какую главную ценность оставил Улугбек миру?
10. Являются ли знания самым прочным следом, который человек оставляет после себя?
11. Какую роль играет вера в судьбу в романе? Верите ли вы в предопределённость исторических событий?

Домашнее задание

Прочитайте третью часть романа.

Давайте поговорим

Как повлияли политические и религиозные противоречия на судьбу Улугбека?

Задание

Прочитайте продолжение романа «Сокровища Улугбека».

Часть третья

Проводив Али Кушчи, Улугбек вернулся в залу, увешанную охотничьими трофеями и оружием. Из всех других комнат дворца он больше всего любил эту – просторную

и тихую, где часто читал, думал над научными загадками и сочинениями мудрецов и поэтов, а порою, устав, просто спал. <…>

Доложили, что прибыл Бобо Хусейн Бахадыр, любимый нукер из Улугбековой охраны; вчера он поскакал гонцом в Кеш.

Высокий и ладный красавец, Хусейн почти вбежал в залу, растрёпанный, потный, даже не сняв остроконечного шлема; руки почтительно сложены на груди, но весь облик его яснее ясного говорил, что сейчас не до соблюдения ритуала: широкая грудь Хусейна вздымалась и опускалась, подобно кузнечным мехам, капли пота усеяли чернобровое лицо.

Воин пал ниц. Улугбек поставил на стол пиалу, побледнел.

– Что повалился? Вставай!

Хусейн легко приподнялся на колени.

– Не смею сказать, повелитель… Весть нерадостная…

– Говори же! – приказал султан.

– Неприятель и вправду в Кеше, повелитель. Градоначальник Кеша эмир Камалиддин отдал город без кровопролития.

Улугбек этого и боялся. Но, как всегда, когда подтверждались опасения, пусть и худшие, но подтверждались, у султана пропадала боязнь. Вместо неё появлялся гнев… Беспощаден. Бобо Хусейн Бахадыр опять пал лицом к полу.

– Вставай, вставай… Через час в поход! Чтобы всё было готово, оружие, лошади, запас – всё, всё, слышишь?.. Правильно думаю? Говори!

– Воля повелителя – закон для подданных…

– Не о том спрашиваю! Правильно ли идти сейчас же, не собрав все силы воедино? Что думаешь, что скажешь?

– Правильно, повелитель. Времени терять нельзя… Только… ваш верный слуга полагает, надо бы поднять городское ополчение…

– Ополчение? Почему?

– Войска ведь немного, повелитель, и… город любит вас, верен вам, повелитель… Я говорю, город… простой люд городской… Военные отряды покорны воле эмиров, предводителей.

Улугбек задумался. Он понял намёк Хусейна. Сам из низов, Хусейн и верил только им. Улугбек знал, чего стоит нынешняя преданность иных эмиров.

– Нет, не надо, Хусейн, – султан отрицательно покачал головой, – не надо. Что они смогут, ремесленники и чернь, против обученных воинов?.. Иди отдохни с дороги, Хусейн. Скоро опять в путь, а там…

«Проклятье! Вот она, цена надежд!»

Да, он понимал, что войско Абдул-Латифа велико и что не будет Абдул-Латиф задерживаться перед Джейхуном: не тот характер, да и заповедь Темура отлично известна его потомкам – используй время, когда ты сильней, не медли. Быстрота увеличивает силу! Расчёт Улугбека, не вполне, может быть, осознанный, и состоял в надежде на то, что у Кеша сыну придётся задержаться, помучиться, чтоб взять город, потерять время, а стало быть, силы и, не исключалось, сторонников. А тут на тебе: без боя вошёл! А ведь Улугбек считал Камалиддина одним из верных себе людей… Раз уж эмир Камалиддин изменил ему, то кому теперь верить, на кого опереться? Что делать

Как вы понимаете высказывание «Эмиры преданны, когда меч в твоей руке намного длиннее и острее, чем у них. Держи их в страхе и не доверяй им, сын...»

с остальными военачальниками?.. И опять пришли на память слова деда, сказанные однажды в Герате, в саду «Баги джахан». Султан Шахрух произнёс что-то возвышенное о верности какого-то военачальника Темуру Гурагану, на что последний ядовито засмеялся и ответствовал: «Эмиры преданны, когда меч в твоей руке намного длиннее и острее, чем у них. Держи их в страхе и не доверяй им, сын! Преданность из страха иль преданность по разумному выбору – тебе какая в том разница? Из страха преданности достичь – это в твоих силах, а по разумному выбору – не от тебя зависит».

Улугбек не был с этим согласен… Раньше не был, а вот сейчас… Почти сорок лет он судит и рядит в Мавераннахре. Человечным стремился быть и с теми, между прочим, кто предавал его, кто за спиной козни чинил. Надвигалась беда, когда всё решала сила, и что же? Где был их разумный выбор, этих эмиров? Чувствовали, что за ним сила, и оставались. Теперь почуяли силу молодого шакала и начинают перебегать к нему…

Он вспомнил… Была тогда пятница, светлый, благочестивый день. Богослужению в соборной мечети Герата придавало особый блеск предшествующее событие – победоносное прибытие в город Улугбека, сына Шахруха, с войском. Перед мечетью собрались служители веры, вельможи, предводители крупных отрядов. Ждали Мирзу Улугбека. Он выехал из медресе Шахрухия; блестящая кавалькада миновала странноприимный дом, обитель дервишей, возведённый благословенным родителем Улугбека.

И вдруг перед султаном появился, будто из-под земли вырос, заросший густым волосом, покрытый грязью дервиш, полусумасшедший, видно, – дико вращал глазами, махал руками, словно плавал, и кружился в каком-то ведомом ему одному танце. Всадники впереди рванулись к дервишу, пытаясь или прогнать с дороги, или потоптать конями. Улугбек остановил их, изъявил желание выслушать дервиша. Дивана свят, прогнать его грех, про то все знают. А этот дервиш, безусловно, дивана: гремя малютками-бубенцами, которыми было увешано его рубище, всё так же странно приплясывая, он приблизился к султану, с пеной на губах восклицая: «О Аллах, о всемогущий, создатель наш Аллах!» Но между этими восклицаниями, сквозь кривляния и бормотания он говорил что-то, обращаясь именно к султану, и Улугбек не без труда, но стал разбирать его речь. А говорил дервиш, что воины султана – человеколюбца, справедливого и мудрого – клялись его именем и грабили, а то и убивали людей, ни в чём не повинных; что они опустошили кишлаки вокруг Герата; что они насильники, чуждые сострадания сирот, богохульники, обкрадывающие мечети и ночлежные дома, и что сам султан тоже насильник, сын отца-насильника и внук деда – трижды насильника, и потому, предрёк дервиш, весь род Тимуров будет проклят во веки веков!

Баги джахан – сад вселенной

Кавалькада – группа всадников в процессии

Дивана – юродивый, одержимый, сумасшедший

Улугбек всё понял, но не захотел покарать дервиша… Он хотел бы забыть проклятия и пророчества дервиша, хотел бы, но не мог забыть.

Да, тот поход на Хорасан поистине злосчастен. И там ещё, что показал, как отпадают эмиры и вельможи, – они подбивали его совершить этот поход, а когда удача не дала себя поймать, отвернулись от султана, а кое-кто начал рыть ему яму. За спиной, разумеется. В глаза продолжали угодливо кланяться, поддакивать, льстить. Поход на Хорасан был неудачным… Но его пришлось предпринять. Дражайшая родительница Улугбека Гаухаршод-бегим строила такие козни, что всё государство покойного Шахруха готово было развалиться из-за распрей наследников, а подействовать на неукротимую и надменную Гаухаршод-бегим, эту гератскую затворницу, как лживо она себя называла, можно было только напугав её, а пугать могла лишь сила, войско, да чтоб побольше, пояростней да побезжалостней, чтобы войско напоминало Тимурово, вызывало трепет.

Улугбек закрыл глаза, совсем ушёл в воспоминания. Он силился пробудить в душе хотя бы тонкий лучик тёплого чувства к Гаухаршод-бегим. Но в воображении представала надменная женщина, и в старости красивая, с чёрным льдом глаз, с вечно подвижными пальцами, перебирающими чётки. Ханжа, она ходила в тёмно-синем траурном платье, накрыв голову тёмно-синим платком, – в память, мол, о султане Сахибкиране. Своими красивыми ручками она как хотела вертела Шахрухом… А после его кончины своенравная правительница забрала всю власть над дворцом, наводнила его жадными к золоту и недалёкими умом прихвостнями. Да и не только над дворцом! Герат стал гнездом раздоров… И стоило Улугбеку, до поры до времени остававшемуся в стороне, послать ей предупреждение, Гаухаршод-бегим обозвала его во всеуслышание распутником и начала подговаривать Абдул-Латифа поднять мятеж против родного отца.

Как развиваются политические интриги вокруг Улугбека?
Кто является его основными врагами?

Ну а что же Абдул-Латиф? Он жаждал получить престол. И нашёл пути к тому, чтобы обеспечить перевес сил для достижения этого замысла. Он вступил в тайный сговор со столпами веры, с теми, кто косо смотрел на Улугбека-учёного, на Улугбека-просветителя, и прежде всего с шейхом Низамиддином Хомушем из влиятельнейшего ордена «Накшбендия». Фанатичные невежды шейхи отнюдь не забывали себя и ревностно следовали принципу «сила в богатстве». Они скрежетали зубами, но, пока у султана Улугбека была мощь, терпели, выжидая. И вот теперь их час настал…

Шагирд Али Кушчи сегодня обвинил его в том, что заботы о престоле он ставит выше служения науке… Ну, пусть не обвинил, пусть упрекнул, мягко, извиняя и извиняясь, пусть намекнул, но на самом-то деле виноват ли он, Улугбек, в этом грехе?.. Неужели не зачтутся ему, правителю, заботы, которые он приложил, чтобы не только самому заниматься наукой, но чтобы за ним пошли и другие той же благородной дорогой, неужели не зачтутся щедрые расходы на сооружение каналов, бань, дорог и в первую очередь медресе? Может, он обманывает себя, считая, что отличается от других владык?.. Но ведь отличается, ведь и вправду готов он уйти от власти и рад был бы стать мударрисом в медресе… По-детски наивен Али Кушчи, если полагает, что, случись

такое, сыновья утихомирятся и дадут Улугбеку спокойно заниматься наукой, любимой наукой… Наблюдать планеты, вычислять их пути… А для этого смотри, смотри в оба за земными делами! Вот и выходит: чтоб освободиться от забот, которые несёт с собой власть, нужно позаботиться о том, чтобы власть твоя не шаталась… Да и кто ныне поверит в искренность желающего отказаться от власти?.. Если бы поверили!

Как ни мучительны, как ни безысходны были размышления Улугбека, силам человеческим поставлен предел: султан заснул. Уже засыпая, он подумал, что, выполни Абдул-Латиф одно единственное требование отца, он, отец, отрекся бы от престола в пользу сына. Но, когда ярко солнечным утром в Кок-сарае собрались военачальники, Улугбек даже сам себе не напомнил про это; в крепкой кольчуге, препоясавшись длинным мечом султана Шахруха, что умел подчинять себе непокорных, султан Улугбек сел на боевого коня. Не разум – сила пусть решает спор!

Влечение куда более могущественное, чем тихая радость науки, призывало его к битве за власть.

И Улугбек покорился этому влечению.

Перевод Ю. Суровцева

Для анализа произведения

«Сокровища Улугбека» – роман, посвящённый жизни и трагической судьбе великого ученого-мыслителя и правителя Мирзо Улугбека.

Автор показывает сложную политическую обстановку XV века, борьбу прогрессивных идей с религиозным фанатизмом. Создание Самаркандской обсерватории является научным прорывом той эпохи. Трагический финал судьбы учёного – предательство сына Абдул-Латифа.

Роман состоит из двух частей, включающих в общей сложности 40 глав: 15 – в первой и 25 – во второй. Основная идея произведения: подлинная сила – в знании, а не мече. Сквозная идея – утверждение ценности просвещения, несмотря на религиозный фанатизм; писатель хочет подчеркнуть, что прогресс, как историческое явление, неизбежен.

Центральная тема романа – противостояние науки и религиозного фанатизма.

Мирзо Улугбек в романе представлен как учёный, опередивший своё время – человек, преданный науке, который оказался в плену политических интриг.

Давайте обсудим

1. Как представлено историческое прошлое в романе Адыла Якубова «Сокровища Улугбека»?
2. Попробуйте создать словесные портреты Улугбека и его ученика Али Кушчи.
3. Какую роль играет Самаркандская обсерватория в судьбе Улугбека и общества того времени?
4. Какое значение имело предательство со стороны его старшего сына Абдул-Латифа? Можно ли было предотвратить этот конфликт?
5. Почему власть не смогла принять научные идеи Улугбека?

6. Можно ли сказать, что Улугбек опередил своё время? Как его идеи повлияли на последующие поколения?

7. Можно ли считать его победителем, несмотря на трагический финал?

Это интересно!

Али Кушчи, полное имя которого Алауддин Али ибн Мухаммад аль-Кушчи, – наш знаменитый соотечественник, математик и астроном, известный как Батлимус, родился и вырос в Самарканде. Али Кушчи получил прозвище Кушчи, потому что он был сыном охотника по имени Мухаммед, который был смотрителем птиц во дворце Улугбека, а также потому, что сам разводил фазанов. После смерти Мирзо Улугбека он некоторое время жил в Тебризе (Азербайджан). Позднее он продолжил свою академическую карьеру в качестве старшего преподавателя в медресе Айя-София в Турции. Современные турецкие историки признают, что до прибытия Али Кушчи в Стамбул «в научном сообществе не было такого уровня научных знаний». Он написал более 20 научных работ по математике, астрономии, литературе, музыке, философии, логике и другим областям науки.

Али Кушчи умер 17 декабря 1474 года.

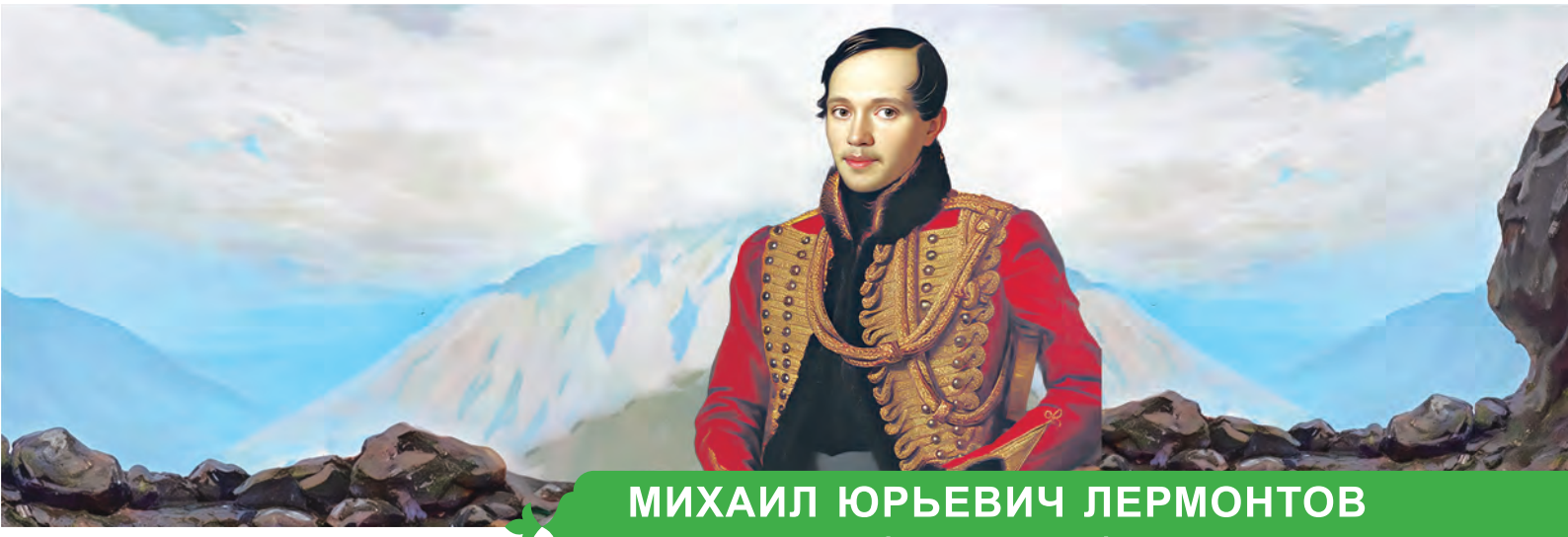
Из книги «Звёзды духовности»

Отрывок из рукописи Али Кушчи

Домашнее задание

Напишите эссе «Что действительно ценно – знания или власть?»

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ (1814–1841)

Знакомство с автором

Михаил Юрьевич Лермонтов – продолжатель и наследник пушкинских традиций в литературе, русский поэт, прозаик, драматург, в творчестве которого сочетались острые социальные темы, философские мотивы и личные переживания.

Подготовка к встрече с текстом

О романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

В романе **«Герой нашего времени»** реализуется важная авторская задача – рассказать историю жизни Печорина как представителя молодого поколения 30-х годов, представив в образе одного героя портрет пороков целого поколения. Жанр романа психологический, поэтому роман выстроен не по принципу хронологической последовательности, а в формате углубленного психологического анализа. Композиция, сюжет и система образов подчинены всестороннему раскрытию главного героя и той среды, которая воспитала его. Роман состоит из пяти повестей – «Бэла», «Максим Максимыч», «Тамань», «Княжна Мери» и «Фаталист».

1. Какие композиционные приёмы вам известны? Приведите примеры из прочитанных произведений.
2. Какой смысл вкладывает М. Ю. Лермонтов в название своего романа «Герой нашего времени»?

Давайте поговорим

1. Почему роман М. Ю. Лермонтова определяется как социально-психологический?

2. Вспомните образ Онегина, как «тип лишнего человека» в литературе.

3. Можно ли провести параллель между образами Чацкого (комедия «Горе от ума») и Онегина (роман в стихах «Евгений Онегин») как ярких представителей общества 30-х годов XIX века?

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Фрагменты

Предисловие

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так ещё молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце её не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана. Она ещё не знает, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная брань не может иметь места; что современная образованность изобрела орудие более острое, почти невидимое и тем не менее смертельное, которое, под одеждою лести, наносит неотразимый и верный удар. Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает своё правительство в пользу взаимной, нежнейшей дружбы.

Эта книга испытала на себе ещё недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых… Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь так уж сотворена, что всё в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрёка в покушении на оскорбление личности!

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурён, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических

злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нём больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, не по принципу хронологической последовательности, а в формате ознакомления чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как её излечить – это уж Бог знает!

Психологизм *– (от греч. psyche – душа и logos – понятие, слово)* – изображение психологических переживаний человека в художественном произведении, воссоздание внутренней жизни героя в её динамике. Психологизм может быть явным – непосредственное описание чувств, мыслей, желаний героя – и скрытым, раскрывающимся через детали поведения, жесты, особенности речи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

БЭЛА

Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Большая часть из них, к счастию для вас, потеряна, а чемодан с остальными вещами, к счастию для меня, остался цел.

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину. Осетин-извозчик неутомимо погонял лошадей, чтоб успеть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во всё горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зелёным плющом и увенчанные купами чинар, жёлтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безымённой речкой, шумно вырывающейся из чёрного, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуёю.

Подъехав к подошве Койшаурской горы, мы остановились возле духана[1]. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев; поблизости караван верблюдов остановился для ночлега. Я должен был нанять быков, чтоб втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, – а эта гора имеет около двух вёрст длины.

[1] духан – харчевня, трактир, мелочная лавка

Нечего делать, я нанял шесть быков и нескольких осетин. Один из них взвалил себе на плечи мой чемодан, другие стали помогать быкам почти одним криком.<…>

До станции оставалось ещё с версту. Кругом было тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить за его полётом. Налево чернело глубокое ущелье; за ним и впереди нас тёмно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледном небосклоне, ещё сохранявшем последний отблеск зари. На тёмном небе начинали мелькать звёзды, и странно, мне показалось, что оно гораздо выше, чем у нас на севере. По обеим сторонам дороги торчали голые, чёрные камни; кой-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился, и весело было слышать среди этого мёртвого сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякивание русского колокольчика.

– Хорошо вам радоваться, а мне так, право, грустно, как вспомню. Славная была девочка эта Бэла! Я к ней наконец так привык, как к дочери, и она меня любила. Надо вам сказать, что у меня нет семейства: об отце и матери я лет двенадцать уж не имею известия, а запастись женой не догадался раньше, – так теперь уж, знаете, и не к лицу; я и рад был, что нашёл кого баловать. Она, бывало, нам поёт песни иль пляшет лезгинку… А уж как плясала! видал я наших губернских барышень, я раз был-с и в Москве в Благородном собрании, лет двадцать тому назад, – только куда им! совсем не то!.. Григорий Александрович наряжал её, как куколку, холил и лелеял; и она у нас так похорошела, что чудо; с лица и с рук сошел загар, румянец разыгрался на щеках… Уж какая, бывало, весёлая, и всё надо мной, проказница, подшучивала… Бог ей прости!..

– А что, когда вы ей объявили о смерти отца?

– Мы долго от неё это скрывали, пока она не привыкла к своему положению; а когда сказали, так она дня два поплакала, а потом забыла.

Месяца четыре всё шло как нельзя лучше. Григорий Александрович, я уж, кажется, говорил, страстно любил охоту: бывало, так его в лес и подмывает за кабанами или козами, – а тут хоть бы вышел за крепостной вал. Вот, однако же, смотрю, он стал снова задумываться, ходит по комнате, загнув руки назад; потом раз, не сказав никому, отправился стрелять, – целое утро пропадал; раз и другой, все чаще и чаще… «Нехорошо, – подумал я, – верно, между ними чёрная кошка проскочила!»

Одно утро захожу к ним – как теперь перед глазами: Бэла сидела на кровати в черном шёлковом бешмете, бледненькая, такая печальная, что я испугался.

– А где Печорин? – спросил я.

– На охоте.

– Сегодня ушёл?

Она молчала, как будто ей трудно было выговорить.

– Нет, ещё вчера, – наконец сказала она, тяжело вздохнув.

– Уж не случилось ли с ним чего?

– Я вчера целый день думала, – отвечала она сквозь слёзы, – придумывала разные несчастия: то казалось мне, что его ранил дикий кабан, то чеченец утащил в горы… А нынче мне уж кажется, что он меня не любит.

– Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!

Она заплакала, потом с гордостью подняла голову, отерла слёзы и продолжала:

– Если он меня не любит, то кто ему мешает отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это так будет продолжаться, то я сама уйду: я не раба его – я княжеская дочь!..

Я стал её уговаривать.

– Послушай, Бэла, ведь нельзя же ему век сидеть здесь, как пришитому к твоей юбке: он человек молодой, любит погоняться за дичью, – походит, да и придёт; а если ты будешь грустить, то скорей ему наскучишь.

– Правда, правда! – отвечала она, – я буду весела. – И с хохотом схватила свой бубен, начала петь, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно; она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

Что было с нею мне делать? Я, знаете, никогда с женщинами не обращался; думал, думал, чем её утешить, и ничего не придумал; несколько времени мы оба молчали… Пренеприятное положение-с!

Наконец я ей сказал: «Хочешь, пойдём прогуляться на вал? погода славная!» Это было в сентябре; и точно, день был чудесный, светлый и не жаркий; все горы видны были как на блюдечке. Мы пошли, походили по крепостному валу взад и вперед, молча; наконец она села на дёрн, и я сел возле неё. Ну, право, вспомнить смешно: я бегал за нею, точно какая-нибудь нянька.

Крепость наша стояла на высоком месте, и вид был с вала прекрасный: с одной стороны широкая поляна, изрытая несколькими балками[2], оканчивалась лесом, который тянулся до самого хребта гор; кое-где на ней дымились аулы, ходили табуны; с другой – бежала мелкая речка, и к ней примыкал частый кустарник, покрывавший кремнистые возвышенности, которые соединялись с главной цепью Кавказа. Мы сидели на углу бастиона, так что в обе стороны могли видеть всё. Вот смотрю: из леса выезжает кто-то на серой лошади, всё ближе и ближе, и, наконец, остановился по ту сторону речки, саженях во ста от нас, и начал кружить лошадь свою как бешеный. Что за притча!..

– Посмотри-ка, Бэла, – сказал я, – у тебя глаза молодые, что это за джигит: кого это он приехал тешить?..

Она взглянула и вскрикнула:

– Это Казбич!..

– Ах он разбойник! смеяться, что ли, приехал над нами? – всматриваюсь, точно Казбич: его смуглая рожа, оборванный, грязный как всегда.

– Это лошадь отца моего, – сказала Бэла, схватив меня за руку; она дрожала, как лист, и глаза её сверкали. «Ага! – подумал я, – и в тебе, душенька, не молчит разбойничья кровь!» – Подойди-ка сюда, – сказал я часовому, – осмотри ружьё да ссади мне этого молодца – получишь рубль серебром.

– Слушаю, ваше высокоблагородие; только он не стоит на месте…

– Прикажи! – сказал я, смеясь…

– Эй, любезный! – закричал часовой, махая ему рукой. – Подожди маленько, что ты крутишься, как волчок?

Казбич остановился в самом деле и стал вслушиваться: верно, думал, что с ним

---

[2] овраги *(Прим. М. Ю. Лермонтова)*

заводят переговоры, – как не так!.. Мой гренадёр приложился… бац!.. мимо, – только что порох на полке вспыхнул; Казбич толкнул лошадь, и она дала скачок в сторону. Он привстал на стремёнах, крикнул что-то по-своему, пригрозил нагайкой – и был таков.

– Как тебе не стыдно! – сказал я часовому.

– Ваше высокоблагородие! умирать отправился, – отвечал он, – такой проклятый народ,сразу не убьёшь.

Четверть часа спустя Печорин вернулся с охоты; Бэла бросилась ему на шею, и ни одной жалобы, ни одного упрёка за долгое отсутствие… Даже я уж на него рассердился.

– Помилуйте, – говорил я, – ведь вот сейчас тут был за речкою Казбич, и мы по нём стреляли; ну, долго ли вам на него наткнуться? Эти горцы народ мстительный: вы думаете, что он не догадывается, что вы частию помогли Азамату? А я бьюсь об заклад, что нынче он узнал Бэлу. Я знаю, что год тому назад она ему больно нравилась – он мне сам говорил, – и если б надеялся собрать порядочный калым, то, верно, бы посватался…

Тут Печорин задумался. «Да, – отвечал он, – надо быть осторожнее… Бэла, с нынешнего дня ты не должна более ходить на крепостной вал».

Вечером я имел с ним длинное объяснение: мне было досадно, что он переменился к этой бедной девочке; кроме того, что он половину дня проводил на охоте, его обращение стало холодно, ласкал он её редко, и она заметно начинала сохнуть, личико её вытянулось, большие глаза потускнели. Бывало, спросишь: «О чём ты вздохнула, Бэла? ты печальна?» – «Нет!» – «Тебе чего-нибудь хочется?» – «Нет!» – «Ты тоскуешь по родным?» – «У меня нет родных». Случалось, по целым дням, кроме «да» да «нет», от неё ничего больше не добьёшься.

Вот об этом-то я и стал ему говорить. «Послушайте, Максим Максимыч, – отвечал он, – у меня несчастный характер: воспитание ли меня сделало таким, Бог ли так меня создал, не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастия других, то и сам не менее несчастлив; разумеется, это им плохое утешение – только дело в том, что это так. В первой моей молодости, с той минуты, когда я вышел из опеки родных, я стал насла-

ждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и разумеется, удовольствия эти мне опротивели. Потом пустился я в большой свет, и скоро общество мне также надоело; влюблялся в светских красавиц и был любим – но их любовь только раздражала моё воображение и самолюбие, а сердце осталось пусто… Я стал читать, учиться – науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько, потому что самые счастливые люди – невежды, а слава – удача, и чтоб добиться её, надо только быть ловким. Тогда мне стало скучно… Вскоре перевели меня на Кавказ: это самое счастливое время моей жизни. Я надеялся, что скука не живёт под чеченскими пулями; – напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращал больше внимание на комаров, – и мне стало скучнее прежнего, потому что я потерял почти последнюю надежду. Когда я увидел Бэлу в своём доме, я, глупец, подумал, что она ангел, посланный мне сострадательной судьбою… Я опять ошибся: любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни; невежество и простосердечие одной так же надоедают, как и кокетство другой. Если вы хотите, я её ещё люблю, я за неё отдам жизнь, – только мне с нею скучно… Глупец я или злодей, не знаю; но то верно, что я также очень достоин сожаления, может быть, больше, нежели она: во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное; мне всё мало: к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день ото дня; мне осталось одно средство: путешествовать. Как только будет можно, отправлюсь – только не в Европу, избави боже! – поеду в Америку, в Аравию, в Индию, – авось где-нибудь умру на дороге! По крайней мере я уверен, что это последнее утешение не скоро истощится, с помощью бурь и дурных дорог». Так он говорил долго, и его слова врезались у меня в памяти, потому что в первый раз я слышал такие вещи от двадцатипятилетнего человека, и, Бог даст, в последний… Что за диво! Скажите-ка, пожалуйста, – продолжал штабс-капитан, обращаясь ко мне, – вы вот, кажется, бывали в столице, и недавно: неужели тамошная молодежь вся такова? <…>

Мы ехали рядом, молча, распустив поводья, и были уж почти у самой крепости: только кустарник закрывал её от нас. Вдруг выстрел… Мы взглянули друг на друга: нас поразило одинаковое подозрение… Опрометью поскакали мы на выстрел – смотрим: на валу солдаты собрались в кучу и указывают в поле, а там летит стремглав всадник и держит что-то белое на седле. Григорий Александрович взвизгнул не хуже любого чеченца; ружьё из чехла – и туда; я за ним.

К счастью, по причине неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались изпод седла, и с каждым мгновением мы были все ближе и ближе… И наконец я узнал Казбича, только не мог разобрать, что такое он держал перед собою. Я тогда поравнялся с Печориным и кричу ему: «Это Казбич!..» Он посмотрел на меня, кивнул головою и ударил коня плетью.

Вот наконец мы были уж от него на ружейный выстрел; измучена ли была у Казбича лошадь или хуже наших, только, несмотря на все его старания, она не больно подавалась вперед. Я думаю, в эту минуту он вспомнил своего Карагёза…

Смотрю: Печорин на скаку приложился из ружья… «Не стреляйте! – кричу я ему, – берегите заряд; мы и так его догоним». Уж эта молодежь! вечно некстати горячится… Но выстрел раздался, и пуля перебила заднюю ногу лошади; она сгоряча сделала ещё

прыжков десять, споткнулась и упала на колени. Казбич соскочил, и тогда мы увидели, что он держал на руках своих женщину, окутанную чадрою… Это была Бэла… бедная Бэла! Он что-то нам закричал по-своему и занёс над нею кинжал… Медлить было нечего: я выстрелил, в свою очередь, наудачу; верно, пуля попала ему в плечо, потому что вдруг он опустил руку… Когда дым рассеялся, на земле лежала раненая лошадь и возле неё Бэла; а Казбич, бросив ружье, по кустарникам, точно кошка, карабкался на утёс; хотелось мне его снять оттуда – да не было заряда готового! Мы соскочили с лошадей и кинулись к Бэле. Бедняжка, она лежала неподвижно, и кровь лилась из раны ручьями… Такой злодей; хоть бы в сердце ударил – ну, так уж и быть, одним разом всё бы кончил, а то в спину… самый разбойничий удар! Она была без памяти. Мы изорвали чадру и перевязали рану как можно туже; напрасно Печорин целовал её холодные губы – ничто не могло привести её в себя.

Печорин сел верхом; я поднял её с земли и кое-как посадил к нему на седло; он обхватил её рукой, и мы поехали назад. После нескольких минут молчания Григорий Александрович сказал мне: «Послушайте, Максим Максимыч, мы этак её не довезем живую». – «Правда!», – сказал я, и мы пустили лошадей во весь дух. Нас у ворот крепости ожидала толпа народа; осторожно перенесли мы раненую к Печорину и послали за лекарем. Он был хотя пьян, но пришел: осмотрел рану и объявил, что она больше дня жить не может; только он ошибся…

– Выздоровела? – спросил я у штабс-капитана, схватив его за руку и невольно обрадовавшись.

– Нет, – отвечал он, – а ошибся лекарь тем, что она ещё два дня прожила.

– Да объясните мне, каким образом её похитил Казбич?

А вот так: несмотря на запрещение Печорина, она вышла из крепости к речке. Было, знаете, очень жарко; она села на камень и опустила ноги в воду. Вот Казбич подкрался – цап-царап её, зажал рот и потащил в кусты, а там вскочил на коня, да и тягу! Она между тем успела закричать; часовые всполошились, выстрелили, да мимо, а мы тут и подоспели.

– Да зачем Казбич её хотел увезти?

– Помилуйте, да эти черкесы – известный воровской народ: что плохо лежит, не могут не стянуть; другое и не нужно, а все украдёт… уж в этом прошу их извинить! Да притом она ему давно-таки нравилась.

– И Бэла умерла?

– Умерла; только долго мучилась, и мы уж с нею измучились порядком. Около десяти часов вечера она пришла в себя; мы сидели у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. «Я здесь, подле тебя, моя джанечка (то есть, по-нашему, душенька)», – отвечал он, взяв её за руку. «Я умру!» – сказала она. Мы начали её утешать, говорили, что лекарь обещал её вылечить непременно; она покачала головкой и отвернулась к стене: ей не хотелось умирать!..

Ночью она начала бредить; голова её горела, по всему телу иногда пробегала дрожь лихорадки; она говорила несвязные речи об отце, брате: ей хотелось в горы, домой… Потом она также говорила о Печорине, давала ему разные нежные названия или упрекала его в том, что он разлюбил свою джанечку…

Он слушал её молча, опустив голову на руки; но только я во всё время не заметил ни одной слезы на ресницах его: в самом ли деле он не мог плакать, или владел собою – не знаю; что до меня, то я ничего жальче этого не видывал.

К утру бред прошёл; с час она лежала неподвижная, бледная и в такой слабости, что едва можно было заметить, что она дышит; потом ей стало лучше, и она начала говорить, только как вы думаете, о чём?.. Этакая мысль придёт ведь только умирающему!.. Начала печалиться о том, что она не христианка, и что на том свете душа её никогда не встретится с душою Григория Александровича, и что иная женщина будет в раю его подругой. Мне пришло на мысль окрестить её перед смертию; я ей это предложил; она посмотрела на меня в нерешимости и долго не могла слова вымолвить; наконец отвечала, что она умрёт в той вере, в какой родилась. Так прошёл целый день. Как она переменилась в этот день! бледные щёки впали, глаза сделались большие, губы горели. Она чувствовала внутренний жар, как будто в груди у ней лежало раскалённое железо.

Настала другая ночь; мы не смыкали глаз, не отходили от её постели. Она ужасно мучилась, стонала, и только что боль начинала утихать, она старалась уверить Григорья Александровича, что ей лучше, уговаривала его идти спать, целовала его руку, не выпускала её из своих. Перед утром стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбила перевязку, и кровь потекла снова. Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась и начала просить Печорина, чтоб он её поцеловал. Он стал на колени возле кровати, приподнял её голову с подушки и прижал свои губы к её холодеющим губам; она крепко обвила его шею дрожащими руками, будто в этом поцелуе хотела передать ему свою душу… Нет, она хорошо сделала, что умерла: ну, что бы с ней сталось, если б Григорий Александрович её покинул? А это бы случилось, рано или поздно…

Половину следующего дня она была тиха, молчалива и послушна, как ни мучил её наш лекарь припарками и микстурой. «Помилуйте, – говорил я ему, – ведь вы сами сказали, что она умрёт непременно, так зачем тут все ваши препараты?» – «Всё-таки лучше, Максим Максимыч, – отвечал он, – чтоб совесть была покойна». Хороша совесть!

После полудня она начала томиться жаждой. Мы отворили окна – но на дворе было жарче, чем в комнате; поставили льду около кровати – ничего не помогало. Я знал, что эта невыносимая жажда – признак приближения конца, и сказал это Печорину. «Воды, воды!..» – говорила она хриплым голосом, приподнявшись с постели.

Он сделался бледен как полотно, схватил стакан, налил и подал ей. Я закрыл глаза руками и стал читать молитву, не помню какую… Да, батюшка, видал я много, как люди умирают в гошпиталях и на поле сражения, только это всё не то, совсем не то!.. Ещё, признаться, меня вот что печалит: она перед смертью ни разу не вспомнила обо мне; а кажется, я её любил как отец… ну, да Бог её простит!.. И вправду молвить: что ж я такое, чтоб обо мне вспоминать перед смертью?

Только что она испила воды, как ей стало легче, а минуты через три она скончалась. Приложили зеркало к губам – гладко!.. Я вывел Печорина вон из комнаты, и мы пошли на крепостной вал; долго мы ходили взад и вперёд рядом, не говоря ни слова, загнув руки на спину; его лицо ничего не выражало особенного, и мне стало досадно: я бы на его месте умер с горя. Наконец он сел на землю, в тени, и начал что-то чертить палочкой на песке. Я, знаете, больше для приличия, хотел утешить его, начал говорить; он поднял голову и за-

смеялся… У меня мороз пробежал по коже от этого смеха… Я пошёл заказывать гроб.

Признаться, я частию для развлечения занялся этим. У меня был кусок термаламы, я обил ею гроб и украсил его черкесскими серебряными галунами, которых Григорий Александрович накупил для неё же.

На другой день рано утром мы её похоронили за крепостью, у речки, возле того места, где она в последний раз сидела; кругом её могилки теперь разрослись кусты белой акации и бузины. Я хотел было поставить крест, да, знаете, неловко: все-таки она была не христианка…

– А что Печорин? – спросил я.

– Печорин был долго нездоров, исхудал, бедняжка; только никогда с этих пор мы не говорили о Бэле: я видел, что ему будет неприятно, так зачем же? Месяца три спустя его назначили в е….й полк, и он уехал в Грузию. Мы с тех пор не встречались, да, помнится, кто-то недавно мне говорил, что он возвратился в Россию, но в приказах по корпусу не было. Впрочем, до нашего брата вести поздно доходят.

Тут он пустился в длинную диссертацию о том, как неприятно узнавать новости годом позже – вероятно, для того, чтоб заглушить печальные воспоминания.

Я не перебивал его и не слушал.

Через час явилась возможность ехать; метель утихла, небо прояснилось, и мы отправились. Дорогой невольно я опять завёл речь о Бэле и о Печорине.

– А не слыхали ли вы, что сделалось с Казбичем? – спросил я.

– С Казбичем? А, право, не знаю… Слышал я, что на правом фланге у шапсугов есть какой-то Казбич, удалец, который в красном бешмете разъезжает шажком под нашими выстрелами и превежливо раскланивается, когда пуля прожужжит близко; да вряд ли это тот самый!..

В Коби мы расстались с Максимом Максимычем; я поехал на почтовых, а он, по причине тяжёлой поклажи, не мог за мной следовать. Мы не надеялись никогда более встретиться, однако встретились, и, если хотите, я расскажу: это целая история… Сознайтесь, однако ж, что Максим Максимыч человек, достойный уважения?.. Если вы сознаётесь в этом, то я вполне буду вознаграждён за свой, может быть, слишком длинный рассказ.

Давайте обсудим

1. Где происходит действие?
2. От чьего имени ведётся повествование?
3. Расскажите о Максим Максимыче, определите основные черты характера героя.
4. Что случилось после того как Бэла полюбила Печорина?
5. Как погибла Бэла?
6. Как вёл себя Печорин у постели страдающей Бэлы? Как повёл себя после её смерти?

Домашнее задание

Заполните таблицу и дайте характеристику персонажам.

Печорин	Максим Максимыч	Бэла	Казбич	Азамат
*	*	*	*	*

Задание

Прочитайте повесть «Максим Максимыч».

II
МАКСИМ МАКСИМЫЧ

Расставшись с Максимом Максимычем, я живо проскакал Терекское и Дарьяльское ущелья, завтракал в Казбеке, чай пил в Ларсе, а к ужину поспел в Владыкавказ. Избавлю вас от описания гор, от возгласов, которые ничего не выражают, от картин, которые ничего не изображают, особенно для тех, которые там не были, и от статистических замечаний, которые решительно никто читать не станет.

Я остановился в гостинице, где останавливаются все проезжие и где между тем некому велеть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которым она поручена, так глупы или так пьяны, что от них никакого толка нельзя добиться.

Мне объявили, что я должен прожить тут ещё три дни, ибо «оказия» из Екатериноградa ещё не пришла и, следовательно, отправиться обратно не может. Что за оказия!.. но дурной каламбур не утешение для русского человека, и я, для развлечения, вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле, не воображая, что он будет первым звеном длинной цепи повестей; видите, как иногда маловажный случай имеет жестокие последствия!.. А вы, может быть, не знаете, что такое «оказия»? Это – прикрытие, состоящее из полроты пехоты и пушки, с которыми ходят обозы через Кабарду из Владыкавказа в Екатериноград.

Первый день я провёл очень скучно; на другой рано утром въезжает на двор повозка… А! Максим Максимыч!.. Мы встретились как старые приятели. Я предложил ему свою комнату. Он не церемонился, даже ударил меня по плечу и скривил рот на манер улыбки. Такой чудак!.. <…>

Мы вышли в коридор. В конце коридора была отворена дверь в боковую комнату. Лакей с извозчиком перетаскивали в неё чемоданы.

– Послушай, братец, – спросил у него штабс-капитан, – чья эта чудесная коляска?.. а?..Прекрасная коляска!..

Лакей, не оборачиваясь, бормотал что-то про себя, развязывая чемодан. Максим Максимыч рассердился; он тронул неучтивца по плечу и сказал: – Я тебе говорю, любезный…

– Чья коляска?… моего господина…

– А кто твой господин?

– Печорин…

– Что ты? что ты? Печорин?.. Ах, Боже мой!.. да не служил ли он на Кавказе?.. – воскликнул Максим Максимыч, дёрнув меня за рукав. У него в глазах сверкала радость.

– Служил, кажется, – да я у них недавно.

– Ну так!.. так!.. Григорий Александрович?.. Так ведь его зовут?.. Мы с твоим барином были приятели, – прибавил он, ударив дружески по плечу лакея, так что заставил его пошатнуться…

– Позвольте, сударь; вы мне мешаете, – сказал тот, нахмурившись.

– Экой ты, братец!.. Да знаешь ли? мы с твоим барином были друзья закадычные, жили вместе… Да где же он сам остался?..

Слуга объявил, что Печорин остался ужинать и ночевать у полковника Н…

– Да не зайдёт ли он вечером сюда? – сказал Максим Максимыч, – или ты, любезный, не пойдёшь ли к нему за чем-нибудь?.. Коли пойдёшь, так скажи, что здесь Максим Максимыч; так и скажи… уж он знает… Я тебе дам восьмигривенный на водку…

Лакей сделал презрительную мину, слыша такое скромное обещание, однако уверил Максима Максимыча, что он исполнит его поручение.

– Ведь сейчас прибежит!.. – сказал мне Максим Максимыч с торжествующим видом, – пойду за ворота его дожидаться… Эх! жалко, что я не знаком с Н… <…>

Утро было свежее, но прекрасное. Золотые облака громоздились на горах, как новый ряд воздушных гор; перед воротами расстилалась широкая площадь; за нею базар кипел народом, потому что было воскресенье; босые мальчики-осетины, неся за плечами котомки с сотовым мёдом, вертелись вокруг меня; я их прогнал: мне было не до них, я начинал разделять беспокойство доброго штабс-капитана.

Не прошло десяти минут, как на конце площади показался тот, которого мы ожидали. Он шёл с полковником Н…. который, доведя его до гостиницы, простился с ним и поворотил в крепость. Я тотчас же послал инвалида за Максимом Максимычем.

Навстречу Печорина вышел его лакей и доложил, что сейчас станут закладывать, подал ему ящик с сигарами и, получив несколько приказаний, отправился хлопотать. Его господин, закурив сигару, зевнул раза два и сел на скамью по другую сторону ворот. Теперь я должен нарисовать его портрет.

Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побеждённое ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучок его, застёгнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое бельё, изобличавшее привычки порядочного человека; его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке, и когда он снял одну перчатку, то я был удивлён худобой его бледных пальцев. Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками – верный признак некоторой скрытности характера. Впрочем, это мои собственные замечания, основанные на моих же наблюдениях, и я вовсе не хочу вас заставить веровать в них слепо. Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки; положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость; он сидел, как сидит Бальзакова тридцатилетняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трёх лет, хотя после я готов был дать ему тридцать. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором, только при долгом наблюдении, можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства. Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были чёрные – признак породы в человеке, так, как чёрная грива и чёрный хвост у белой лошади. Чтоб докончить портрет, я скажу, что у него был немного вздёрнутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; о глазах я должен сказать ещё несколько слов.

Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся! Вам не случалось замечать такой странности у некоторых людей?.. Это признак – или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его – непродолжительный, но проницательный и тяжёлый, оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно спокоен. Все эти замечания пришли мне на ум, может быть, только потому, что я знал некоторые подробности его жизни, и, может быть, на другого вид его произвёл бы совершенно различное впечатление; но так как вы о нём не услышите ни от кого, кроме меня, то поневоле должны довольствоваться этим изображением. Скажу в заключение, что он был вообще очень недурён и имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам светским.

Лошади были уже заложены; колокольчик по временам звенел под дугою, и лакей уже два раза подходил к Печорину с докладом, что всё готово, а Максим Максимыч ещё не являлся. К счастию, Печорин был погружён в задумчивость, глядя на синие зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился в дорогу. Я подошёл к нему.

– Если вы захотите ещё немного подождать, – сказал я, – то будете иметь удовольствие увидаться с старым приятелем…

– Ах, точно, – быстро отвечал он, – мне вчера говорили: но где же он? – Я обернулся к площади и увидел Максима Максимыча, бегущего что было мочи… Через несколько минут он был уже возле нас; он едва мог дышать; пот градом катился с лица его; мокрые клочки седых волос, вырвавшись из-под шапки, приклеились ко лбу его; колени его дрожали… он хотел кинуться на шею Печорину, но тот довольно холодно, хотя с приветливой улыбкой, протянул ему руку. Штабс-капитан на минуту остолбенел, но потом жадно схватил его руку обеими руками: он ещё не мог говорить.

– Как я рад, дорогой Максим Максимыч. Ну, как вы поживаете? – сказал Печорин.

– А… ты?.. а вы? – пробормотал со слезами на глазах старик… – сколько лет… сколько дней… да куда это?..

– Еду в Персию – и дальше…

– Неужто сейчас?.. Да подождите, дражайший!.. Неужто сейчас расстанемся?.. Столько времени не видались…

– Мне пора, Максим Максимыч, – был ответ.

– Боже мой, Боже мой! да куда это так спешите?.. Мне столько бы хотелось вам сказать…столько расспросить… Ну что? в отставке?.. как?.. что поделывали?..

– Скучал! – отвечал Печорин, улыбаясь…

– А помните наше житье-бытье в крепости? Славная страна для охоты!.. Ведь вы были страстный охотник стрелять… А Бэла?..

Печорин чуть-чуть побледнел и отвернулся…

– Да, помню! – сказал он, почти тотчас принуждённо зевнув…Максим Максимыч стал его упрашивать остаться с ним ещё часа два.

– Мы славно пообедаем, – говорил он, – у меня есть два фазана; а кахетинское здесь прекрасное… разумеется, не то, что в Грузии, однако лучшего сорта… Мы поговорим… вы мне расскажете про своё житьё в Петербурге… А?

– Право, мне нечего рассказывать, дорогой Максим Максимыч… Однако прощайте, мне пора… я спешу… Благодарю, что не забыли… – прибавил он, взяв его за руку.

Старик нахмурил брови… он был печален и сердит, хотя старался скрыть это.

– Забыть! – проворчал он, – я-то не забыл ничего… Ну, да Бог с вами!.. Не так я думал-с вами встретиться…

– Ну полно, полно! – сказал Печорин, обняв его дружески, – неужели я не тот же?.. Что делать?.. всякому своя дорога… Удастся ли ещё встретиться, – Бог знает!.. – Говоря это, он уже сидел в коляске, и ямщик уже начал подбирать вожжи.

– Постой, постой! – закричал вдруг Максим Максимыч, ухватясь за дверцы коляски, – совсем было забыл… У меня остались ваши бумаги, Григорий Александрович… я их таскаю с собой… думал найти вас в Грузии, а вот где Бог дал свидеться… Что мне с ними делать?..

– Что хотите! – отвечал Печорин. – Прощайте…

– Так вы в Персию?.. а когда вернётесь?.. – кричал вслед Максим Максимыч…

Коляска была уж далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: вряд ли! да и зачем?..

Давно уж не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колёс по кремнистой дороге, – а бедный старик ещё стоял на том же месте в глубокой задумчивости.<…>

Мы простились довольно сухо. Добрый Максим Максимыч сделался упрямым, сварливым штабс-капитаном! И отчего? Оттого, что Печорин в рассеянности или от другой причины протянул ему руку, когда тот хотел кинуться ему на шею! Грустно видеть, когда юноша теряет лучшие свои надежды и мечты, когда пред ним отдёргивается розовый флёр, сквозь который он смотрел на дела и чувства человеческие, хотя есть надежда, что он заменит старые заблуждения новыми, не менее проходящими, но зато не менее сладкими… Но чем их заменить в лета Максима Максимыча? Поневоле сердце очерствеет и душа закроется… Я уехал один.

Давайте обсудим

1. Найдите описание внешности Печорина. Докажите, что это психологический портрет.

2. Найдите в тексте детали, характеризующие психологическое состояние Максима Максимыча, ожидающего Печорина.

3. Прочитайте эпизод встречи Печорина с Максимом Максимычем: со слов «Я обернулся к площади и увидел Максима Максимыча, бегущего что было мочи» до слов «глаза его поминутно наполнялись слезами». Какими средствами рисует автор психологическое состояние Печорина и Максима Максимыча? Попытайтесь прокомментировать подтекст их диалога.

4. Почему Печорин не стремился увидеться с Максимом Максимычем? Какова авторская оценка их поведения?

5. Какое впечатление производит Печорин на читателя? Какие черты его характера кажутся вам отрицательными? Какие детали текста 1-й и 2-й глав подчёркивают его положительные качества?

Вывод: Печорин показан в главах «Бэла» и «Максим Максимыч» противоречивой личностью, человеком, не умеющим сострадать, привыкшим исполнять только свои желания. Душевная чёрствость, равнодушие, неумение дорожить дружбой и любовью делают этот образ малопривлекательным.

Согласны ли вы с предложенным выводом? Выскажите собственную точку зрения. Ответ аргументируйте.

Домашнее задание

Письменно составьте психологический портрет Печорина.

ЖУРНАЛ ПЕЧОРИНА
ПРЕДИСЛОВИЕ

Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер. Это известие меня очень обрадовало: оно давало мне право печатать эти записки, и я воспользовался случаем поставить своё имя над чужим произведением. Дай Бог, чтоб читатели меня не наказали за такой невинный подлог!

Теперь я должен несколько объяснить причины, побудившие меня предать публике сердечные тайны человека, которого я никогда не знал. Добро бы я был ещё его другом: коварная нескромность истинного друга понятна каждому; но я видел его только раз в моей жизни на большой дороге; следовательно, не могу питать к нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь под личиною дружбы, ожидает только смерти или несчастия любимого предмета, чтоб разразиться над его головою градом упрёков, советов, насмешек и сожалений.

Перечитывая эти записки, я убедился в искренности того, кто так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки. История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление. Исповедь Руссо имеет уже недостаток, что он читал её своим друзьям.

Итак, одно желание пользы заставило меня напечатать отрывки из журнала, доставшегося мне случайно. Хотя я переменил все собственные имена, но те, о которых в нём говорится, вероятно себя узнают, и, может быть, они найдут оправдания поступкам, в которых до сей поры обвиняли человека, уже не имеющего отныне ничего общего с здешним миром: мы почти всегда извиняем то, что понимаем.

Я поместил в этой книге только то, что относилось к пребыванию Печорина на Кавказе; в моих руках осталась ещё толстая тетрадь, где он рассказывает всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам.

Может быть, некоторые читатели захотят узнать моё мнение о характере Печорина? – Мой ответ – заглавие этой книги. «Да это злая ирония!» – скажут они. – Не знаю.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
(Окончание журнала Печорина)
II
КНЯЖНА МЕРИ

11-го мая.

Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до моей кровли. Нынче в пять часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике. Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками. Вид с трёх сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту синеет, как «последняя туча рассеянной бури»; на север подымается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть

небосклона; на восток смотреть веселее: внизу передо мною пестреет чистенький, новенький городок, шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, – а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльбрусом… Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо синё – чего бы, кажется, больше? – зачем тут страсти, желания, сожаления?.. Однако пора. Пойду к Елисаветинскому источнику: там, говорят, утром собирается все водяное общество.<…>

Я остановился, запыхавшись, на краю горы и, прислонясь к углу домика, стал рассматривать окрестность, как вдруг слышу за собой знакомый голос:

– Печорин! давно ли здесь?

Оборачиваюсь: Грушницкий! Мы обнялись. Я познакомился с ним в действующем отряде. Он был ранен пулей в ногу и поехал на воды с неделю прежде меня.

Грушницкий – юнкер. Он только год в службе, носит, по особенному роду франтовства, толстую солдатскую шинель. У него георгиевский солдатский крестик. Он хорошо сложен, смугл и черноволос; ему на вид можно дать двадцать пять лет, хотя ему едва ли двадцать один год. Он закидывает голову назад, когда говорит, и поминутно крутит усы левой рукой, ибо правою опирается на костыль. Говорит он скоро и вычурно: он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производить эффект – их наслаждение; они нравятся романтическим провинциалкам до безумия. Под старость они делаются либо мирными помещиками, либо пьяницами, – иногда тем и другим. В их душе часто много добрых свойств, но ни на грош поэзии. Грушницкого страсть была декламировать: он закидывал вас словами, как скоро разговор выходил из круга обыкновенных понятий; спорить с ним я никогда не мог. Он не отвечает на ваши возражения, он вас не слушает. Только что вы остановитесь, он начинает длинную тираду, по-видимому имеющую какую-то связь с тем, что вы сказали, но которая в самом деле есть только продолжение его собственной речи.

Он довольно остёр: эпиграммы его часто забавны, но никогда не бывают метки и злы: он никого не убьёт одним словом; он не знает людей и их слабых струн, потому что занимался целую жизнь одним собою. Его цель – сделаться героем романа. Он так часто старался уверить других в том, что он существо, не созданное для мира, обречённое каким-то тайным страданиям, что он сам почти в этом уверился. Оттого-то он так гордо носит свою толстую солдатскую шинель. Я его понял, и он за это меня не любит, хотя мы наружно в самых дружеских отношениях. Грушницкий слывет отличным храбрецом; я его видел в деле: он махает шашкой, кричит и бросается вперёд, зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость!..

Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнёмся на узкой дороге, и одному из нас несдобровать.

Приезд его на Кавказ – также следствие его романтического фанатизма: я уверен, что накануне отъезда из отцовской деревни он говорил с мрачным видом какой-нибудь хорошенькой соседке, что он едет не так, просто, служить, но что ищет смерти, пото-

му что… тут, он, верно, закрыл глаза рукою и продолжал так: «Нет, вы (или ты) этого не должны знать! Ваша чистая душа содрогнётся! Да и к чему? Что я для вас! Поймёте ли вы меня?..» – и так далее.

В эту минуту прошли к колодцу мимо нас две дамы: одна пожилая, другая молоденькая, стройная. Их лиц за шляпками я не разглядел, но они одеты были по строгим правилам лучшего вкуса: ничего лишнего. На второй было закрытое платье *gris de perles*[3], легкая шелковая косынка вилась вокруг её гибкой шеи. Ботинки *couleur puce*[4] стягивали у щиколотки её сухощавую ножку так мило, что даже не посвящённый в таинства красоты непременно бы ахнул, хотя от удивления. Её легкая, но благородная походка имела в себе что-то девственное, ускользающее от определения, но понятное взору. Когда она прошла мимо нас, от неё повеяло тем неизъяснимым ароматом, которым дышит иногда записка милой женщины.

– Вот княгиня Лиговская, – сказал Грушницкий, – и с нею дочь её Мери, как она её называет на английский манер. Они здесь только три дня.

– Однако ты уж знаешь её имя?

– Да, я случайно слышал, – отвечал он, покраснев, – признаюсь, я не желаю с ними познакомиться. Эта гордая знать смотрит на нас, армейцев, как на диких. И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью?

– Бедная шинель! – сказал я, усмехаясь, – а кто этот господин, который к ним подходит и так услужливо подаёт им стакан?

– О! это московский франт Раевич! Он игрок: это видно тотчас по золотой огромной цепи, которая извивается по его голубому жилету. А что за толстая трость – точно у Робинзона Крузоэ! Да и борода кстати, и прическа a la moujik[5]. – Ты озлоблен против всего рода человеческого.

– И есть за что…

13-го мая.

Нынче поутру зашел ко мне доктор; его имя Вернер, но он русский. Что тут удивительного? Я знал одного Иванова, который был немец.

Вернер человек замечательный по многим причинам. Он скептик и матерьялист, как все почти медики, а вместе с этим поэт, и не на шутку, – поэт на деле всегда и часто на словах, хотя в жизнь свою не написал двух стихов. Он изучал все живые струны сердца человеческого, как изучают жилы трупа, но никогда не умел он воспользоваться своим знанием; так иногда отличный анатомик не умеет вылечить от лихорадки! Обыкновенно Вернер исподтишка насмехался над своими больными; но я раз видел, как он плакал над умирающим солдатом… Он был беден, мечтал о миллионах, а для денег не сделал бы лишнего шага: он мне раз говорил, что скорее сделает одолжение врагу, чем другу, потому что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда как ненависть только усилится соразмерно великодушию противника. У него был злой язык: под вывескою его эпиграммы не один добряк прослыл пошлым дураком; его

---

[3] серо-жемчужного цвета *(фран.)*

[4] красновато-бурого цвета *(фран.)*

[5] по-мужицки *(фран.)*

соперники, завистливые водяные медики, распустили слух, будто он рисует карикатуры на своих больных, – больные взбеленились, почти все ему отказали. Его приятели, то есть все истинно порядочные люди, служившие на Кавказе, напрасно старались восстановить его упадший кредит.

<…> Я лежал на диване, устремив глаза в потолок и заложив руки под затылок, когда Вернер взошёл в мою комнату. Он сел в кресла, поставил трость в угол, зевнул и объявил, что на дворе становится жарко. Я отвечал, что меня беспокоят мухи, – и мы оба замолчали. <…>

16-го мая.

В продолжение двух дней мои дела ужасно подвинулись. Княжна меня решительно ненавидит; мне уже пересказали две-три эпиграммы на мой счет, довольно колкие, но вместе очень лестные. Ей ужасно странно, что я, который привык к хорошему обществу, который так короток с её петербургскими кузинами и тётушками, не стараюсь познакомиться с нею. Мы встречаемся каждый день у колодца, на бульваре; я употребляю все свои силы на то, чтоб отвлекать её обожателей, блестящих адъютантов, бледных москвичей и других, – и мне почти всегда удается. Я всегда ненавидел гостей у себя: теперь у меня каждый день полон дом, обедают, ужинают, играют, – и, увы, моё шампанское торжествует над силою магнетических её глазок!

Вчера я её встретил в магазине Челахова; она торговала чудесный персидский ковёр. Княжна упрашивала свою маменьку не скупиться: этот ковёр так украсил бы её кабинет!.. Я дал сорок рублей лишних и перекупил его; за это я был вознагражден взглядом, где блистало самое восхитительное бешенство. Около обеда я велел нарочно провести мимо её окон мою черкесскую лошадь, покрытую этим ковром. Вернер был у них в это время и говорил мне, что эффект этой сцены был самый драматический. Княжна хочет проповедовать против меня ополчение; я даже заметил, что уж два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако всякий день у меня обедают.

Грушницкий принял таинственный вид: ходит, закинув руки за спину, и никого не узнает; нога его вдруг выздоровела: он едва хромает. Он нашел случай вступить в разговор с княгиней и сказал какой-то комплимент княжне: она, видно, не очень разборчива, ибо с тех пор отвечает на его поклон самой милой улыбкою.

– Ты решительно не хочешь познакомиться с Лиговскими? – сказал он мне вчера.

– Решительно.

– Помилуй! самый приятный дом на водах! Всё здешнее лучшее общество…

– Мой друг, мне и не здешнее ужасно надоело. А ты у них бываешь?

– Нет ещё; я говорил раза два с княжной, не более, но знаешь, как-то напрашиваться в дом неловко, хотя здесь это и водится… Другое дело, если бы я носил эполеты…

– Помилуй! да этак ты гораздо интереснее! Ты просто не умеешь пользоваться своим выгодным положением… да солдатская шинель в глазах всякой чувствительной барышни тебя делает героем и страдальцем.

Грушницкий самодовольно улыбнулся.

– Какой вздор! – сказал он.

– Я уверен, – продолжал я, – что княжна в тебя уж влюблена.

Он покраснел до ушей и надулся.

О самолюбие! ты рычаг, которым Архимед хотел приподнять земной шар!..

– У тебя все шутки! – сказал он, показывая, будто сердится, – во-первых, она меня ещё так мало знает…

– Женщины любят только тех, которых не знают.

– Да я вовсе не имею претензии ей нравиться: я просто хочу познакомиться с приятным домом, и было бы очень смешно, если б я имел какие-нибудь надежды… Вот вы, например, другое дело! – вы, победители петербургские: только посмотрите, так женщины тают… А знаешь ли, Печорин, что княжна о тебе говорила?

– Как? она тебе уж говорила обо мне?..

– Не радуйся, однако. Я как-то вступил с нею в разговор у колодца, случайно; третье слово её было: «Кто этот господин, у которого такой неприятный тяжёлый взгляд? он был с вами, тогда…» Она покраснела и не хотела назвать дня, вспомнив свою милую выходку. «Вам не нужно сказывать дня, – отвечал я ей, – он вечно будет мне памятен…» Мой друг, Печорин! я тебя не поздравляю; ты у неё на дурном замечании… А, право, жаль! потому что Мери очень мила!..

Надобно заметить, что Грушницкий из тех людей, которые, говоря о женщине, с которой они едва знакомы, называют её моя Мери, моя Sophie, если она имела счастие им понравиться. Я принял серьёзный вид и отвечал ему:

– Да, она недурна… только берегись, Грушницкий! Русские барышни большею частью питаются только платоническою любовью, не примешивая к ней мысли о замужестве; а платоническая любовь самая беспокойная. Княжна, кажется, из тех женщин, которые хотят, чтоб их забавляли; если две минуты сряду ей будет возле тебя скучно, ты погиб невозвратно: твое молчание должно возбуждать её любопытство, твой разговор – никогда не удовлетворять его вполне; ты должен её тревожить ежеминутно; она десять раз публично для тебя пренебрежёт мнением и назовёт это жертвой и, чтоб вознаградить себя за это, станет тебя мучить, а потом просто скажет, что она тебя терпеть не может. Если ты над нею не приобретёшь власти, то даже её первый поцелуй не даст тебе права на второй; она с тобой накокетничается вдоволь, а года через два выйдет замуж за урода, из покорности к маменьке, и станет себя уверять, что она несчастна, что она одного только человека и любила, то есть тебя, но что небо не хотело соединить её с ним, потому что на нём была солдатская шинель, хотя под этой толстой серой шинелью билось сердце страстное и благородное…

Грушницкий ударил по столу кулаком и стал ходить взад и вперёд по комнате.

Я внутренно хохотал и даже раза два улыбнулся, но он, к счастию, этого не заметил. Явно, что он влюблён, потому что стал ещё доверчивее прежнего; у него даже появилось серебряное кольцо с чернью, здешней работы: оно мне показалось подозрительным… Я стал его рассматривать, и что же?.. мелкими буквами имя Мери было вырезано на внутренней стороне, и рядом – число того дня, когда она подняла знаменитый стакан. Я утаил своё открытие; я не хочу вынуждать у него признаний, я хочу, чтобы он сам выбрал меня в свои поверенные, – и тут-то я буду наслаждаться…

Сегодня я встал поздно; прихожу к колодцу – никого уже нет. Становилось жарко; белые мохнатые тучки быстро бежали от снеговых гор, обещая грозу; голова Машука дымилась, как загашенный факел; кругом него вились и ползали, как змеи, серые клочки облаков, задержанные в своём стремлении и будто зацепившиеся за колючий его кустарник. Воздух был напоен электричеством. Я углубился в виноградную аллею, ведущую в грот; мне было грустно. Я думал о той молодой женщине с родинкой на щеке, про которую говорил мне доктор… Зачем она здесь? И она ли? И почему я думаю, что это она? и почему я даже так в этом уверен? Мало ли женщин с родинками на щеках? Размышляя таким образом, я подошел к самому гроту. Смотрю: в прохладной тени его свода, на каменной скамье сидит женщина, в соломенной шляпке, окутанная чёрной шалью, опустив голову на грудь; шляпка закрывала её лицо. Я хотел уже вернуться, чтоб не нарушить её мечтаний, когда она на меня взглянула.

– Вера! – вскрикнул я невольно. Она вздрогнула и побледнела.

– Я знала, что вы здесь, – сказала она. Я сел возле неё и взял её за руку. Давно забытый трепет пробежал по моим жилам при звуке этого милого голоса; она посмотрела мне в глаза своими глубокими и спокойными глазами: в них выражалась недоверчивость и что-то похожее на упрёк.

– Мы давно не видались, – сказал я.

– Давно, и переменились оба во многом!

– Стало быть, уж ты меня не любишь?..

– Я замужем!.. – сказала она.

– Опять? Однако несколько лет тому назад эта причина также существовала, но между тем…

Она выдернула свою руку из моей, и щёки её запылали.

– Может быть, ты любишь своего второго мужа?..

Она не отвечала и отвернулась.

– Или он очень ревнив?

Молчание.

– Что ж? Он молод, хорош, особенно, верно, богат, и ты боишься… – я взглянул на неё и испугался; её лицо выражало глубокое отчаяние, на глазах сверкали слёзы.

– Скажи мне, – наконец прошептала она, – тебе очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидеть. С тех пор как мы знаем друг друга, ты ничего мне не дал, кроме страданий… – её голос задрожал, она склонилась ко мне и опустила голову на грудь мою.

«Может быть, – подумал я, – ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда…» <…>

22-го мая.

Зала ресторации превратилась в залу Благородного собрания. В девять часов все съехались. Княгиня с дочерью явилась из последних; многие дамы посмотрели на неё с завистью и недоброжелательством, потому что княжна Мери одевается со вкусом. Те, которые почитают себя здешними аристократками, утаив зависть, примкнулись к ней. Как быть? Где есть общество женщин, там сейчас явится высший и низший круг. Под окном, в толпе народа, стоял Грушницкий, прижав лицо к стеклу и не спуская глаз с своей богини; она, проходя мимо, едва приметно кивнула ему головой. Он просиял, как солнце… Танцы начались польским; потом заиграли вальс. Шпоры зазвенели, фалды поднялись и закружились.

Я стоял сзади одной толстой дамы, осенённой розовыми перьями; пышность её платья напоминала времена фижм, а пестрота её негладкой кожи – счастливую эпоху мушек из чёрной тафты. Самая большая бородавка на её шее прикрыта была фермуаром. Она говорила своему кавалеру, драгунскому капитану:

– Эта княжна Лиговская пренесносная девчонка! Вообразите, толкнула меня и не извинилась, да ещё обернулась и посмотрела на меня в лорнет… C'est impayable!..[6] И чем она гордится? Уж её надо бы проучить…

– За этим дело не станет! – отвечал услужливый капитан и отправился в другую комнату.

Я тотчас подошел к княжне, приглашая её вальсировать, пользуясь свободой здешних обычаев, позволяющих танцевать с незнакомыми дамами.

Она едва могла принудить себя не улыбнуться и скрыть своё торжество; ей удалось, однако, довольно скоро принять совершенно равнодушный и даже строгий вид. Она небрежно опустила руку на моё плечо, наклонила слегка головку набок, и мы пустились. Я не знаю талии более сладострастной и гибкой! её свежее дыхание касалось моего лица; иногда локон, отделившийся в вихре вальса от своих товарищей, скользил по горящей щеке моей… Я сделал три тура. (Она вальсирует удивительно хорошо.) Она запыхалась, глаза её помутились, полураскрытые губки едва могли прошептать необходимое: «Merci, monsieur».[7]

После нескольких минут молчания я сказал ей, приняв самый покорный вид:

– Я слышал, княжна, что, будучи вам вовсе не знаком, я имел уже несчастие заслужить вашу немилость… что вы меня нашли дерзким… неужели это правда?

– И вам бы хотелось теперь меня утвердить в этом мнении? – отвечала она с иронической гримаской, которая, впрочем, очень идёт к её подвижной физиономии.

– Если я имел дерзость вас чем-нибудь оскорбить, то позвольте мне иметь ещё большую дерзость просить у вас прощения… И, право, я бы очень желал доказать вам, что вы насчёт меня ошибались…

– Вам это будет довольно трудно…

– Отчего же?

– Оттого, что вы у нас не бываете, а эти балы, вероятно, не часто будут повторяться.

---

[6] Это презабавно!.. *(фран.)*

[7] Благодарю вас, сударь *(фран.)*

«Это значит, – подумал я, – что их двери для меня навеки закрыты».

– Знаете, княжна, – сказал я с некоторой досадой, – никогда не должно отвергать кающегося преступника: с отчаяния он может сделаться ещё вдвое преступнее… и тогда…

Хохот и шушуканье нас окружающих заставили меня обернуться и прервать мою фразу. В нескольких шагах от меня стояла группа мужчин, и в их числе драгунский капитан, изъявивший враждебные намерения против милой княжны; он особенно был чем-то очень доволен, потирал руки, хохотал и перемигивался с товарищами. Вдруг из среды их отделился господин во фраке с длинными усами и красной рожей и направил неверные шаги свои прямо к княжне: он был пьян. Остановясь против смутившейся княжны и заложив руки за спину, он уставил на неё мутно-серые глаза и произнес хриплым дишкантом:

– Пермете…[8] ну, да что тут!.. просто ангажирую вас на мазурку…

– Что вам угодно? – произнесла она дрожащим голосом, бросая кругом умоляющий взгляд. Увы! её мать была далеко, и возле никого из знакомых ей кавалеров не было; один адъютант, кажется, все это видел, да спрятался за толпой, чтоб не быть замешану в историю.

– Что же, – сказал пьяный господин, мигнув драгунскому капитану, который ободрял его знаками, – разве вам не угодно?.. Я таки опять имею честь вас ангажировать pour mazure…[9] Вы, может, думаете, что я пьян? Это ничего!.. Гораздо свободнее, могу вас уверить…

Я видел, что она готова упасть в обморок от страха и негодования.

Я подошел к пьяному господину, взял его довольно крепко за руку и, посмотрев ему пристально в глаза, попросил удалиться, – потому, прибавил я, что княжна давно уж обещалась танцевать мазурку со мною.

– Ну, нечего делать!.. в другой раз! – сказал он, засмеявшись, и удалился к своим пристыжённым товарищам, которые тотчас увели его в другую комнату.

– Я был вознагражден глубоким, чудесным взглядом. <…>

6-го июня.

Нынче поутру Вера уехала с мужем в Кисловодск. Я встретил их карету, когда шёл к княгине Лиговской. Она мне кивнула головой: во взгляде её был упрёк.

Кто ж виноват? зачем она не хочет дать мне случай видеться с нею наедине? Любовь, как огонь, – без пищи гаснет. Авось ревность сделает то, чего не могли мои просьбы.

Я сидел у княгини битый час. Мери не вышла, – больна. Вечером на бульваре её не было. Вновь составившаяся шайка, вооруженная лорнетами, приняла в самом деле грозный вид. Я рад, что княжна больна: они сделали бы ей какую-нибудь дерзость. У Грушницкого растрёпанная причёска и отчаянный вид; он, кажется, в самом деле огорчён, особенно самолюбие его оскорблено; но ведь есть же люди, в которых даже отчаяние забавно!..

Возвратясь домой, я заметил, что мне чего-то недостает. Я не видал её! Она больна! Уж не влюбился ли я в самом деле?.. Какой вздор! <…>

---

[8] Позвольте… *(от фран. permettre)*

[9] на мазурку… *(фран.)*

12-го июня.

Сегодняшний вечер был обилен происшествиями. Верстах в трёх от Кисловодска, в ущелье, где протекает Подкумок, есть скала, называемая Кольцом; это – ворота, образованные природой; они подымаются на высоком холме, и заходящее солнце сквозь них бросает на мир свой последний пламенный взгляд. Многочисленная кавалькада отправилась туда посмотреть на закат солнца сквозь каменное окошко. Никто из нас, по правде сказать, не думал о солнце. Я ехал возле княжны; возвращаясь домой, надо было переезжать Подкумок вброд. Горные речки, самые мелкие, опасны, особенно тем, что дно их – совершенный калейдоскоп: каждый день от напора волн оно изменяется; где был вчера камень, там нынче яма. Я взял под уздцы лошадь княжны и свёл её в воду, которая не была выше колен; мы тихонько стали подвигаться наискось против течения. Известно, что, переезжая быстрые речки, не должно смотреть на воду, ибо тотчас голова закружится. Я забыл об этом предварить княжну Мери.

Мы были уж на средине, в самой быстрине, когда она вдруг на седле покачнулась. «Мне дурно!» – проговорила она слабым голосом… «Смотрите наверх, – шепнул я ей, – это ничего, только не бойтесь; я с вами».

Ей стало лучше... Когда мы выбрались на берег, то все пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остался возле неё; видно было, что её беспокоило моё молчание, но я поклялся не говорить ни слова – из любопытства. Мне хотелось видеть, как она выпутается из этого затруднительного положения.

– Или вы меня презираете, или очень любите! – сказала она наконец голосом, в котором были слёзы. – Может быть, вы хотите посмеяться надо мной, возмутить мою душу и потом оставить… Это было бы так подло, так низко, что одно предположение… О нет! не правда ли, – прибавила она голосом нежной доверенности, – не правда ли, во мне нет ничего такого, что бы исключало уважение? Ваш дерзкий поступок… я должна, я должна вам его простить, потому что позволила… Отвечайте, говорите же, я хочу слышать ваш голос!.. – В последних словах было такое женское нетерпение, что я невольно улыбнулся; к счастию, начинало смеркаться… Я ничего не отвечал.

– Вы молчите? – продолжала она, – вы, может быть, хотите, чтоб я первая вам сказала, что я вас люблю?..

Я молчал…

– Хотите ли этого? – продолжала она, быстро обратясь ко мне… В решительности её взора и голоса было что-то страшное…

– Зачем? – отвечал я, пожав плечами.

Она ударила хлыстом свою лошадь и пустилась во весь дух по узкой, опасной дороге; это произошло так скоро, что я едва мог её догнать, и то, когда уж она присоединилась к остальному обществу. До самого дома она говорила и смеялась поминутно. В её движениях было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Все заметили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренне радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервический припадок: она проведёт ночь без сна и будет плакать. Эта мысль мне доставляет необъятное наслаждение: есть минуты, когда я понимаю Вампира… А ещё слыву добрым малым и добиваюсь этого названия! <…>

В одном из домов слободки, построенном на краю обрыва, заметил я чрезвычай-

ное освещение; по временам раздавался нестройный говор и крики, изобличавшие военную пирушку. Я слез и подкрался к окну; неплотно притворенный ставень позволил мне видеть пирующих и расслушать их слова. Говорили обо мне.

Драгунский капитан, разгорячённый вином, ударил по столу кулаком, требуя внимания.

– Господа, – сказал он, – это ни на что не похоже. Печорина надо проучить! Эти петербургские слётки всегда зазнаются, пока их не ударишь по носу! Он думает, что он только один и жил в свете, оттого что носит всегда чистые перчатки и вычищенные сапоги.

– И что за надменная улыбка! А я уверен между тем, что он трус, – да, трус!

– Я думаю то же, – сказал Грушницкий. – Он любит отшучиваться. Я раз ему таких вещей наговорил, что другой бы меня изрубил на месте, а Печорин всё обратил в смешную сторону.

Я, разумеется, его не вызвал, потому что это было его дело; да не хотел и связываться…

– Грушницкий на него зол за то, что он отбил у него княжну, – сказал кто-то.

– Вот ещё что вздумали! Я, правда, немножко волочился за княжной, да и тотчас отстал, потому что не хочу жениться, а компрометировать девушку не в моих правилах.

– Да я вас уверяю, что он первейший трус, то есть Печорин, а не Грушницкий, – о, Грушницкий молодец, и притом он мой истинный друг! – сказал опять драгунский капитан. – Господа! никто здесь его не защищает? Никто? тем лучше! Хотите испытать его храбрость? Это нас позабавит…

– Хотим; только как?

– А вот слушайте: Грушницкий на него особенно сердит – ему первая роль! Он придерётся к какой-нибудь глупости и вызовет Печорина на дуэль… Погодите; вот в этом-то и штука… Вызовет на дуэль: хорошо! Всё это – вызов, приготовления, условия – будет как можно торжественнее и ужаснее, – я за это берусь; я буду твоим секундантом, мой бедный друг! Хорошо! Только вот где закорючка: в пистолеты мы не положим пуль. Уж я вам отвечаю, что Печорин струсит, – на шести шагах их поставлю, черт возьми! Согласны ли, господа?

– Славно придумано! согласны! почему же нет? – раздалось со всех сторон.

– А ты, Грушницкий?

Я с трепетом ждал ответа Грушницкого; холодная злость овладела мною при мысли, что если б не случай, то я мог бы сделаться посмешищем этих дураков. Если б Грушницкий не согласился, я бросился б ему на шею. Но после некоторого молчания он встал с своего места, протянул руку капитану и сказал очень важно: «Хорошо, я согласен».

Трудно описать восторг всей честной компании.

Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами. Первое было грусть. «За что они все меня ненавидят? – думал я. – За что? Обидел ли я кого-нибудь? Нет. Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один вид уже порождает недоброжелательство?» И я чувствовал, что ядовитая злость мало-помалу наполняла мою душу. «Берегись, господин Грушницкий! – говорил я, прохаживаясь взад и вперёд по комнате. – Со мной этак не шутят. Вы дорого можете заплатить за одобрение ваших глупых товарищей. Я вам не игрушка!..» Я не спал всю ночь. К утру я был желт, как померанец.

Поутру я встретил княжну у колодца.

– Вы больны? – сказала она, пристально посмотрев на меня.

– Я не спал ночь.

– И я также… я вас обвиняла… может быть, напрасно? Но объяснитесь, я могу вам простить всё…

– Всё ли?..

– Всё… только говорите правду… только скорее… Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведение; может быть, вы боитесь препятствий со стороны моих родных… это ничего; когда они узнают… (её голос задрожал) я их упрошу. Или ваше собственное положение… но знайте, что я всем могу пожертвовать для того, которого люблю… О, отвечайте скорее, сжальтесь… Вы меня не презираете, не правда ли?

Она схватила меня за руки.

Княгиня шла впереди нас с мужем Веры и ничего не видала: но нас могли видеть гуляющие больные, самые любопытные сплетники из всех любопытных, и я быстро освободил свою руку от её страстного пожатия.

– Я вам скажу всю истину, – отвечал я княжне, – не буду оправдываться, ни объяснять своих поступков; я вас не люблю.

Её губы слегка побледнели…

– Оставьте меня, – сказала она едва внятно. Я пожал плечами, повернулся и ушел.

14-го июня.

Я иногда себя презираю… не оттого ли я презираю и других?.. Я стал не способен к благородным порывам; я боюсь показаться смешным самому себе. Другой бы на моём месте предложил княжне son coeur et sa fortune[10]; но надо мною слово жениться имеет какую-то волшебную власть: как бы страстно я ни любил женщину, если она мне даст только почувствовать, что я должен на ней жениться, – прости любовь! моё сердце превращается в камень, и ничто его не разогреет снова. Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту… но свободы моей не продам. Отчего я так дорожу ею? что мне в ней?.. куда я себя готовлю? чего я жду от будущего?.. Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страх, неизъяснимое предчувствие… Ведь есть люди, которые безотчётно боятся пауков, тараканов, мышей… Признаться ли?.. Когда я был ещё ребенком, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мне смерть от злой жены; это меня тогда глубоко поразило; в душе моей родилось непреодолимое отвращение к женитьбе… Между тем что-то мне говорит, что её предсказание сбудется; по крайней мере буду стараться, чтоб оно сбылось как можно позже.

16-го июня.

<…> Два часа ночи… не спится… А надо бы заснуть, чтоб завтра рука не дрожала. Впрочем, на шести шагах промахнуться трудно. А! господин Грушницкий! ваша мистификация вам не удастся… мы поменяемся ролями: теперь мне придётся отыскивать на вашем бледном лице признаки тайного страха. Зачем вы сами назначили эти роко-

---

[10] руку и сердце *(фран.)*

вые шесть шагов? Вы думаете, что я вам без спора подставлю свой лоб… но мы бросим жребий!.. и тогда… тогда… что, если его счастье перетянет? если моя звезда наконец мне изменит?.. И не мудрено: она так долго служила верно моим прихотям; на небесах не более постоянства, чем на земле.

Что ж? умереть так умереть! потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж скучно. Я – как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что ещё нет его кареты. Но карета готова… прощайте!..

<…> Я решился предоставить все выгоды Грушницкому; я хотел испытать его; в душе его могла проснуться искра великодушия, и тогда всё устроилось бы к лучшему; но самолюбие и слабость характера должны были торжествовать… Я хотел дать себе полное право не щадить его, если бы судьба меня помиловала. Кто не заключал таких условий с своею совестью?

– Бросьте жребий, доктор! – сказал капитан.

Доктор вынул из кармана серебряную монету и поднял её кверху.

– Решётка! – закричал Грушницкий поспешно, как человек, которого вдруг разбудил дружеский толчок.

– Орёл! – сказал я.

Монета взвилась и упала, звеня; все бросились к ней.

– Вы счастливы, – сказал я Грушницкому, – вам стрелять первому! Но помните, что если вы меня не убьёте, то я не промахнусь – даю вам честное слово.

Он покраснел; ему было стыдно убить человека безоружного; я глядел на него пристально; с минуту мне казалось, что он бросится к ногам моим, умоляя о прощении; но как признаться в таком подлом умысле?.. Ему оставалось одно средство – выстрелить на воздух; я был уверен, что он выстрелит на воздух! Одно могло этому помешать: мысль, что я потребую вторичного поединка.

– Пора! – шепнул мне доктор, дёргая за рукав, – если вы теперь не скажете, что мы знаем их намерения, то всё пропало. Посмотрите, он уж заряжает… если вы ничего не скажете, то я сам…

– Ни за что на свете, доктор! – отвечал я, удерживая его за руку, – вы всё испортите; вы мне дали слово не мешать… Какое вам дело? Может быть, я хочу быть убит…

Он посмотрел на меня с удивлением.

– О, это другое!.. только на меня на том свете не жалуйтесь…

Капитан между тем зарядил свои пистолеты, подал один Грушницкому, с улыбкою шепнув ему что-то; другой мне.

Я стал на углу площадки, крепко упершись левой ногою в камень и наклонясь немного наперед, чтобы в случае легкой раны не опрокинуться назад.

Грушницкий стал против меня и по данному знаку начал поднимать пистолет. Колени его дрожали. Он целил мне прямо в лоб…

Неизъяснимое бешенство закипело в груди моей.

Вдруг он опустил дуло пистолета и, побледнев как полотно, повернулся к своему секунданту.

– Не могу, – сказал он глухим голосом.

– Трус! – отвечал капитан.

Выстрел раздался. Пуля оцарапала мне колено. Я невольно сделал несколько шагов вперед, чтоб поскорей удалиться от края.

– Ну, брат Грушницкий, жаль, что промахнулся! – сказал капитан, – теперь твоя очередь, становись! Обними меня прежде: мы уж не увидимся! – Они обнялись; капитан едва мог удержаться от смеха. – Не бойся, – прибавил он, хитро взглянув на Грушницкого, – все вздор на свете!.. Натура – дура, судьба – индейка, а жизнь – копейка!

После этой трагической фразы, сказанной с приличною важностью, он отошел на свое место; Иван Игнатьич со слезами обнял также Грушницкого, и вот он остался один против меня. Я до сих пор стараюсь объяснить себе, какого рода чувство кипело тогда в груди моей: то было и досада оскорбленного самолюбия, и презрение, и злоба, рождавшаяся при мысли, что этот человек, теперь с такою уверенностью, с такой спокойной дерзостью на меня глядящий, две минуты тому назад, не подвергая себя никакой опасности, хотел меня убить как собаку, ибо раненный в ногу немного сильнее, я бы непременно свалился с утеса.

Я несколько минут смотрел ему пристально в лицо, стараясь заметить хоть легкий след раскаяния. Но мне показалось, что он удерживал улыбку.

– Я вам советую перед смертью помолиться Богу, – сказал я ему тогда.

– Не заботьтесь о моей душе больше, чем о своей собственной. Об одном вас прошу: стреляйте скорее.

– И вы не отказываетесь от своей клеветы? не просите у меня прощения?.. Подумайте хорошенько: не говорит ли вам чего-нибудь совесть?

– Господин Печорин! – закричал драгунский капитан, – вы здесь не для того, чтоб исповедовать, позвольте вам заметить… Кончимте скорее; неравно кто-нибудь проедет по ущелью – и нас увидят.

– Хорошо. Доктор, подойдите ко мне.

Доктор подошел. Бедный доктор! он был бледнее, чем Грушницкий десять минут тому назад.

Следующие слова я произнес нарочно с расстановкой, громко и внятно, как произносят смертный приговор:

– Доктор, эти господа, вероятно, второпях, забыли положить пулю в мой пистолет: прошу вас зарядить его снова, – и хорошенько!

– Не может быть! – кричал капитан, – не может быть! я зарядил оба пистолета; разве что из вашего пуля выкатилась… Это не моя вина! – А вы не имеете права перезаряжать… никакого права… это совершенно против правил; я не позволю…

– Хорошо! – сказал я капитану, – если так, то мы будем с вами стреляться на тех же условиях…

Он замялся.

Грушницкий стоял, опустив голову на грудь, смущенный и мрачный.

– Оставь их! – сказал он наконец капитану, который хотел вырвать пистолет мой из рук доктора… – Ведь ты сам знаешь, что они правы.

Напрасно капитан делал ему разные знаки, – Грушницкий не хотел и смотреть.

Между тем доктор зарядил пистолет и подал мне.

Увидев это, капитан плюнул и топнул ногой.

– Дурак же ты, братец, – сказал он, – пошлый дурак!.. Уж положился на меня, так слушайся во всем… Поделом же тебе! околевай себе, как муха… – Он отвернулся и, отходя, пробормотал: – А все-таки это совершенно противу правил.

– Грушницкий! – сказал я, – ещё есть время; откажись от своей клеветы, и я тебе прощу все. Тебе не удалось меня подурачить, и мое самолюбие удовлетворено; вспомни – мы были когда-то друзьями…

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали.

– Стреляйте! – отвечал он, – я себя презираю, а вас ненавижу. Если вы меня не убьете, я вас зарежу ночью из-за угла. Нам на земле вдвоем нет места…

Я выстрелил…

Когда дым рассеялся, Грушницкого на площадке не было. Только прах легким столбом ещё вился на краю обрыва.

Все в один голос вскрикнули.

– Finita la comedia! [11] – сказал я доктору.

Он не отвечал и с ужасом отвернулся.

Я пожал плечами и раскланялся с секундантами Грушницкого.

Спускаясь по тропинке вниз, я заметил между расселинами скал окровавленный труп Грушницкого. Я невольно закрыл глаза…<…>

Солнце уже спряталось в чёрной туче, отдыхавшей на гребне западных гор; в ущелье стало темно и сыро. Подкумок, пробираясь по камням, ревел глухо и однообразно. Я скакал, задыхаясь от нетерпенья. Мысль не застать её в Пятигорске молотком ударяла мне в сердце! – одну минуту, ещё одну минуту видеть её, проститься, пожать её руку… Я молился, проклинал, плакал, смеялся… нет, ничто не выразит моего беспокойства, отчаяния!.. При возможности потерять её навеки Вера стала для меня дороже всего на свете – дороже жизни, чести, счастья! Бог знает какие странные, какие бешеные замыслы роились в голове моей… И между тем я всё скакал, погоняя беспощадно. И вот я стал замечать, что конь мой тяжелее дышит; он раза два уж споткнулся на ровном месте… Оставалось пять верст до Ессентуков – казачьей станицы, где я мог пересесть на другую лошадь.

Всё было бы спасено, если б у моего коня достало сил ещё на десять минут! Но вдруг, поднимаясь из небольшого оврага, при выезде из гор, на крутом повороте, он грянулся о землю. Я проворно соскочил, хочу поднять его, дёргаю за повод – напрасно: едва слышный стон вырвался сквозь стиснутые его зубы; через несколько минут он издох; я остался в степи один, потеряв последнюю надежду; попробовал идти пешком – ноги мои подкосились; изнурённый тревогами дня и бессонницей, я упал на мокрую траву и как ребёнок заплакал.

И долго я лежал неподвижно и плакал горько, не стараясь удерживать слез и рыданий; я думал, грудь моя разорвётся; вся моя твёрдость, всё моё хладнокровие – исчезли как дым. Душа обессилела, рассудок замолк, и если б в эту минуту кто-нибудь меня увидел, он бы с презрением отвернулся.

Когда ночная роса и горный ветер освежили мою горячую голову и мысли пришли

---

[11] Комедия окончена! *(итал.)*

в обычный порядок, то я понял, что гнаться за погибшим счастием бесполезно и безрассудно. Чего мне ещё надобно? – её видеть? – зачем? не все ли кончено между нами? Один горький прощальный поцелуй не обогатит моих воспоминаний, а после него нам только труднее будет расставаться.

Мне, однако, приятно, что я могу плакать! Впрочем, может быть, этому причиной расстроенные нервы, ночь, проведённая без сна, две минуты против дула пистолета и пустой желудок.

Все к лучшему! это новое страдание, говоря военным слогом, сделало во мне счастливую диверсию. Плакать здорово; и потом, вероятно, если б я не проехался верхом и не был принуждён на обратном пути пройти пятнадцать вёрст, то и эту ночь сон не сомкнул бы глаз моих.

Я возвратился в Кисловодск в пять часов утра, бросился на постель и заснул сном Наполеона после Ватерлоо.

Когда я проснулся, на дворе уж было темно. Я сел у отворённого окна, расстегнул архалук, – и горный ветер освежил грудь мою, ещё не успокоенную тяжелым сном усталости. Вдали за рекою, сквозь верхи густых лип, её осеняющих, мелькали огни в строеньях крепости и слободки. На дворе у нас всё было тихо, в доме княгини было темно.

Взошёл доктор: лоб у него был нахмурен; он, против обыкновения, не протянул мне руки.

– Откуда вы, доктор?

– От княгини Лиговской; дочь её больна – расслабление нервов… Да не в этом дело, а вот что: начальство догадывается, и хотя ничего нельзя доказать положительно, однако я вам советую быть осторожнее. Княгиня мне говорила нынче, что она знает, что вы стрелялись за её дочь. Ей всё этот старичок рассказал… как бишь его? Он был свидетелем вашей стычки с Грушницким в ресторации. Я пришёл вас предупредить. Прощайте. Может быть, мы больше не увидимся, вас ушлют куда-нибудь.

Он на пороге остановился: ему хотелось пожать мне руку… и если б я показал ему малейшее на это желание, то он бросился бы мне на шею; но я остался холоден, как камень, – и он вышел.

Вот люди! все они таковы: знают заранее все дурные стороны поступка, помогают, советуют, даже одобряют его, видя невозможность другого средства, – а потом умывают руки и отворачиваются с негодованием от того, кто имел смелость взять на себя всю тягость ответственности. Все они таковы, даже самые добрые, самые умные!..

На другой день утром, получив приказание от высшего начальства отправиться в крепость N., я зашел к княгине проститься.

Она была удивлена, когда на вопрос её: имею ли я ей сказать что-нибудь особенно важное? – я отвечал, что желаю ей быть счастливой и прочее.

– А мне нужно с вами поговорить очень серьёзно.

Я сел молча.

Явно было, что она не знала, с чего начать; лицо её побагровело, пухлые её пальцы стучали по столу; наконец она начала так, прерывистым голосом:

– Послушайте, мсье Печорин! я думаю, что вы благородный человек.

Я поклонился.

– Я даже в этом уверена, – продолжала она, – хотя ваше поведение несколько сомнительно; но у вас могут быть причины, которых я не знаю, и их-то вы должны теперь мне поверить. Вы защитили дочь мою от клеветы, стрелялись за неё, – следственно, рисковали жизнью… Не отвечайте, я знаю, что вы в этом не признаетесь, потому что Грушницкий убит (она перекрестилась). Бог ему простит – и, надеюсь, вам также!.. Это до меня не касается, я не смею осуждать вас, потому что дочь моя хотя невинно, но была этому причиной. Она мне всё сказала… я думаю, всё: вы изъяснялись ей в любви… она вам призналась в своей (тут княгиня тяжело вздохнула). Но она больна, и я уверена, что это не простая болезнь! Печаль тайная её убивает; она не признается, но я уверена, что вы этому причиной… Послушайте: вы, может быть, думаете, что я ищу чинов, огромного богатства, – разуверьтесь! я хочу только счастья дочери. Ваше теперешнее положение незавидно, но оно может поправиться: вы имеете состояние; вас любит дочь моя, она воспитана так, что составит счастие мужа, – я богата, она у меня одна… Говорите, что вас удерживает?.. Видите, я не должна бы была вам всего этого говорить, но я полагаюсь на ваше сердце, на вашу честь; вспомните, у меня одна дочь… одна…

Она заплакала.

– Княгиня, – сказал я, – мне невозможно отвечать вам; позвольте мне поговорить с вашей дочерью наедине…

– Никогда! – воскликнула она, встав со стула в сильном волнении.

– Как хотите, – отвечал я, приготовляясь уйти.

Она задумалась, сделала мне знак рукою, чтоб я подождал, и вышла.

Прошло минут пять; сердце моё сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; как я ни искал в груди моей хоть искры любви к милой Мери, но старания мои были напрасны.

Вот двери отворились, и вошла она. Боже! как переменилась с тех пор, как я не видал её, – а давно ли?

Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочил, подал ей руку и довёл её до кресел.

Я стоял против неё. Мы долго молчали; её большие глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали в моих что-нибудь похожее на надежду; её бледные губы напрасно старались улыбнуться; её нежные руки, сложенные на коленах, были так худы и прозрачны, что мне стало жаль её.

– Княжна, – сказал я, – вы знаете, что я над вами смеялся?.. Вы должны презирать меня.

На её щеках показался болезненный румянец.

Я продолжал:

– Следственно, вы меня любить не можете…

Она отвернулась, облокотилась на стол, закрыла глаза рукою, и мне показалось, что в них блеснули слезы.

– Боже мой! – произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо: ещё минута, и я бы упал к ногам её.

– Итак, вы сами видите, – сказал я сколько мог твёрдым голосом и с принуждённой усмешкою, – вы сами видите, что я не могу на вас жениться, если б вы даже этого теперь хотели, то скоро бы раскаялись. Мой разговор с вашей матушкой принудил меня объясниться с вами так откровенно и так грубо; я надеюсь, что она в заблуждении: вам легко её разуверить. Вы видите, я играю в ваших глазах самую жалкую и гадкую роль, и даже в этом признаюсь; вот все, что я могу для вас сделать. Какое бы вы дурное мнение обо мне ни имели, я ему покоряюсь… Видите ли, я перед вами низок. Не правда ли, если даже вы меня и любили, то с этой минуты презираете?

Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза её чудесно сверкали.

– Я вас ненавижу… – сказала она.

Я поблагодарил, поклонился почтительно и вышел.

Через час курьерская тройка мчала меня из Кисловодска. За несколько вёрст от Ессентуков я узнал близ дороги труп моего лихого коня; седло было снято – вероятно, проезжим казаком, – и вместо седла на спине его сидели два ворона. Я вздохнул и отвернулся…

И теперь, здесь, в этой скучной крепости, я часто, пробегая мыслию прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное?.. Нет, я бы не ужился с этой долею! Я, как матрос, рождённый и выросший на палубе разбойничьего брига: его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце; он ходит себе целый день по прибрежному песку, прислушивается к однообразному ропоту набегающих волн и всматривается в туманную даль: не мелькнет ли там на бледной черте, отделяющей синюю пучину от серых тучек, желанный парус, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-помалу отделяющийся от пены валунов и ровным бегом приближающийся к пустынной пристани…

Давайте обсудим

Вопросы и задания для обсуждения главы «Княжна Мери»

1. Зачем Печорин добивался любви Мери? Как понять его утверждение: «А что такое счастье? Насыщенная гордость»? Последователен ли Печорин в соблюдении этой жизненной позиции?

2. Каковы взгляды Печорина на дружбу? Как это проявляется в его отношениях с окружающими людьми? Как Печорина характеризуют его отношения с Вернером и Грушницким?

3. Почему из всех женщин Печорин выделял Веру? Найдите объяснение этому в дневниковых записях от 16 и 23 мая.

4. Отметьте черты искренности и притворства в исповеди Печорина перед Мери: (от слов «Да, такова была моя участь с самого детства» до слов «Это меня не огорчит нимало»).

5. Найдите эпизод переправы Печорина и Мери через горную речку (запись от 12 июня). Как в объяснении Мери с Печориным раскрывается ум и неординарность её характера?

6. Прочитайте запись от 14 июня. Как Печорин объясняет изменения в самом себе и как это его характеризует?

7. Роль внутреннего монолога Печорина перед дуэлью (запись от 16 июня). Искренен ли Печорин в этом признании или он лукавит даже перед самим собой?

8. Почему рассказ о дуэли даётся автором в воспоминаниях Печорина (через полтора месяца в крепости N)? Каково поведение Печорина во время дуэли? Что положительного и что отрицательного подчёркивает автор в его образе? Можно ли посочувствовать герою или он достоин осуждения? Как проявляется мастерство Лермонтова в изображении жизни и психологии людей в этом эпизоде?

Домашнее задание

Изложите письменно свою точку зрения по вопросу: «Роль дружбы в жизни Печорина», в качестве отправной точки для размышлений используйте тезис: «В дружбе один раб другого». Обоснуйте своё мнение,опираясь на события романа и анализ поступков Печорина.

Давайте обсудим

ИТОГОВЫЕ ВОПРОСЫ

1. В чём заключается трагедия Печорина?
2. Какова роль персонажей романа в раскрытии характера Печорина?
3. Что позволяет говорить о том, что Печорин – «лишний человек»?
4. В чём сходство и различие «лишних людей» – Онегина и Печорина?

Глава III

ВРЕМЯ В МОЕЙ СУДЬБЕ

УТКИР ХАШИМОВ (1941–2013)

Знакомство с автором

Народный писатель Узбекистана **Уткир Хашимов** считается одним из самых тонких и глубоких мастеров узбекской литературы. В его произведениях большое внимание уделяется нравственным ценностям, внутреннему миру человека, семейным устоям и уважению к труду. В своих рассказах писатель подчёркивает, что подлинное богатство человека заключается не в материальных благах, а в любви, доброте, памяти, человечности.

Подготовка к встрече с текстом

О повести «Дела земные»

Повесть Уткира Хашимова «Дела земные» по праву можно назвать поэтическим дастаном, посвящённый узбекским матерям – символу духовной стойкости и самоотверженности.

Повесть представляет собой цикл «больших и малых новелл», каждая из которых обладает самостоятельной сюжетной завершённостью и композицией. От новеллы к новелле, от воспоминания к воспоминанию образ матери обретает многогранность – герой как бы воссоздаёт внутренний мир самого дорогого человека – скромной, самоотверженной, духовно богатой женщины.

1. Образ матери – традиционный в мировой и национальных литературах. Сможете ли привести пример произведения, где имеется образ Матери?

скачано с сайта www.idum.uz

ДЕЛА ЗЕМНЫЕ

Фрагменты

Задание

Прочитайте рассказ «Вязаные носки».

ВЯЗАНЫЕ НОСКИ

Каждый год, когда езжу отдыхать, привожу матери вязаные носки. На Кавказе их полным-полно. Называют их то «джуба», то «джураби». Мать радуется от души, будто я привез ей бог весть какую драгоценность, и читает длинную молитву. Хвалится соседкам, какой у неё внимательный и заботливый сын. Ноги у неё больные. В холодную погоду опухают, болят.

Когда соседи спрашивают её о здоровье, она успокаивает и их, и себя.

– Э, старею, милые.

Но здесь виновата не только старость. Другие этого не знают, а я знаю. Отлично знаю.

В детстве я переболел многими болезнями: корью, коклюшем, малярией… Поэтому на кухне у нас всегда висела на гвоздях всякая всячина: от вороньих перьев до цветов с этаким странным названием – петушиный гребень. Особенно часто у меня болело горло. Как только промочу ноги, так начинается ангина. До сих пор не могу понять, какая связь между ногами и горлом.

Не помню, сколько мне тогда было лет. Помню только, что был очень маленьким и стояла зима. Мы с братьями отчаянно катались на ногах по блестящим ледяным дорожкам. Я весь взмок. Захотелось пить, и я съел снег. А вечером у меня поднялась температура, открылся кашель. Пробовали полоскать горло квасцами, не помогло, дали выпить отвар сушёного урюка, бесполезно… Началось удушье. Боли особой я не чувствовал, но дышал с трудом. Смутно помню, что терял сознание. В ушах до сих пор стоят причитания матери:

– Ой, что же делать! Ой, сыночек мой умирает!

Она поспешно завернула меня в одеяло и понесла куда-то. Валил снег, но на лицо

мне не попадал. Я ощущал на лице горячее дыхание матери, она шла спотыкаясь, тяжело дыша.

Она внесла меня в какой-то тускло освещённый дом. У меня снова потемнело в глазах. А мама все причитала:

– Умирает! Сыночек мой умирает!

– Не отчаивайтесь, Пошша, бог дал болезнь, даст и лекарство.

Я смутно догадался, что это был голос Хаджи-буви.

Хаджи-буви положила меня навзничь, головой к себе на колени. Сунула мне в рот палец, обмотанный марлей. Сердце у меня чуть не выскочило из груди, я забился, заплакал, но вырваться из рук Хаджи-буви не смог. Я так и не понял, что она сделала с моим горлом, но мне вдруг сразу полегчало. Открываю глаза, а Хаджи-буви улыбается.

– Ну как, лучше? – спросила она, гладя меня по голове.

Затем надо мной склонилась мать. Она всё ещё всхлипывала, волосы её были растрёпаны, лицо серое.

Через некоторое время я сел и протянул ноги к сандалу. Хаджи-буви заставила меня выпить какую-то горькую жидкость. Затем посмотрела на мать и воскликнула:

– Ой, вай, Пошша-а-а! Что же вы наделали, пропадёте ведь!

Мама недоумевающе смотрела то на меня, то на Хаджи-буви.

– Без ног ведь останетесь! – сказала Хаджи-буви, качая головой. – Как же вы пришли в таком виде?

Только тут я увидел калоши мамы, которые стояли у порога. Они были полны снега.

– Вы же пришли считай что босиком, – продолжала возмущаться Хаджи-буви. – Надо немедленно смазать ноги мазью, есть у меня такая, из вороньих мозгов, иначе хромать вам всю жизнь.

Мать посмотрела наконец на свои ноги. Они были красные, точно ошпаренные кипятком.

– Но они не замерзли, – сказала она тихо. – Наоборот, горят. В снегу разогрелись.

Хаджи-буви попробовала растереть ей одну ногу.

– Чувствуете?

– Что? – спросила мама, глядя на меня, а не на ногу.

– Боль чувствуете?

Мама молча покачала, головой и заплакала.

…На другой день она слегла. Болела долго. Лекарство Хаджи-буви не очень помогало. В конце концов мать поправилась, но в холодную погоду ноги у неё опухали и болели.

Каждый год, когда я езжу отдыхать, привожу маме вязаные носки. А она, словно стала обладательницей чего-то драгоценного, читает долгую молитву, тут же показывает обнову соседям, хвалится, какой у неё любящий сын. И перед моими глазами сразу встаёт та страшная ночь, когда валил снег, и вспоминаются красные, как сырое мясо, ноги матери, и я молча ухожу из дома.

Давайте обсудим

1. Какой эпизод в рассказе показался вам самым трогательным? Почему?
2. Что испытывает герой, когда дарит вязаные носки маме?
3. Какие детали и поступки раскрывают любовь и заботу матери? Аргументируйте свой ответ.
4. Подумайте, почему автор использует такой простой предмет, как носки, чтобы выразить тему любви и памяти?
5. Бывали ли в вашей жизни случаи, когда вы по-настоящему осознали чью-то заботу только спустя время?

Давайте поговорим

1. Какие нравственные ценности в рассказах Уткира Хашимова являются важными, и как в них отражается авторская позиция?

Задание

Прочитайте рассказ «Фотокарточка».

ФОТОКАРТОЧКА

Дела земные всегда делаются в спешке. Однажды, как обычно, я завтракал на ходу. А мать, как обычно, уговаривала меня:

– Да садись ты, сынок. Посиди немного.

– Всё. Я поехал.

– Погоди, сынок. – Мать посмотрела на меня не так, как обычно, а с какой-то затаённой печалью. – Поговорить надо.

Я поспешно взглянул на часы: надо ещё успеть заправить машину, заехать на работу, потом в издательство…

– А что такое?

Мама продолжала смотреть на меня печальными глазами.

– Давай сфотографируемся вместе, – сказала она вдруг.

Я изумился:

– Зачем?

– А вдруг скоро помру.

Она произнесла это таким тоном, будто обронила: «Схожу к соседке». Я не удержался, рассмеялся.

– Да полно вам, мама. – С этими словами я вышел из дома.

Прошло всего две недели… Я просыпаюсь по ночам и думаю: какими же мы бываем черствыми! Разве ж не было у меня времени сфотографироваться? Для всего всегда

находилось время. И для работы, и для книг, и для отдыха… Ты что, кинозвезда? Или какая историческая личность? Вон лежит целая пачка фотографий. Самых разных. И где только и с кем только не снимался! Только… Нет у тебя фотографии, где ты снят вместе с матерью!

Перевод М. Ганиной

Давайте обсудим

1. О чём горько сожалеет герой? В чём себя упрекает? Прочитайте эти строки.
2. Какой урок можно извлечь из этой истории?

Практическая работа

Заполните таблицу в тетрадях по рассказу «Фотокарточка».

№	Вопрос	Ответ
1	О чём просит мать сына?	
2	Как главный герой отреагировал на просьбу матери?	
3	Сожалеет ли герой о своём поступке?	
4	Какие жизненные уроки можно извлечь из этого произведения?	
5	Как бы вы поступили на месте героя?	

Домашнее задание

Напишите письмо от имени героя его маме (о любви к ней и признания своей вины).

О произведении «Дорожное происшествие»

В рассказе «Дорожное происшествие» автор исследует нравственные законы – Добро, Любовь и Совесть. Тётушка Фазилат, прожив тяжёлую жизнь, испытав голод и холод, вырастила единственного сына хорошим и умным человеком. Она видела в нём надежду и опору своей старости. Однако, как сама говорит тётушка Фазилат: «У каждого своя судьба… что только не делает она с нами. Играет им как хочет…»

Хуршид связал свою жизнь с Назирой – дочерью состоятельных родителей, которые обеспечили молодым материально богатую жизнь.

Отсутствие детей у пары не случайно – в этом автор хочет подчеркнуть невозможность продолжения рода в семье, основанной на внешней привлекательности, но лишённой взаимопонимания. В такой семье нет места духовному началу – одна лишь погоня за вещами, деньгами, машинами, званиями.

Переломным моментом в жизни Хуршида стало случайное дорожное происшествие: он сталкивается с семьёй, живущей по законам совести, добра и любви, семьёй, являющейся полной противоположностью его семье.

Эта встреча разрушила его иллюзии и восстановила истинные нравственные понятия в душе героя.

Давайте поговорим

1. Как вы думаете, что важнее в жизни человека – материальные ценности или нравственные?
2. В чём секрет популярности творчества Уткира Хашимова?

Задание

Прочитайте рассказ «Дорожное происшествие».

ДОРОЖНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

– Мать уезжать собралась...

Хуршид поднял голову от стола, заваленного чертежами, и рассеянно посмотрел на жену. На пороге стояла Назира, вытирая пухлые руки о фартук, надетый поверх атласного платья.

– Куда это она на ночь глядя?..

– Я ей уже говорила, – Назира раздраженно повела плечами, – но разве её переубедишь?

Хуршид взглянул на часы, которые красовались на книжном шкафу, занимавшем всю стену.

– Уже шесть. Полчаса осталось. Отвезти её разве на машине? – он вопросительно взглянул на жену.

Назира снова пожала плечами: как угодно.

Уже давно Хуршид научился понимать смысл этих слов. Впрочем, это было не так уж трудно: эти два слова всегда означали: нет. Не раз с этого неопределённого и безличного «как угодно» начинались семейные ссоры.

– Как бы шеф не обиделся, ведь ты ему давно обещал, – так же равнодушно бросила Назира.

«Ясно, обидится», – подумал Хуршид, нерешительно поднимаясь из-за стола. Он пересёк комнату, увешанную яркими, как огонь, коврами, и вышел в коридор.

Тётушка Фазилат уже успела натянуть на ноги ичиги с калошами и, маленькая, сухонькая, сидела в кресле, прижимая к груди узелок с пожитками.

Материнский глаз безошибочно и сразу подмечает любую перемену в облике своего дитяти, но редко когда ребёнок, даже став взрослым, улавливает на материнском лице помёты времени. Только сегодня Хуршид словно впервые по-настоящему увидел свою мать, и ему показалось, будто стала она ещё меньше, как-то вся ссохлась. Она повязалась рябеньким шерстяным платочком, прикрывавшим подбородок, и ещё резче поэтому проступила на лбу и под припухшими глазами сетка морщинок.

– Приезжаете раз в год, – обиженно начал Хуршид, – и тут же обратно. Разве это не ваш дом?

Старуха ещё крепче прижала к себе узелок и поднялась с кресла…

Тётушка Фазилат вышла на улицу. Короток зимний день. Уже начинало смеркаться. Над входом в автостанцию зажглась лампочка.

На ветках акаций все ещё поблёскивал выпавший накануне снег. На проезжей части дороги он уже успел растаять, но всё ещё белел у обочины и по берегам арыков.

Мальчик лет пяти пытался разбить каблуком лёд. Женщина, сидевшая у лестницы на опрокинутом ведре, закричала:

– Порвёшь ботинки, чтоб ты сдох!

– Не надо ругать ребёнка, милая, – сказала тётушка Фазилат, и голос её дрогнул.

– Э, пусть они сгинут, всю жизнь на них положила. Да ещё отец пьёт без просыпа.

«Господь бог, – подумала тётушка Фазилат, направляясь к подошедшему автобусу, – не даёт детей тому, кто хочет их иметь». Она думала о сыне, у которого не было ребят.

Знала тётушка Фазилат и о ссорах сына с женой. И ещё по одной причине она редко наезжала в город. Тётушка Фазилат чувствовала себя в квартире сына словно бы в ювелирной лавке – страшно повернуться, а то по неловкости чего доброго ещё заденешь или разобьёшь что-нибудь…

…Много раз Фазилат проезжала здесь... «У каждого своя судьба,– думала старушка,– что только ни делает она с человеком. Играет им как хочет. А человек всё переносит».

Когда муж ушёл на войну, Хуршид был грудным младенцем. Что поделаешь, небо высоко, земля тверда, как говорят люди. Она работала в колхозе, но прокормиться с сыном не могла. Хорошо соседка научила: «Вези молоко в город, всё-таки какие ни есть деньги».

Председатель был человек сердобольный. Разрешил попозже выходить на работу.

С рассветом Фазилат садилась в поезд с бидоном молока или катыка. Продавала его на шумной ташкентской улице. Потом снова бежала на поезд, а если не успевала, то возвращалась на попутной арбе; дома сразу же хватала кетмень и торопилась в поле.

Хуршид рос спокойным ребенком. Не капризным. Лежал себе под одеяльцем и молчал. Со временем Фазилат приобрела постоянных покупателей. Она уже не бегала по улицам, а разносила молоко прямо по домам. По сей день не может забыть Фазилат, как однажды заболел её мальчик. Видно, промёрз. Всю ночь она просидела у его постели

Почему Хуршид чувствует себя чужим в семье Назиры, несмотря на внешнее благополучие?

и лишь к рассвету задремала. Когда она прибежала на станцию, поезд уже ушёл. Что делать? Не ездить? Страшно, а вдруг покупатели откажутся от её услуг. Полдороги она ехала на арбе, остальную часть пути прошла пешком, почти разутая, по снегу. И лишь к обеду принесла молоко в город. Ноги сводило судорогой, в калоши набился снег.

С тех самых пор и мучает её ревматизм, а тогда пришлось долго пролежать в постели. Соседи ругали её: разве сын тебе памятник поставит, о себе подумать не мешает. Но недаром говорят люди, что за тёмными и печальными днями непременно наступят светлые. И они наступили. Кончилась война. Вернулся израненный муж. Хуршид пошёл в школу. Потом родилась Мавлюда. Но недолгой была радость Фазилат: внезапно умер муж. Теперь её единственной надеждой оставался сын.

Хуршид успешно окончил школу, поступил в институт. Она мечтала, что вот закончит сын учёбу, вернётся домой и она женит его на самой красивой девушке кишлака, сыграет свадьбу не хуже, чем другие. Однако и на сей раз надежды её не сбылись. Хуршид благополучно закончил институт, но в кишлак не вернулся. Захотел учиться дальше. В аспирантуре. А потом вдруг взял и женился. Свадьбу сыграли в городе, и Фазилат отвезла сыну немудрёное добро, которое копила для него столько лет.

В кишлаке посмеивались: «Сынок Фазилат нашёл себе жену с квартирой, значит, не женился, а вышел замуж».

Она отмалчивалась – глупости всё это. Её сын будет учёным, пусть-ка ваши сыновья добьются того же. И живет он не с родителями жены, а в отдельной квартире.

«Слава богу, – думала Фазилат бессонными ночами, – Хуршид обзавёлся семьёй, квартирой. И машину вот купил». Но почему-то сама стала реже ездить к сыну. Она же не одна. Есть у неё Мавлюда. Может, дочь даст то, что ждала она от сына. Не всё ли равно – сын ли, дочь ли, были бы они здоровы и счастливы…

* * *

Хуршид сидел хмурый, он всё не мог забыть, как мать прижимала к себе узелок, торопясь поскорее уйти, словно стеснялась, боялась причинить сыну неудобства. Он представил себе, как она сейчас забилась в уголок автобусной станции совсем одна, маленькая, сухонькая, в рябеньком шерстяном платке, повязанном так, что закрывает он почти всю нижнюю часть лица и морщинистые щеки. На душе было скверно.

Назира сидела перед большим зеркалом в углу комнаты с полным ртом шпилек и укладывала волосы, косясь на отражение мужа. Оба молчали, и никто из двоих не решался нарушить эту давящую тишину.

– Ты готов? – наконец спросила Назира, обернувшись. – Мы же не можем прийти словно гости, шеф обидится.

– Что ты так торопишься? Я ему не мальчик на побегушках.

Хуршид нахмурился и поднялся с кресла. Назира раздражённо взглянула на мужа. Она ничего не сказала, но Хуршид знал, что думает она в эту минуту, сидя вот так, с приподнятой рукой, в которой была зажата последняя шпилька.

Кто спорит, Хуршид многим обязан Фаязу Махмудовичу. Шеф всегда был для него словно отец родной. Не всякий отец сделает для сына столько, сколько сделал Фаяз Махмудович для Хуршида. А сегодня Фаяз Махмудович защищает докторскую. ещё вчера он попросил Хуршида позаботиться о банкете, присмотреть, чтобы в ресторане, где был заказан ужин, всё было в порядке; помочь встретить гостей и непременно приехать на машине – она может понадобиться.

Весь день Хуршид хлопотал о банкете. Теперь нужно пораньше приехать в ресторан, чтобы встретить гостей. Поэтому-то он и не смог отвезти мать домой. <…>

В дверях гаража появилась Назира, закутанная в меховую шубку. Она нетерпеливо переступала ногами, обутыми в маленькие сапожки.

В тот день, когда они познакомились, Назира была в такой же шубке и вроде бы в таких же самых сапожках. В ту новогоднюю ночь на студенческом вечере Хуршид читал монолог Гамлета. И, наверное, читал хорошо – ему долго аплодировали.

После бала уже в троллейбусе он увидел красивую белолицую девушку. И почему-то никак не мог оторвать от неё взгляда. Девушка улыбнулась. Но заговорить с ней он не решался: «Такая красавица, куда уж мне». Девушка первая обратилась к нему.

– Вы настоящий Гамлет, – произнесла она улыбаясь, – но где же ваша Офелия?

– У меня нет Офелии, – дрогнувшим голосом ответил Хуршид.

И на самом деле Хуршид сторонился девушек. «Главное – учиться, все остальное – потом». Откровенно говоря,и времени-то ухаживать за девушками не оставалось.

В тот вечер он узнал, что Назира учится на химическом факультете. Наверное, высокий, стройный и молчаливый парень приглянулся ей, а Хуршид – тот сразу влюбился без оглядки и уже не мог не встречаться с ней.

Весной Назира сказала, что в их дом зачастили сваты и родители мечтают выдать её замуж. Хуршид встревожился. Он понимал, что сейчас ему не по средствам устроить настоящую свадьбу. Родители Назиры богаты и, конечно, хотят отпраздновать свадьбу единственной дочери как можно пышнее.

Хуршид поведал о своих сомнениях Фаязу Махмудовичу.

– Приведи ко мне девушку,– сказал тот,– я сам с ней поговорю.

А на сей раз счастье улыбнулось Хуршиду: отец Назиры, начальник торгового отдела района, оказался знакомым, чуть ли даже не приятелем Фаяза Махмудовича.

Свадьбу сыграли по всем правилам. Отец Назиры не поскупился для своей любимой дочери. И жалкие подарки тётушки Фазилат, матери Хуршида, даже не понадобились.

Легко было заметить, что мать Назиры не слишком-то довольна бедным зятем, и прибывшие из кишлака гости были приняты не совсем радушно. Хуршиду вспомнилось, что мать уехала огорчённая чуть ли не на другой день после свадьбы.

И вот сегодня... тоже как-то не совсем ладно получилось. Интересно, не опоздал ли автобус?

Спина Хуршида вспотела, и он с досадой начал крутить ручку. Наконец мотор заработал. Хуршид осторожно вывел машину из гаража. Назира уселась рядом с ним на переднее сиденье и глубоко вздохнула.

– Господи, ну конечно, мы уже опоздали! В чём в сущности дело, неужто папа взял себе хорошую машину, а нам подсунул похуже?

«Опять всё то же, – раздраженно подумал Хуршид, осторожно продвигаясь по людной улице. – Будь прокляты эти машины и их деньги».

Хуршид так и не смог подавить вскипавшее в душе раздражение. С того самого дня, как они поженились, только и разговоров было, что о вещах, да деньгах, да машинах. Особенно неуютно чувствовал он себя среди так называемых «аристократических» друзей и знакомых жены. И отец Назиры и все их друзья с увлечением говорили о высоких заработках, о «Москвичах» и «Волгах», о дорогих серьгах и прочих ювелирных изделиях, о том, что кто-то привез из Риги мебельный гарнитур за три тысячи и так далее и тому подобное.

Хуршид терялся среди этих людей и в их обществе чувствовал себя словно подопытная мышь под стеклянным колпаком. Ко всему прочему, у них с Назирой до сих пор не было детей. Но самое главное, Хуршид постоянно чувствовал себя должником этой семьи, семьи родителей Назиры: расходы на свадьбу, мебель, ковры, а вот теперь ещё и эта машина. <…> … Ход его мыслей прервал страшный грохот и истерический вопль Назиры. Он в ужасе рванул руль и повернулся к жене. Назира как-то странно согнулась, прижав обе ладони к лицу.

«Авария!» – молнией блеснуло в мозгу.

Хуршид резко вывернул руль направо, но руль не повиновался, и машина неестественно быстро начала сползать куда-то вбок. Хуршид в отчаянии оглянулся: огромный самосвал, подцепив буфером их маленький «Москвич», быстро катил его вперёд. «Сейчас перевернёмся, и самосвал пройдёт по нашим телам», – успел только подумать Хуршид.

Прошли минуты две. Самосвал внезапно остановился, и «Москвич», подрагивая, заглох.

«Живы!» Хуршид почувствовал, как холодный пот заливает ему глаза.

– Успокойся! – сказал он Назире, обнимая её за плечи.

Назира дрожала и громко плакала. Хуршид попытался открыть дверцу, но её заклинило.

– Открой со своей стороны, – сказал он.

Назира нажала на ручку, шатаясь, вышла из машины, побрела к дереву и уселась прямо на мокрый снег. Едва передвигая ноги, Хуршид обошёл «Москвич».

Дверца самосвала распахнулась, из машины выпрыгнул испуганный молодой парень. Он подбежал к Хуршиду, громко стуча кирзовыми сапогами.

– Живы? – задыхаясь спросил он. Он с трудом переводил дух, и тоненькие усы над его губой вздрагивали.

Хуршид не ответил и начал осматривать свою машину. Дверцы «Москвича» прогнулись внутрь, боковое стекло было разбито вдребезги.

Какая роль отводится женщине-матери в этом рассказе?

Странно... Хуршид не испытывал сожаления. Он смотрел на машину и думал о том, что вся его жизнь покорёжена точно так же, как вот эта машина.

А вокруг уже собирался народ. Хуршид поискал глазами жену, Назира стояла неподалёку, и какая-то старая женщина прикладывала к её лбу снег.

На гомон и крик подоспел молодой инспектор и попросил зевак разойтись. Потом подошёл к Хуршиду:

– Это ваша машина?

Хуршид кивнул.

– Вы счастливо отделались. Из такой аварии мало кто выходит живым. Чей самосвал?

– Мой,– дрожащим голосом отозвался парень.

– Как это произошло?

– Он ехал слишком медленно, – начал объяснять парень.– Я хотел обогнать, а навстречу вдруг выскочила «Волга».

– Он разбил нашу машину, пусть теперь заплатит, – услышал Хуршид голос жены.

Назира стояла рядом, слёзы уже высохли на её глазах.

– Конечно, заплатит, – сказал инспектор, рассматривая документы парня. – Подадите в суд, с него взыщут.

Вдруг откуда-то появилась старушка в чёрной бархатной безрукавке поверх длинного платья и кинулась к шоферу:

– Сыночек, сыночек! – кричала она. Потом, повернувшись к инспектору, рыдая схватила его за руку: – Простите нас, ради бога, простите нас, ведь он у меня один!

Хуршид не понимал, о чём говорят люди, откуда взялась эта сухонькая старушка в чёрной бархатной безрукавке, до боли напомнившая Хуршиду его родную мать.

Сердце его захолонуло: это старая женщина, кажется, мать парня-шофёра. Хуршид приблизился к ней.

– Не нужно просить, мать, никто ничего плохого вашему сыну не сделает.

– Господи, дай бог счастья вашим деткам, – радостно вздохнула старуха и обняла Хуршида.

– Не хотелось ведь ехать, – сказал шофер. – Стоит только мужчине послушать бабу... – и он грубо выругался. – Жена привязалась – привези да привези маму. Мама к сестре уезжала. А моя соскучилась, понимаешь, по свекрови, не может без неё жить.

Хуршид улыбнулся. Ему вдруг стал симпатичен и этот ругающий жену шофёр и сама жена – соскучившаяся, беспокоившаяся о свекрови.

– Будете подавать в суд? – спросил инспектор, составляя протокол при свете фонаря.

Хуршид молча посмотрел на Назиру.

– Это ещё зачем? – сказал он. – Мы здесь сами договоримся. Мало ли что в жизни бывает...

Инспектор пожал плечами. Старушка улыбнулась Хуршиду.

(Перевод Н. Владимировой, А. Атакузиева)

Давайте обсудим

1. Как вы думаете, можно ли назвать этот рассказ трагичным? В чём заключается трагизм? Обоснуйте свой ответ.
2. Как развиваются взаимоотношения матери и сына в рассказе?
3. Что делает человека по-настоящему богатым – материальные блага или духовные качества?
4. Как Хуршид оценивает свою жизнь?
5. Как изменился герой рассказа после происшествия на дороге?

Творческое задание

Творческая зарисовка

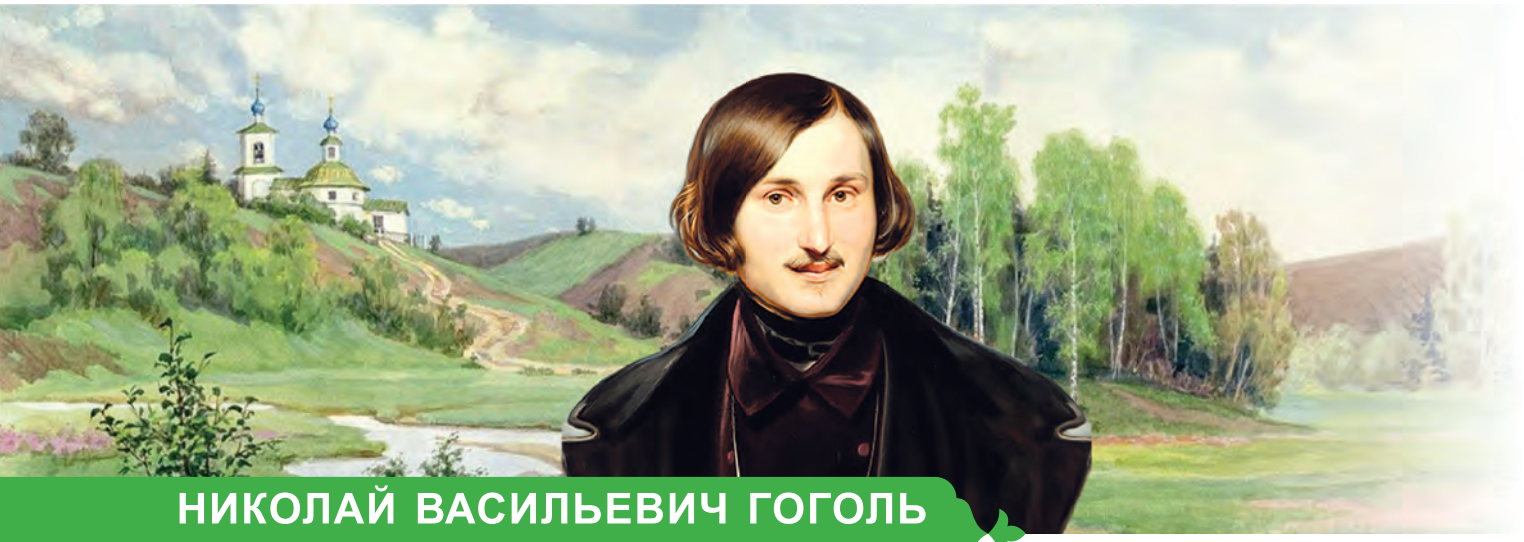
Создайте комикс по рассказу «Дорожное происшествие».

Рисунок 1: Фон – дорога, легковой автомобиль едет по ней. Текст (вверху): «Однажды на дороге произошло неожиданное событие...» Диалог водителя (внутри машины): «Всё идёт хорошо, но что-то впереди...»	**Рисунок 2:** Вид из окна машины – на дороге внезапно появляется пешеход или препятствие. Диалог водителя (с напряжением): «Стоп! Нужно срочно тормозить!»
Рисунок 3: Машина резко тормозит, почти останавливается, а рядом – другой участник движения (пешеход или другой водитель). Диалог другого героя: «Вы в порядке? Что случилось?» Водитель: «Да, к счастью, всё обошлось...»	**Рисунок 4:** Панель с внутренними мыслями героя (водителя): «Этот случай заставил меня задуматься... Совесть – это не пустой звук».
Рисунок 5: Диалог между героями, обсуждение ответственности и случайности. Другой герой: «В жизни многое зависит от наших решений». Водитель: «Важно не только что говоришь, но и что делаешь».	**Рисунок 6:** Финальный кадр – водитель смотрит вдаль, задумчивый. Текст внизу: «Этот случай изменил меня навсегда».

Домашнее задание

Напишите эссе на одну из тем:

1. «Что важнее в жизни: душевное тепло или материальный достаток?» (на примере отношений Хуршида и семьи Назиры)
2. «Испытания, которые меняют человека» (как авария повлияла на Хуршида и его взгляды на жизнь?)
3. «Материнская любовь как объединяющая сила» (сравнение образов матери Хуршида и матери шофёра)

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ (1809–1852)

Знакомство с автором

Николай Васильевич Гоголь – выдающийся русский писатель, один из основоположников критического реализма и предшественник «натуральной школы» 1840-х годов.

Его творчество является важной составляющей мирового литературного процесса и характеризуется уникальным сочетанием реализма и фантастики, яркой сатирой и глубокими философскими и социальными размышлениями. Основные произведения: «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Тарас Бульба», «Ревизор», «Мёртвые души».

Подготовка к встрече с текстом

О поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души»

Гоголь работал над первым томом поэмы «Мёртвые души» шесть лет, переделывая написанное много раз. Сюжет Гоголю подсказал А. С. Пушкин, который поведал Гоголю историю авантюриста, скупающего у помещиков мертвые души. Эта история дала возможность Гоголю описать российскую провинцию, все социальные слои современной ему России. Главный герой – Павел Иванович Чичиков, приехав в губернский город N., знакомится с влиятельными чиновниками, помещиками и отправляется в поместья Манилова, Коробочки, Ноздрёва, Собакевича, Плюшкина и скупает у них «мёртвые души». Потом Чичиков возвращается в город и принимает поздравление с удачной покупкой крепостных крестьян. Однако вскоре авантюра Чичикова раскрывается Ноздрёвым и Коробочкой. Развязка – поспешный отъезд Чичикова из города. Но сюжет произведения выходит за рамки истории жизни Чичикова. Главным героем произведения становится собирательный образ России.

В многочисленных лирических отступлениях автор восторгается родиной, народом. Это объясняет необычное жанровое определение «Мёртвых душ» – поэма, близкая к классическим образцам.

1. Почему Гоголь назвал своё произведение поэмой?
2. Что нового внёс в русскую реалистическую литературу Н. В. Гоголь?

Давайте поговорим

1. Каковы замысел и композиция первого тома «Мёртвых душ»?
2. Роль лирических отступлений в поэме «Мёртвые души».

Задание

Прочитайте поэму «Мёртвые души».

МЁРТВЫЕ ДУШИ

(Фрагменты)

ПОЭМА

Глава первая

В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, – словом, все те, которых называют господами средней руки. В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так чтобы слишком молод. Въезд его не произвёл в городе совершенно никакого шума и не был сопровождён ничем особенным; только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нём. «Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» – «Доедет», – отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» – «В Казань не доедет», – отвечал другой. Этим разговор и кончился. Да еще, когда бричка подъехала к гостинице, встретился молодой человек в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушеньями на моду, из-под которого видна была манишка, застёгнутая тульскою булавкою с бронзовым пистолетом. Молодой человек оборотился назад, посмотрел экипаж, придержал рукою картуз, чуть не слетевший от ветра, и пошёл своей дорогой. <…>

В приёмах своих господин имел что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвестно, как он это делал, но только нос его звучал, как труба. Это, по-видимому, совершенно невинное достоинство приобрело, однако ж, ему много уважения со стороны

трактирного слуги, так что он всякий раз, когда слышал этот звук, встряхивал волосами, выпрямливался почтительнее и, нагнувши с вышины свою голову, спрашивал: не нужно ли чего? После обеда господин выкушал чашку кофею и сел на диван, подложивши себе за спину подушку, которую в русских трактирах вместо эластической шерсти набивают чем-то чрезвычайно похожим на кирпич и булыжник. Тут начал он зевать и приказал отвести себя в свой нумер, где, прилегши, заснул два часа. Отдохнувши, он написал на лоскутке бумажки, по просьбе трактирного слуги, чин, имя и фамилию для сообщения куда следует, в полицию. На бумажке половой, спускаясь с лестницы, прочитал по складам следующее: «Коллежский советник Павел Иванович Чичиков, помещик, по своим надобностям». Когда половой всё ещё разбирал по складам записку, сам Павел Иванович Чичиков отправился посмотреть город, которым был, как казалось, удовлетворён, ибо нашёл, что город никак не уступал другим губернским городам: сильно била в глаза жёлтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных.

Глава вторая

Уже более недели приезжий господин жил в городе, разъезжая по вечеринкам и обедам и таким образом проводя, как говорится, очень приятно время. Наконец он решился перенести свои визиты за город и навестить помещиков Манилова и Собакевича, которым дал слово. Может быть, к сему побудила его другая, более существенная причина, дело более серьёзное, близшее к сердцу... <…>

Итак, отдавши нужные приказания ещё с вечера, проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись с ног до головы мокрою губкой, что делалось только по воскресным дням, а в тот день случись воскресенье, выбрившись таким образом, что щёки сделались настоящий атлас в рассуждении гладкости и лоска, надевши фрак брусничного цвета с искрой и потом шинель на больших медведях, он сошёл с лестницы, поддерживаемый под руку то с одной, то с другой стороны трактирным слугою, и сел в бричку. <…>

<…> Подъезжая ко двору, Чичиков заметил на крыльце самого хозяина, который стоял в зелёном шалоновом сюртуке, приставив руку ко лбу в виде зонтика над глазами, чтобы рассмотреть получше подъезжавший экипаж. По мере того как бричка близилась к крыльцу, глаза его делались веселее и улыбка раздвигалась более и более.

– Павел Иванович! – вскричал он наконец, когда Чичиков вылезал из брички. – Насилу вы таки нас вспомнили!

Оба приятеля очень крепко поцеловались, и Манилов увёл своего гостя в комнату. Хотя время, в продолжение которого они будут проходить сени, переднюю и столовую, несколько коротковато, но попробуем, не успеем ли как-нибудь им воспользоваться и сказать кое-что о хозяине дома. Но тут автор должен признаться, что подобное предприятие очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого размера; там просто бросай краски со всей руки на полотно, чёрные палящие глаза, нависшие брови, перерезанный морщиною лоб, перекинутый через плечо чёрный или алый, как огонь, плащ – и портрет готов; но вот эти все господа, которых много на свете, которые с вида очень похожи между собою, а между тем как приглядишься, увидишь много самых неуловимых особенностей, – эти господа страшно трудны для портретов. Тут придётся

сильно напрягать внимание, пока заставишь перед собою выступить все тонкие, почти невидимые черты, и вообще далеко придётся углублять уже изощрённый в науке выпытывания взгляд. Один Бог разве мог сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни сё, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы. Может быть, к ним следует примкнуть и Манилова. На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приёмах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства.

Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: «Какой приятный и добрый человек!» В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: «Чёрт знает что такое!» – и отойдёшь подальше; если ж не отойдёшь, почувствуешь скуку смертельную. От него не дождёшься никакого живого или хоть даже заносчивого слова, какое можешь услышать почти от всякого, если коснёшься задирающего его предмета. У всякого есть свой задор: у одного задор обратился на борзых собак; другому кажется, что он сильный любитель музыки и удивительно чувствует все глубокие места в ней; третий мастер лихо пообедать; четвёртый сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; пятый, с желанием более ограниченным, спит и грезит о том, как бы пройтиться на гулянье с флигель-адъютантом, напоказ своим приятелям, знакомым и даже незнакомым; шестой уже одарён такою рукою, которая чувствует желание сверхъестественное заломить угол какому-нибудь бубновому тузу или двойке, тогда как рука седьмого так и лезет произвести где-нибудь порядок, подобраться поближе к личности станционного смотрителя или ямщиков, – словом, у всякого есть своё, но у Манилова ничего не было. Дома он говорил очень мало и большею частию размышлял и думал, но о чём он думал, тоже разве Богу было известно. Хозяйством нельзя сказать чтобы он занимался, он даже никогда не ездил на поля, хозяйство шло как-то само собою. Когда приказчик говорил: «Хорошо бы, барин, то и то сделать», – «Да, недурно», – отвечал он обыкновенно, куря трубку, которую курить сделал привычку, когда ещё служил в армии, где считался скромнейшим, деликатнейшим и образованнейшим офицером. «Да, именно недурно», – повторял он. Когда приходил к нему мужик и, почесавши рукою затылок, говорил: «Барин, позволь отлучиться на работу, по́дать заработать», – «Ступай», – говорил он, куря трубку, и ему даже в голову не приходило, что мужик шёл пьянствовать. Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход или чрез пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян. При этом глаза его делались чрезвычайно сладкими и лицо принимало самое довольное выражение, впрочем, все эти прожекты так и оканчивались только одними словами. В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на четырнадцатой странице, которую он постоянно читал уже два года. В доме его чего-нибудь вечно недоставало: в гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шёлковой материей, которая, верно, стоила весьма недёшево; но на два кресла её недостало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочем, хозяин в продолжение нескольких лет всякий раз предостерегал своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла, они ещё не готовы». <…>

– Но позвольте прежде одну просьбу... – проговорил он голосом, в котором отдалось какое-то странное или почти странное выражение, и вслед за тем неизвестно отчего оглянулся назад. Манилов тоже неизвестно отчего оглянулся назад. – Как давно вы изволили подавать ревизскую сказку?

– Да уж давно; а лучше сказать, не припомню.

– Как с того времени много у вас умерло крестьян?

– А не могу знать; об этом, я полагаю, нужно спросить приказчика. Эй, человек, позови приказчика, он должен быть сегодня здесь.

Приказчик явился. Это был человек лет под сорок, бривший бороду, ходивший в сюртуке и, по-видимому, проводивший очень покойную жизнь, потому что лицо его глядело какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвет кожи и маленькие глаза показывали, что он знал слишком хорошо, что такое пуховики и перины. Можно было видеть тотчас, что он совершил своё поприще, как совершают его все господские приказчики: был прежде просто грамотным мальчишкой в доме, потом женился на какой-нибудь Агашке-ключнице, барыниной фаворитке, сделался сам ключником, а там и приказчиком. А сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все приказчики: водился и кумился с теми, которые на деревне были побогаче, подбавлял на тягла победнее, проснувшись в девятом часу утра, поджидал самовара и пил чай.

– Послушай, любезный! сколько у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ревизию?

– Да как сколько? Многие умирали с тех пор, – сказал приказчик и при этом икнул, заслонив рот слегка рукою, наподобие щитка.

– Да, признаюсь, я сам так думал, – подхватил Манилов, – именно, очень многие умирали! – Тут он оборотился к Чичикову и прибавил ещё: – Точно, очень многие.

– А как, например, числом? – спросил Чичиков.

– Да, сколько числом? – подхватил Манилов.

– Да как сказать числом? Ведь неизвестно, сколько умирало, их никто не считал.

– Да, именно, – сказал Манилов, обратясь к Чичикову, – я тоже предполагал, большая смертность; совсем неизвестно, сколько умерло.

– Ты, пожалуйста, их перечти, – сказал Чичиков, – и сделай подробный реестрик всех поименно.

– Да, всех поименно, – сказал Манилов.

Приказчик сказал: «Слушаю!» – и ушёл.

– А для каких причин вам это нужно? – спросил по уходе приказчика Манилов.

Этот вопрос, казалось, затруднил гостя, в лице его показалось какое-то напряжённое выражение, от которого он даже покраснел, – напряжение что-то выразить, не совсем покорное словам. И в самом деле, Манилов наконец услышал такие странные и необыкновенные вещи, каких ещё никогда не слыхали человеческие уши.

– Вы спрашиваете, для каких причин? причины вот какие: я хотел бы купить крестьян... – сказал Чичиков, заикнулся и не кончил речи.

– Но позвольте спросить вас, – сказал Манилов, – как желаете вы купить крестьян: с землёю или просто на вывод, то есть без земли?

– Нет, я не то чтобы совершенно крестьян, – сказал Чичиков, – я желаю иметь мёртвых...

– Как-с? извините... я несколько туг на ухо, мне послышалось престранное слово...

– Я полагаю приобресть мёртвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии как живые, – сказал Чичиков. <…>.

<…> Манилов совершенно растерялся. Он чувствовал, что ему нужно что-то сделать, предложить вопрос, а какой вопрос – чёрт его знает. Кончил он наконец тем, что выпустил опять дым, но только уже не ртом, а чрез носовые ноздри.

– Итак, если нет препятствий, то с Богом можно бы приступить к совершению купчей крепости, – сказал Чичиков.

– Как, на мёртвые души купчую?

– А, нет! – сказал Чичиков. – Мы напишем, что они живы, так, как стоит действительно в ревизской сказке. Я привык ни в чём не отступать от гражданских законов, хотя за это и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священное, закон – я немею пред законом.

Последние слова понравились Манилову, но в толк самого дела он всё-таки никак не вник и вместо ответа принялся насасывать свой чубук так сильно, что тот начал наконец хрипеть, как фагот. Казалось, как будто он хотел вытянуть из него мнение относительно такого неслыханного обстоятельства; но чубук хрипел и больше ничего.

– Может быть, вы имеете какие-нибудь сомнения?

– О! помилуйте, ничуть. Я не насчёт того говорю, чтобы имел какое-нибудь, то есть, критическое предосуждение о вас. Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или, чтоб ещё более, так сказать, выразиться, негоция, – так не будет ли эта негоция несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России?

Здесь Манилов, сделавши некоторое движение головою, посмотрел очень значительно в лицо Чичикова, показав во всех чертах лица своего и в сжатых губах такое глубокое выражение, какого, может быть, и не видано было на человеческом лице, разве только у какого-нибудь слишком умного министра, да и то в минуту самого головоломного дела.

Но Чичиков сказал просто, что подобное предприятие, или негоция, никак не будет несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России, а чрез минуту потом прибавил, что казна получит даже выгоды, ибо получит законные пошлины.

– Так вы полагаете?..

– Я полагаю, что это будет хорошо.

– А, если хорошо, это другое дело: я против этого ничего, – сказал Манилов и совершенно успокоился.

– Теперь остаётся условиться в цене.

– Как в цене? – сказал опять Манилов и остановился. – Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде окончили своё существование? Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, то с своей стороны я передаю их вам безынтересно и купчую беру на себя. <…>

<…> Манилов был совершенно растроган. Оба приятеля долго жали друг другу руку и долго смотрели молча один другому в глаза, в которых видны были навернувшиеся слёзы. Манилов никак не хотел выпустить руки нашего героя и продолжал жать её так горячо, что тот уже не знал, как её выручить. Наконец, выдернувши её потихоньку, он сказал, что не худо бы купчую совершить поскорее и хорошо бы, если бы он сам понаведался в город. Потом взял шляпу и стал откланиваться. <…>

Давайте обсудим

Образ Манилова

1. Какое ключевое выражение использует автор, рассказывая о Манилове?
2. Что привлекает в портрете Манилова?
3. Чего в характере Манилова, по мнению автора, было чересчур много?
4. Почему, рисуя нравственную деградацию дворян, автор начинает посещение Чичиковым помещиков именно с Манилова?

Глава четвертая

<…> Лицо Ноздрёва верно уже сколько-нибудь знакомо читателю. Таких людей приходилось всякому встречать немало. Они называются разбитными малыми, слывут ещё в детстве и в школе за хороших товарищей и при всём том бывают весьма больно поколачиваемы. В их лицах всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успеешь оглянуться, как уже говорят тебе «ты». Дружбу заведут, кажется, навек: но всегда почти так случается, что подружившийся подерётся с ними того же вечера на дружеской пирушке. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народ видный. Ноздрёв в тридцать пять лет был таков же совершенно, каким был в осьмнадцать и двадцать: охотник погулять. Женитьба его ничуть не переменила, тем более что жена скоро отправилась на тот свет, оставивши двух ребятишек, которые решительно ему были не нужны. За детьми, однако ж, присматривала смазливая нянька. Дома он больше дня никак не мог усидеть. Чуткий нос его слышал за несколько десятков вёрст, где была ярмарка со всякими съездами и балами; он уж в одно мгновенье ока был там, спорил и заводил сумятицу за зелёным столом, ибо имел, подобно всем таковым, страстишку к картишкам. В картишки, как мы уже видели из первой главы, играл он не совсем безгрешно и чисто, зная много разных передержек и других тонкостей, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густым и очень хорошим бакенбардам, так что возвращался домой он иногда с одной только бакенбардой, и то довольно жидкой. Но здоровые и полные щёки его так хорошо были сотворены и вмещали в себе столько растительной силы, что бакенбарды скоро вырастали вновь, ещё даже лучше прежних. И что всего страннее, что может только на одной Руси случиться, он чрез несколько времени уже встречался опять с теми приятелями, которые его тузили, и встречался как ни в чём не бывало, и он, как говорится, ничего, и они ничего.

Ноздрёв был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории. Какая-нибудь история непременно происходила: или выведут его под руки из зала жандармы, или принуждены бывают вытолкать свои же приятели. Если же этого не случится, то всё-таки что-нибудь да будет такое, чего с другим никак не будет: или нарежется в буфете таким образом, что только смеётся, или проврётся самым жестоким образом, так что наконец самому сделается совестно. И наврёт совершенно без всякой нужды: вдруг расскажет, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти, и тому подобную чепуху, так что слушающие наконец все отходят, произнесши: «Ну, брат, ты, кажется, уже начал пули лить». Есть люди, имею-

щие страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе без всякой причины. Иной, например, даже человек в чинах, с благородною наружностью, со звездой на груди, будет вам жать руку, разговорится с вами о предметах глубоких, вызывающих на размышления, а потом, смотришь, тут же, пред вашими глазами, и нагадит вам. И нагадит так, как простой коллежский регистратор, а вовсе не так, как человек со звездой на груди, разговаривающий о предметах, вызывающих на размышление, так что стоишь только да дивишься, пожимая плечами, да и ничего более. Такую же странную страсть имел и Ноздрёв. Чем кто ближе с ним сходился, тому он скорее всех насаливал: распускал небылицу, глупее которой трудно выдумать, расстроивал свадьбу, торговую сделку и вовсе не почитал себя вашим неприятелем; напротив, если случай приводил его опять встретиться с вами, он обходился вновь по-дружески и даже говорил: «Ведь ты такой подлец, никогда ко мне не заедешь». Ноздрёв во многих отношениях был многосторонний человек, то есть человек на все руки. В ту же минуту он предлагал вам ехать куда угодно, хоть на край света, войти в какое хотите предприятие, менять всё что ни есть на всё, что хотите. Ружьё, собака, лошадь – всё было предметом мены, но вовсе не с тем, чтобы выиграть: это происходило просто от какой-то неугомонной юркости и бойкости характера. Если ему на ярмарке посчастливилось напасть на простака и обыграть его, он накупал кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза в лавках: хомутов, курительных свечек, платков для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойник, голландского холста, крупичатой муки, табаку, пистолетов, селёдок, картин, точильный инструмент, горшков, сапогов, фаянсовую посуду – насколько хватало денег. Впрочем, редко случалось, чтобы это было довезено домой; почти в тот же день спускалось оно всё другому, счастливейшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка с кисетом и мундштуком, а в другой раз и вся четверня со всем: с коляской и кучером, так что сам хозяин отправлялся в коротеньком сюртучке или архалуке искать какого-нибудь приятеля, чтобы попользоваться его экипажем. Вот какой был Ноздрёв! Может быть, назовут его характером избитым, станут говорить, что теперь нет уже Ноздрёва. Увы! несправедливы будут те, которые станут говорить так. Ноздрёв долго ещё не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане; но легкомысленно-непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком. <…>

Задание

Создайте портреты помещиков Манилова и Ноздрёва с помощью опорной таблицы.

Имя, отчество, фамилия помещика, какие ассоциации они у вас вызывают	*
Описание процесса покупки «мёртвых душ»	*
Косплей портрета – выбрать в интернете портрет помещика и сфотографироваться, подражая ему	*

Давайте обсудим

1. Образ Манилова в поэме «Мёртвые души» на первый взгляд не вызывает отвращения: персонаж не является гнусным и лживым мошенником. Но «маниловщина» – это разрушительное явление. Попробуйте продолжить синонимический ряд: мечтательность, бездеятельность… Ваше отношение к «маниловщине».

2. Прочитайте описание внешности Ноздрёва. Почему автор называет его «историческим человеком»? Приведите примеры из текста.

Домашнее задание

Выделите детали, с помощью которых создаётся портретная характеристика помещиков. Напишите мини-эссе: портреты Манилова и Ноздрёва (по выбору).

Глава шестая

…Покамест Чичиков думал и внутренно посмеивался над прозвищем, отпущенным мужиками Плюшкину, он не заметил, как въехал в средину обширного села со множеством изб и улиц. Скоро, однако же, дал заметить ему это препорядочный толчок, произведённый бревенчатою мостовою, пред которою городская каменная была ничто. Эти брёвна, как фортепьянные клавиши, подымались то вверх, то вниз, и необеregшийся ездок приобретал или шишку на затылок, или синее пятно на лоб, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостик собственного же языка. Какую-то особенную ветхость заметил он на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили, как решето; на иных оставался только конёк вверху да жерди по сторонам в виде рёбр. Кажется, сами хозяева снесли с них дранье и тёс, рассуждая, и, конечно, справедливо, что в дождь избы не кроют, а в вёдро и сама не каплет, бабиться же в ней незачем, когда есть простор и в кабаке, и на большой дороге, – словом, где хочешь. Окна в избёнках были без стёкол, иные были заткнуты тряпкой или зипуном; балкончики под крышами с перилами, неизвестно для каких причин делаемые в иных русских избах, покосились и почернели даже не живописно. Из-за изб тянулись во многих местах рядами огромные клади хлеба, застоявшиеся, как видно, долго; цветом походили они на старый, плохо выжженный кирпич, на верхушке их росла всякая дрянь, и даже прицепился сбоку кустарник. Хлеб, как видно, был господский. Из-за хлебных кладей и ветхих крыш возносились и мелькали на чистом воздухе, то справа, то слева, по мере того как бричка делала повороты, две сельские церкви, одна возле другой: опустевшая деревянная и каменная, с жёлтенькими стенами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями стал выказываться господский дом и наконец глянул весь в том месте, где цепь изб прервалась и наместо их остался пустырём огород или капустник, обнесённый низкою, местами изломанною городьбою. Каким-то дряхлым инвалидом глядел сей странный замок, длинный, длинный непомерно. Местами был он в один этаж, местами в два; на тёмной крыше, не везде надёжно защищавшей его старость, торчали два бельведера,

один против другого, оба уже пошатнувшиеся, лишённые когда-то покрывавшей их краски. Стены дома ощеливали местами нагую штукатурную решётку и, как видно, много потерпели от всяких непогод, дождей, вихрей и осенних перемен. Из окон только два были открыты, прочие были заставлены ставнями или даже забиты досками. Эти два окна, с своей стороны, были тоже подслеповаты; на одном из них темнел наклеенный треугольник из синей сахарной бумаги. <…>

Он вступил в тёмные широкие сени, от которых подуло холодом, как из погреба. Из сеней он попал в комнату, тоже тёмную, чуть-чуть озарённую светом, выводившим из-под широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, он наконец очутился в свету и был поражен представшим беспорядком. Казалось, как будто в доме происходило мытьё полов и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одном столе стоял даже сломанный стул, и рядом с ним часы с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину. Тут же стоял прислонённый боком к стене шкаф с старинным серебром, графинчиками и китайским фарфором. На бюре, выложенном перламутною мозаикой, которая местами уже выпала и оставила после себя одни жёлтенькие желобки, наполненные клеем, лежало множество всякой всячины: куча исписанных мелко бумажек, накрытых мраморным позеленевшим прессом с яичком наверху, какая-то старинная книга в кожаном переплёте с красным обрезом, лимон, весь высохший, ростом не более лесного ореха, отломленная ручка кресел, рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом, кусочек сургучика, кусочек где-то поднятой тряпки, два пера, запачканные чернилами, высохшие, как в чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин, может быть, ковырял в зубах своих ещё до нашествия на Москву французов.

По стенам навешано было весьма тесно и бестолково несколько картин: длинный пожелтевший гравюр какого-то сражения, с огромными барабанами, кричащими солдатами в треугольных шляпах и тонущими конями, без стекла, вставленный в раму красного дерева с тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по углам. В ряд с ними занимала полстены огромная почерневшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цветы, фрукты, разрезанный арбуз, кабанью морду и висевшую головою вниз утку. С середины потолка висела люстра в холстинном мешке, от пыли сделавшаяся похожею на шёлковый кокон, в котором сидит червяк. В углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубее и что недостойно лежать на столах. Что именно находилось в куче, решить было трудно, ибо пыли на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки; заметнее прочего высовывался оттуда отломленный кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никак бы нельзя было сказать, чтобы в комнате сей обитало живое существо, если бы не возвещал его пребыванье старый, поношенный колпак, лежавший на столе.

Давайте обсудим

1. Какое сравнение использует Гоголь, говоря о доме Плюшкина?
2. Опишите комнату в доме Плюшкина. Выделите детали, с помощью которых создаётся образ беспорядка. Как описание жилища соотносится с образом его владельца?

Пока он рассматривал всё странное убранство, отворилась боковая дверь и взошла та же самая ключница, которую встретил он на дворе. Но тут увидел он, что это был скорее ключник, чем ключница: ключница по крайней мере не бреет бороды, а этот, напротив того, брил, и, казалось, довольно редко, потому что весь подбородок с нижней частью щеки походил у него на скребницу из железной проволоки, какою чистят на конюшне лошадей. Чичиков, давши вопросительное выражение лицу своему, ожидал с нетерпеньем, что хочет сказать ему ключник. Ключник тоже с своей стороны ожидал, что хочет ему сказать Чичиков. Наконец последний, удивлённый таким странным недоумением, решился спросить:

– Что ж барин? у себя, что ли?

– Здесь хозяин, – сказал ключник.

– Где же? – повторил Чичиков.

– Что, батюшка, слепы-то, что ли? – сказал ключник. – Эхва! А вить хозяин-то я!

Здесь герой наш поневоле отступил назад и поглядел на него пристально. Ему случалось видеть немало всякого рода людей, даже таких, каких нам с читателем, может быть, никогда не придётся увидать; но такого он ещё не видывал. Лицо его не представляло ничего особенного; оно было почти такое же, как у многих худощавых стариков, один подбородок только выступал очень далеко вперёд, так что он должен был всякий раз закрывать его платком, чтобы не заплевать; маленькие глазки ещё не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши, когда, высунувши из тёмных нор остренькие морды, насторожа уши и моргая усом, они высматривают, не затаился ли где кот или шалун мальчишка, и нюхает подозрительно самый воздух. Гораздо замечательнее был наряд его: никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, из чего состряпан был его халат: рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идёт на сапоги; назади вместо двух болталось четыре полы, из которых охлопьями лезла хлопчатая бумага. На шее у него тоже было повязано что-то такое, которого нельзя было разобрать: чулок ли, подвязка ли, или набрюшник, только никак не галстук. Словом, если бы Чичиков встретил его, так принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош. Ибо к чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно и он не мог никак удержаться, чтобы не подать бедному человеку медного гроша. Но пред ним стоял не нищий, пред ним стоял помещик. У этого помещика была тысяча с лишком душ, и попробовал бы кто найти у кого другого столько хлеба зерном, мукою и просто в кладях, у кого бы кладовые, амбары и сушилы загромождены были таким множеством холстов, сукон, овчин выделанных и сыромятных, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. <…>.

А ведь было время, когда он только был бережливым хозяином! был женат и семьянин, и сосед заезжал к нему пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Всё текло живо и совершалось размеренным ходом: двигались мельницы, валяльни, работали суконные фабрики, столярные станки, прядильни; везде во всё входил зоркий взгляд хозяина и, как трудолюбивый паук, бегал хлопотливо, но расторопно, по всем концам своей хозяйственной паутины. Слишком сильные чувства не отражались в чертах лица его, но в глазах был виден ум; опытностию и познанием света была проникнута речь его, и гостю было приятно его слушать; приветливая и говорливая хозяйка славилась хлебосольством; навстречу выходили две миловидные дочки, обе белокурые и свежие, как розы; выбегал

сын, разбитной мальчишка, и целовался со всеми, мало обращая внимания на то, рад ли, или не рад был этому гость. В доме были открыты все окна, антресоли были заняты квартирою учителя француза, который славно брился и был большой стрелок: приносил всегда к обеду тетерек или уток, а иногда и одни воробьиные яйца, из которых заказывал себе яичницу, потому что больше в целом доме никто её не ел. На антресолях жила также его компатриотка, наставница двух девиц. Сам хозяин являлся к столу в сюртуке, хотя несколько поношенном, но опрятном, локти были в порядке: нигде никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а с ними мелких забот, перешла к нему. Плюшкин стал беспокойнее и, как все вдовцы, подозрительнее и скупее. <…>.

<…> Он уже позабывал сам, сколько у него было чего, и помнил только, в каком месте стоял у него в шкафу графинчик с остатком какой-нибудь настойки, на котором он сам сделал наметку, чтобы никто воровским образом её не выпил, да где лежало перышко или сургучик. А между тем в хозяйстве доход собирался по-прежнему: столько же оброку должен был принесть мужик, таким же приносом орехов облажена была всякая баба, столько же поставов холста должна была наткать ткачиха, – всё это сваливалось в кладовые, и всё становилось гниль и прореха, и сам он обратился наконец в какую-то прореху на человечестве. <…>

<…> Итак, вот какого рода помещик стоял перед Чичиковым! Должно сказать, что подобное явление редко попадается на Руси, где всё любит скорее развернуться, нежели съёжиться, и тем поразительнее бывает оно, что тут же в соседстве подвернётся помещик, кутящий во всю ширину русской удали и барства, прожигающий, как говорится, насквозь жизнь. Небывалый проезжий остановится с изумлением при виде его жилища, недоумевая, какой владетельный принц очутился внезапно среди маленьких, тёмных владельцев: дворцами глядят его белые каменные домы с бесчисленным множеством труб, бельведеров, флюгеров, окружённые стадом флигелей и всякими помещеньями для приезжих гостей. Чего нет у него? Театры, балы; всю ночь сияет убранный огнями и плошками, оглашённый громом музыки сад. Полгубернии разодето и весело гуляет под деревьями, и никому не является дикое и грозящее в сем насильственном освещении, когда театрально выскакивает из древесной гущи озарённая поддельным светом ветвь, лишённая своей яркой зелени, а вверху темнее, и суровее, и в двадцать раз грознее является чрез то ночное небо и, далеко трепеща листьями в вышине, уходя глубже в непробудный мрак, негодуют суровые вершины дерев на сей мишурный блеск, осветивший снизу их корни. <…>

Давайте поговорим

1. Какую роль играет деталь (деревянное лицо) в портретной характеристике Плюшкина?
2. Выделите этапы трансформации из бережливого хозяина в «какую-то прореху на человечестве».

– Я давненько не вижу гостей, – сказал он, – да, признаться сказать, в них мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ездить друг к другу, а в хозяйстве-то упу-

щения... да и лошадей их корми сеном! Я давно уж отобедал, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсем развалилась: начнёшь топить, ещё пожару наделаешь.

«Вон оно как! – подумал про себя Чичиков. – Хорошо же, что я у Собакевича перехватил ватрушку да ломоть бараньего бока».

– И такой скверный анекдот, что сена хоть бы клок в целом хозяйстве! – продолжал Плюшкин. – Да и в самом деле, как прибережёшь его? землишка маленькая, мужик ленив, работать не любит, думает, как бы в кабак... того и гляди пойдёшь на старости лет по миру!

– Мне, однако же, сказывали, – скромно заметил Чичиков, – что у вас более тысячи душ.

– А кто это сказывал? А вы бы, батюшка, наплевали в глаза тому, который это сказывал! Он, пересмешник, видно, хотел пошутить над вами. Вот, бают, тысячи душ, а поди-тка сосчитай, а и ничего не начтёшь! Последние три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный куш мужиков.

– Скажите! и много выморила? – воскликнул Чичиков с участием.

– Да, снесли многих.

– А позвольте узнать: сколько числом?

– Душ восемьдесят.

– Нет?

– Не стану лгать, батюшка.

– Позвольте ещё спросить: ведь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи последней ревизии?

– Это бы ещё слава Богу, – сказал Плюшкин, – да лих-то, что с того времени до ста двадцати наберется.

– Вправду? Целых сто двадцать? – воскликнул Чичиков и даже разинул несколько рот от изумления.

– Стар я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десяток живу! – сказал Плюшкин. Он, казалось, обиделся таким почти радостным восклицанием. Чичиков заметил, что в самом деле неприлично подобное безучастие к чужому горю, и потому вздохнул тут же и сказал, что соболезнует.

– Да ведь соболезнование в карман не положишь, – сказал Плюшкин. – Вот возле меня живет капитан; чёрт знает его, откуда взялся, говорит – родственник: «Дядюшка, дядюшка!» – и в руку целует, а как начнёт соболезновать, вой такой подымет, что уши береги. С лица весь красный: пеннику, чай, насмерть придерживается. Верно, спустил денежки, служа в офицерах, или театральная актриса выманила, так вот он теперь и соболезнует!

Чичиков постарался объяснить, что его соболезнование совсем не такого рода, как капитанское, и что он не пустыми словами, а делом готов доказать его и, не откладывая дела далее, без всяких обиняков, тут же изъявил готовность принять на себя обязанность платить подати за всех крестьян, умерших такими несчастными случаями. Предложение, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Он, вытаращив глаза, долго смотрел на него и наконец спросил:

– Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?

– Нет, – отвечал Чичиков довольно лукаво, – служил по статской.

– По статской? – повторил Плюшкин и стал жевать губами, как будто что-нибудь кушал. – Да ведь как же? Ведь это вам самим-то в убыток?

– Для удовольствия вашего готов и на убыток.

– Ах, батюшка! ах, благодетель мой! – вскрикнул Плюшкин, не замечая от радости, что у него из носа выглянул весьма некартинно табак, на образец густого кофия, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для рассматриванья. – Вот утешили старика! Ах, Господи Ты мой! ах, святители вы мои!.. – Далее Плюшкин и говорить не мог. Но не прошло и минуты, как эта радость, так мгновенно показавшаяся на деревянном лице его, так же мгновенно и прошла, будто её вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выражение. Он даже утёрся платком и, свернувши его в комок, стал им возить себя по верхней губе.

– Как же, с позволения вашего, чтобы не рассердить вас, вы за всякий год берётесь платить за них подать? и деньги будете выдавать мне или в казну?

– Да мы вот как сделаем: мы совершим на них купчую крепость, как бы они были живые и как бы вы их мне продали.

– Да, купчую крепость... – сказал Плюшкин, задумался и стал опять кушать губами. – Ведь вот купчую крепость – всё издержки. Приказные такие бессовестные! Прежде, бывало, полтиной меди отделаешься да мешком муки, а теперь пошли целую подводу круп, да и красную бумажку прибавь, такое сребролюбие! Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание; сказал бы какое-нибудь поучение: ведь что ни говори, а против слова-то Божия не устоишь.

«Ну, ты, я думаю, устоишь!» – подумал про себя Чичиков и произнёс тут же, что, из уважения к нему, он готов принять даже издержки по купчей на свой счёт. <…>

<…> И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! мог так измениться! И похоже это на правду? Всё похоже на правду, всё может статься с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаёт назад и обратно! Могила милосерднее её, на могиле напишется: «Здесь погребён человек!» – но ничего не прочитаешь в хладных, бесчувственных чертах бесчеловечной старости. <…>

Давайте поговорим

1. Почему имя Плюшкин стало нарицательным?
2. Может ли герой измениться?
3. Определите главную мысль лирического размышления автора: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!»

Глава одиннадцатая

<…> Бричка между тем поворотила в более пустынные улицы; скоро потянулись одни длинные деревянные заборы, предвещавшие конец города. Вот уже и мостовая кончилась, и шлагбаум, и город назади, и ничего нет, и опять в дороге. И опять по обеим сторонам столбового пути пошли вновь писать вёрсты, станционные смотрители, колодцы, обозы, серые деревни с самоварами, бабами и бойким бородатым хозяином, бегущим из постоялого двора с овсом в руке, пешеход в протёртых лаптях, плетущийся за восемьсот вёрст, городишки, выстроенные живьём, с деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядные и по ту сторону и по другую, помещичьи рыдваны, солдат верхом на лошади, везущий зелёный ящик с свинцовым горохом и подписью: такой-то артиллерийской батареи, зелёные, жёлтые и свежеразрытые чёрные полосы, мелькающие по степям, затянутая вдали песня, сосновые верхушки в тумане, пропадающий далече колокольный звон, вороны как мухи и горизонт без конца... Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприютно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчанные дерзкими дивами искусства, города с многооконными высокими дворцами, вросшими в утёсы, картинные дерева и плющи, вросшие в домы, в шуме и в вечной пыли водопадов; не опрокинется назад голова посмотреть на громоздящиеся без конца над нею и в вышине каменные глыбы; не блеснут сквозь наброшенные одна на другую тёмные арки, опутанные виноградными сучьями, плющами и несметными миллионами диких роз, не блеснут сквозь них вдали вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные ясные небеса. Открыто-пустынно и ровно всё в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечёт к тебе? Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовёт, и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают, и стремятся в душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. И ещё, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжёлое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!. <…>

Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! и как чудна она сама, эта дорога: ясный день, осенние листья, холодный воздух... покрепче в дорожную шинель, шапку на уши, тесней и уютней прижмемся к углу! В последний раз пробежавшая дрожь прохватила члены, и уже сменила её приятная теплота. Кони мчатся... как соблазнительно крадётся дремота и смежаются очи, и уже сквозь сон слышатся и «Не белы снеги», и сап лошадей, и шум колёс, и уже храпишь, прижавши к углу своего

соседа. Проснулся: пять станций убежало назад; луна, неведомый город, церкви с старинными деревянными куполами и чернеющими остроконечьями, тёмные бревенчатые и белые каменные дома. Сияние месяца там и там: будто белые полотняные платки развешались по стенам, по мостовой, по улицам; косяками пересекают их чёрные, как уголь, тени; подобно сверкающему металлу блистают вкось озарённые деревянные крыши, и нигде ни души – всё спит. Один-одинешенек, разве где-нибудь в окошке брезжит огонёк: мещанин ли городской тачает свою пару сапогов, пекарь ли возится в печурке – что до них? А ночь! Небесные силы! какая ночь совершается в вышине! А воздух, а небо, далёкое, высокое, там, в недоступной глубине своей, так необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!.. Но дышит свежо в самые очи холодное ночное дыхание и убаюкивает тебя, и вот уже дремлешь и забываешься, и храпишь, и ворочается сердито, почувствовав на себе тяжесть, бедный, притиснутый в углу сосед. Проснулся – и уже опять перед тобою поля и степи, нигде ничего – везде пустырь, всё открыто. Верста с цифрой летит тебе в очи; занимается утро; на побелевшем холодном небосклоне золотая бледная полоса; свежее и жёстче становится ветер: покрепче в тёплую шинель!.. какой славный холод! какой чудный, вновь обнимающий тебя сон! Толчок – и опять проснулся. На вершине неба солнце. «Полегче! легче!» – слышится голос, телега спускается с кручи: внизу плотина широкая и широкий ясный пруд, сияющий, как медное дно, перед солнцем; деревня, избы рассыпались на косогоре; как звезда, блестит в стороне крест сельской церкви; болтовня мужиков и невыносимый аппетит в желудке... Боже! как ты хороша подчас, далёкая, далёкая дорога! Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грёз, сколько перечувствовалось дивных впечатлений!.. Но и друг наш Чичиков чувствовал в это время не вовсе прозаические грёзы. А посмотрим, что он чувствовал. Сначала он не чувствовал ничего и поглядывал только назад, желая увериться, точно ли выехал из города; но когда увидел, что город уже давно скрылся, ни кузниц, ни мельниц, ни всего того, что находится вокруг городов, не было видно и даже белые верхушки каменных церквей давно ушли в землю, он занялся только одной дорогою, посматривал только направо и налево, и город N как будто не бывал в его памяти, как будто проезжал он его давно, в детстве. Наконец и дорога перестала занимать его, и он стал слегка закрывать глаза и склонять голову к подушке. Автор, признается, этому даже рад, находя, таким образом, случай поговорить о своём герое; ибо доселе, как читатель видел, ему беспрестанно мешали то Ноздрёв, то балы, то дамы, то городские сплетни, то, наконец, тысячи тех мелочей, которые кажутся только тогда мелочами, когда внесены в книгу, а покамест обращаются в свете, почитаются за весьма важные дела. Но теперь отложим совершенно всё в сторону и прямо займёмся делом. <…>.

<…>Селифан только помахивал да покрикивал: «Эх! эх! эх!» – плавно подскакивая на козлах, по мере того как тройка то взлетала на пригорок, то неслась духом с пригорка, которыми была усеяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть заметным накатом вниз. Чичиков только улыбался, слегка подлётывая на своей кожаной подушке, ибо любил быструю езду. И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «чёрт побери всё!» – его ли душе

не любить ее? её ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и всё летит: летят вёрсты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с тёмными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мельканье, где не успевает означиться пропадающий предмет, – только небо над головою, да лёгкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижны. Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать вёрсты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьём с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит чёрт знает на чём; а привстал, да замахнулся, да затянул песню – кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход – и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несёшься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади. Остановился поражённый Божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несёшься ты? дай ответ. Не даёт ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земле, и, косясь, посторанивают и дают ей дорогу другие народы и государства.

Давайте поговорим

Итоговые вопросы и задания по поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души»

1. В поэме, как лироэпическом произведении, обязательно присутствует лирическое начало. В «Мёртвых душах» оно выражено в лирических отступлениях, где звучит голос автора. Определите роль лирического отступления о «птице-тройке» и будущем России.
2. Какова авторская оценка персонажа и способы её выражения?
3. Как автор определяет жанровую специфику «Мёртвых душ»?
4. Почему Плюшкин завершает галерею образов – помещиков? Чем Плюшкин отличается от остальных помещиков?
5. Как вы думаете, почему первый том завершается размышлениями о Руси?
6. Выучите наизусть лирическое отступление о птице-тройке (от слов: «Эх, тройка, птица-тройка!» до конца главы – до слов: «и дают ей дорогу другие народы и государства»).

ТАГАЙ МУРАД (1948–2003)

Знакомство с автором

Тагай Мурад – литературный псевдоним узбекского писателя Тагаймурада Менгнарова, уроженца селения Хужасоат Денауского района Сурхандарьинской области. В своём творчестве Тагай Мурад поднимает важные социальные и нравственные вопросы. Его волнует, каким должен быть человек: как он относится к труду, к людям, какие качества ценит в себе и окружающих. Долг, обязанность, трудолюбие, мужество, честность, искренность, доброжелательность – вот те человеческие качества, которые получают воплощение в творчестве писателя. Всеми перечисленными качествами обладает и герой повести Тагая Мурада «Сумерки, когда заржал конь» простой пастух Зиёдулла.

Подготовка к встрече с текстом

О повести «Сумерки, когда заржал конь»

Повесть Тагая Мурада «Сумерки, когда заржал конь» интересна авторскими «находками» в создании яркого национального характера. Повествование ведётся от лица пастуха Зиёдуллы-наездника, мастера улака (национальная узбекская конная игра), который, обращаясь к читателям, говорит: «Братья», как принято в дастанах. Это подчёркивает связь героя с культурными корнями народа.

Герой повести – простой пастух Зиёдулла. Его любовь к своему коню Тарлану чиста и естественна, как и любовь человека к природе. Тарлан – скакун, неоднократный победитель конских состязаний, сильный, гордый, красивый и выносливый. Через образ Тарлана писатель показывает внутренний мир Зиёдуллы, его благородство и верность нравственным идеалам.

1. В чём заключается новаторство Тагая Мурада в узбекской прозе XX века?
2. Знаете ли вы, что такое улак? Нравится ли вам это состязание?

Задание

Прочитайте повесть «Сумерки, когда заржал конь».

СУМЕРКИ, КОГДА ЗАРЖАЛ КОНЬ

ПОВЕСТЬ

(Фрагменты)

Братья, беда, беда!

Проснулся я однажды утром, провёл рукой по голове и обнаружил там что-то неладное. Но значения этому не придал. И даже матери не сказал.

С каждым днём болячки разрастались. Зудило как настоящая чесотка. Пошёл я к фельдшеру нашего кишлака. Он брезгливо сморщился, бросил «фу». Повёз он меня в больницу в Юрчи. По дороге я выпрыгнул из машины. Но фельдшер поймал и снова усадил в машину.

В больнице... Ох, что там было! Слов нет, этот доктор оказался человеком безжалостным. Ну и показали они мне, где черти водятся, братья...

У всех, у кого была плешь – заново выросли кудри. Моя же голова стала отливать ослепительным блеском. Ни одного волоска не проросло. Сами врачи удивлялись, сказали, редчайший случай. Горько плача от обиды, я возвратился домой. Матушка, увидев мою головушку, загоревала.

Купил я большущую шапку, натянул её до самых ушей и не снимал её ни зимой, ни летом. <...>

И с той поры ноги моей не было в школе. Приходили директор и классный руководитель, уговаривали меня. Мать заклинала. Всё равно я не вернулся. Так я и остался с головой пятиклассника.

Люди прозвали меня плешивым. Мол, Зиёдулла-плешивый! <...>

Поменял много работ, которые не требуют диплома. Был и сторожем, был и кочегаром. Под конец стал чабаном. Пас овец односельчан. На горных пастбищах играл на свирели. Но когда не стало хватать дыхания, раздобыл старую домбру. Домбра моя зазвучала, и я, глядя на бесконечную гряду холмов, на растекавшееся по холмам стадо, на беспрестанно щебечущих на горных вершинах птиц и на белые клубящиеся облака, взволнованно пел дастаны. Эти дастаны пели ещё наши деды на свадьбах в долгие зимние вечера – один умолкнет, другой подхватывает. Многих из тех старых людей уже нет в живых. Так, как пели они, никто уже не споёт. <…>

* * *

На время поручил отару напарнику. А сам, продав несколько голов своих овец, завязал деньги в поясной платок и отправился в Обокли, прихватив с собой искусного наездника Намаза. Обокли находится в Оккапчигае. Оккапчигай – это пустыня без конца и без края. Приехали мы сюда в поисках коня. Лошади есть и в других местах. Но лошади Обокли особенные.

Братья, у нас в Сурхане так говорят:

улак – конно-спортивное состязание, на котором всадники, участники состязания вырывают друг у друга козлиную тушу.

Мы выбирали коня целых два дня. В степях Обоклига коней полным-полно! Мчатся табунами, вздымая пыль. Каких только коней нет здесь! Жеребята по первому году – сосунки, трехлётки – стригунки, четырёхлетки – бегуны, зрелые – пятилетние кони. Кобылицы с таким крупом, что можешь ставить юрту! Могучие жеребцы!

Мы отловили одного коня, связали ему передние копыта. Промеж копыт ударили кулаком. Кулак не прошёл. Если бы прошёл – конь был бы хорош. Отпустили. Ещё одного осмотрели. Подошёёл бы, да брюхом не вышел – тут он был узок. И этого отпустили. Не подойдёт!

Братья, коня выбирай с брюхом быка, а быка – с брюхом как у коня!

Мы искали именно такого. Но такой не попадался. Конь с широким крупом тоже хорош. Но и такой нам не попадался. Разглядывая коней в табуне, мы заметили сивого коня. Отловили его. Осмотрели зубы. Хоть коню было семь лет, коренной зуб ещё не вырос. Обычно прорезается в пять лет. Выходит, теперь не вырастет. Конь без коренного зуба приносит счастье!

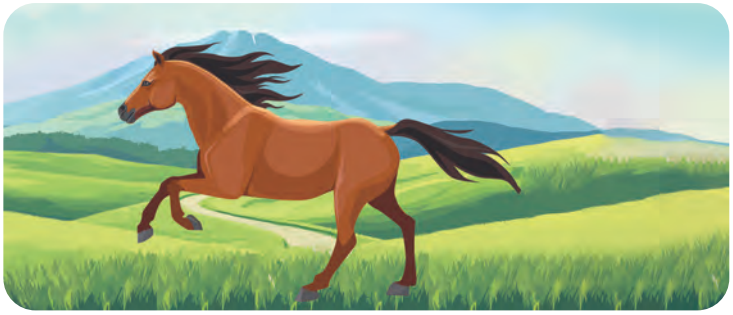
Братья, этот пришёлся мне по душе!

Отсчитал три тысячи и сел на него. Подвел я его к кузнице, что перед амбаром. Надел уздечку на морду сивого: привязал к нитке палочку и продел через ноздри. Когда он вертел головой, палочка врезалась в челюсть и сивый переставал дергаться. Его подковали. Дома, в дальнем углу двора соорудили ясли, привязал коня. Матушка наша была недовольна. Разве машина не лучше лошади, сказала она.

Братья, то, что называют машиной – ведь это железо! У неё нет души! Железо без души не может ужиться с человеком. Да, потому как у железа нет сердца! Лощадь же подходит человеку. Потому как у лошади есть душа, есть сердце!

Стал я ухаживать за своим сивым конём. Приучил к себе и к состязаниям с тушей козла. Мы с конём понимали друг друга хорошо. Как я его выхаживал и чему его научил – не скажу. Сглазите!

Братья, каким вы представляете себе сивого коня? Он как отбеленная бязь! А если у него предки породистые, то в девять лет он превратится в конюк-курганника. На его шкуре появляются тёмные пятна, похожие на родинки. С этих пор он не сивый, а конь Тарлан – конюк-курганник. Конюк-курганник – самый лучший конь! Из ста ***гнедых*** только один конь бывает хорошим! Из ста же масти конюк-курганник только один оказывается негодным!

Гнедой – это масть лошади. У гнедой лошади шерсть тёмно-коричневого цвета, а грива, хвост и ноги – чёрные.

Как Зиёдулла выбирал себе коня? Как он противопоставляет живого коня и машину?

Братья, если не разбираетесь в конях, выбирайте только из породы Тарланов!

Когда моему сивому исполнилось девять, моя радость выросла в десять раз. Братья, мой сивый превратился в коня Тарлана. Я стал владельцем настоящего Тарлана! Лучший из коней у меня, самый обвораживающий из коней у меня!

* * *

На тяжёлые работы Тарлана я не ставил. Когда пас овец в холмистой степи, Тарлан резвился под моим седлом. <...>

Тарлана прогуливал сорок дней. Он уже не мог стоять на одном месте. Он уже ходил, почти не касаясь земли копытами. Резвясь, взбрыкивая, он подпрыгивал до небес. Ему хотелось взлететь словно вихрь.

План по сбору хлопка был выполнен, начались празднества. Братья, нет на свете того, чего не знал бы конь. Снег, дождь, град конь чувствует заранее. А особенно предчувствует свадебные пиры. Потому как именно на свадьбах устраиваются скачки!

Наш Тарлан всю ночь фыркал. Я был обеспокоен. Накинул на плечи стеганый халат и вышел поглядеть на него. Луна яркая, небо ясное. Тарлан, не останавливаясь, бегал вокруг колышка. Поймав, погладил его гриву. Наверняка где-то свадьба, подумал про себя. Вернулся домой и лег спать.

Вышло, как я и думал. На другой день получили приглашение на свадьбу из соседнего кишлака Обшир. Я вычистил Тарлана. Из амбара вынес всё снаряжение коня – ***потник***, подстилку под седло, которая кладётся поверх второго потника, ***попону***, подпругу, подхвостник, уздечку, седельную подушку, седло со стременами. Оседлал Тарлана. Надел на него узду. На лоб ему повесил амулет из боярышника от дурного глаза. Раздувшийся хурджун бросил на седло. Вдел ногу в стремя, рукой взялся за луку седла.

Потник – служит для смягчения давления седла и веса наездника на кожу животного, а также обеспечивает должную вентиляцию между вальтрапом и седлом.

Попона – своеобразная накидка, покрывало для лошадей, закрывающее спину и туловище.

В Обшир нас поехало двадцать наездников. Мы остановились у порога дома, откуда раздавались звуки сурная, а из трубы поднимался вверх густой дым. Нам выделили на постой дом у Турды пастуха. Какой-то человек в глубоко надвинутом на голову треухе провёл нас по узким улицам к дому пастуха. Ворота его дома оказались довольно низкими. Обладатели смирных коней въехали во двор, припав к седлу. Хозяева резвых коней спешились и повели коней в поводу.

Курпачи – узкие, ватные одеяльца для сиденья.

Мы расседлали коней. Упряжь развесили на подпорках для деревьев, на супе, на дувалах.

Остудили коней.

Я дал возможность Тарлану поваляться на земле. Он перекатывался то на левый бок, то на правый. Повалялся в своё удовольствие. Потом поднялся. Расставив ноги, встряхнулся. Стряхнул с себя пыль, приставшие соринки. Набросив на него коврик, я немного затянул подпругу. Ногой вбил в землю колышек.

Наездник Сафар вбил колышек для своего гнедого рядом с Тарланом. Это меня разозлило, я сказал:

– Сафар-ака, будьте добры, привяжите своего гнедого подальше.

– Ничего, места много.

– Мне места не жалко. У вашего гнедого нет доброты, об этом забочусь.

Гнедой поглядывал недружелюбно на моего Тарлана. Я хотел было сказать: «Вон, видите». Но наездник Сафар уже отправился в комнату для приёма гостей. Я махнул на это рукой и пошёл вслед за ним. Самого пастуха Турды не было. Его жена расстелила для гостей ***курпачи***. Мы уселись в круг. Из свадебного дома принесли нашу долю – угощения к столу. Всё это мы отдали хозяйке. Хозяйка развела в очаге огонь и принялась готовить плов. Мы нашинковали ей морковь.

Вдруг пронзительно заржали кони. Сразу же узнав голос Тарлана, я выскочил из комнаты. Гнедой наездника Сафара, с фырканьем выкидывая передние ноги, бросался на Тарлана. Издали махая рукой, я прикрикнул на Тарлана:

– Хватит!

Тарлан попятился и передними копытами стал рыть землю. Он, оскалившись, заржал, предупреждая гнедого. Мол, не подходи лучше. Я взялся за уздечку и успокоил Тарлана:

– Хватит! Так, так, так! Так, говорю! Сафар-ака, я разве не говорил, что ваш гнедой – недобрый конь! Вот обидел Тарлана! Уберите теперь!

Кони наши успокоились. После плова вечером мы смотрели борьбу.

Наутро, после завтрака, оседлали коней. Отправились в холмистую степь среди горных цепей. На закате степь выглядела бурой. На границе степи росли тутовые деревья с толстыми стволами. Зрители расположились точно птицы на ветвях тутовника. А другие группы расположились полулёжа на окрестных холмах. Наездники расседлывали коней, подготавливая их к скачкам.

Мы тоже расположились у одного холмистого склона. Я расседлал Тарлана, дал ему поваляться. Затем оседлал его. Обмотал себе ноги портянками, натянул лежав-

шие в ***хурджун***е сапоги для улака. Сапоги мои на высоких каблуках, из козлиной кожи. С изнанки кожа сшита внутренним швом. Изнанка обычно бывает блестящей, гладкой. А верх сапог я смазываю нутряным салом. Такие сапоги не пропускают воду, снег, холод. И не рвутся. Надел надорванные с обеих сторон шаровары. Я их специально надорвал. Потому что, если во время скачек что-нибудь зацепится за шаровары, они могут совсем разорваться.

Хурджун – традиционная восточная сумка, сотканная ковровой техникой из разноцветных шерстяных волокон, состоящая из двух частей (мешков), и украшенная бубенчиками.

Опустил треух на ухо. Вдев ногу в стремя, ухватился за луку седла. Помчался в степь.

Другие наездники для разминки проехались по кругу.

В это время, глядя в сторону кишлака, наездники прокричали:

– Везут!

Со стороны кишлака показалось двое верховых. Один перед собой положил чёрную тушу козла. Подъехав к нам, он сбросил её на землю. Наездники дали своим коням обнюхать тушу. Переворачивая, показывали тушу со всех сторон. Кони сгрудились.

К нам подъехал усатый человек, его лицо напоминало разрумянившуюся лепёшку, только что вынутую из тандыра. Это был распорядитель. Подняв рукоятку плетки над головой, объявил зычным голосом:

– Эй, наездники! Слушай мои слова и правым ухом и левым ухом. Верёвку на добычу не накидывай – раз! Друг друга плохими словами не обзывай – два! Плётку не применяй – три! На упавшего наездника не наезжай – четыре! Если убегает конь – помоги поймать его – пять! А ну, налетай!...

Распорядитель выскочил из круга. Объезжая всадников, громко объявил:

– Первый приз – платок и десять рублей! Не говорите, что не слышали!

Наездники сгрудились в круг. Подстёгивая лошадей плёткой, подгоняя ударами коленей в бока, они бросились к туше, лежавшей на земле. Туша оказалась среди множества конских копыт. Руки наездников рванулись к туше. Не достали.

– Ну-ну-ну!

– Но-но-но!

– Хватай-тащи-тащи!

Попытки были безуспешны. Туша по-прежнему лежала на земле. Всадники и их кони покрылись обильным потом. Итак, и кони и наездники укротили свой первый пыл. А иные, отирая со лба пот, и вовсе отошли в сторону и присоединились

к зрителям. Игроки снова бросились к туше. Ринулся и я, вертя плёткой над головой Тарлана. Теснимый другими конями я пробрался к туше. Тарлан, сделав круг возле неё, остановился. Сжав зубами рукоятку плётки, я потянулся к улаку. Только было поднял, как на тушу надавил копытом чей-то конь, и она выскользнула из руки. Сбившиеся лошади Тарлана оттёрли назад. Тарлан споткнулся и, покачиваясь, вышел из круга. Мы оказались в стороне. Чтобы не пропал боевой задор Тарлана, я прогалопировал почти на версту. Будто мы захватили добычу!

Видя, что туша всё ещё остаётся на земле, распорядитель повысил награду:

– Эй, наездники, не говорите, что не слышали: поверх того добавили одного барана!

Кони зафыркали, заржали. На крупы с треском падали плетки. Наездники с гиканьем пустили коней к туше. Наконец-то она была поднята с земли. Зрители оживились. Лошади тревожно шевелили ушами. Кони помчались к низовью.

Распорядитель огласил:

– Улак поднят, улак поднят!

Всадники понемногу оживились и все помчались галопом. Топот, топот, топот... Все скачут вокруг туши козла. Всё внимание приковано к ней.

– Улак увезли! Улак у рябого и буланого!

Почему коня называем рябым? Потому что на лбу у такого коня белая отметина, а на кончике носа пятнышко. И оба паха лошади разукрашены пятнами. Разновидностей рябых лошадей много: серовато-рябые, чёрно-рябые, рыже-рябые, гнедо-рябые. Буланая масть отличается золотисто-жёлтой шерстью, хотя встречаются и с белой гривой и хвостом.

Каких коней называют рябыми?
А каких булаными?

Рябой с буланым мчатся, насторожив торчащие уши, которые похожи на заячьи. Между ними болтается улак. Одна ножка туши у гнедого, другая у буланого. Вокруг десятки рук тянутся к улаку. Но не могут дотянуться. А если кто и дотянется, то не может вырвать. Окружив их, мчатся и другие кони: топот, топот, топот...

– Улак у рябого и буланого! Не выпускай! Улак перешел к буланому, улак у буланого! Жми!

Топот-топот-топот... И впрямь, наездник буланого, ловко перекинув ноги через тушу, прижал её коленом. Наклонившись вправо, потянул поводья вправо. Буланый преградил ему дорогу справа. Многие наездники, поняв, что больше тягаться бесполезно, один за другим начали отставать.

– Чисто! Буланый выиграл честно! Бросай, буланый, бросай! Ну и молодчина! Буланый, подходи, забирай свой приз!

Обратили ли вы внимание на то, что распорядитель не называет имён и фамилий наездников, а называет клички животных? Кто победил в первом заезде? Какой приз получил победитель?

Наездник буланого бросил тушу на землю и направился к распорядителю. Мы же бросились к туше. Снова сгрудились. На этот раз тушу унёс всадник на низкорослом гнедом.

Гнедой конь – темно-рыжей масти. Шея, подобно шее змеи кобры, извивается колечками. Теперь же улак выпал на мою долю. Я, было потеряв всякую надежду, стоял в сторонке. Чей-то красноватый конь выволок тушу из круга по земле. Наш Тарлан повернул голову в сторону красноватого. Когда красноватый приблизился к нам, наездник поднял тушу на уровне колена коня. Я тут нагнулся и подхватил добычу. Выпрямившись, ударил в бок Тарлана коленом и закричал:

– Но-о!..

Тарлан рывком отделился от группы. Вслед за мной приударили и другие наездники. Многие, догнав, потянулись к улаку.

Я наддал Тарлану плеткой. Вместо того, чтобы прибавить скорости, он замедлил ход. Я был в недоумении. Взглянул вперёд и понял, в чём дело. Впереди протекала довольно широкая речка. Я не знал, что делать. Пока поворачивал поводья, мы очутились у самого берега. От нас не отставали и другие кони. Тарлан помчался вдоль берега. Туша находилась у меня под коленом со стороны берега, и поэтому никто не тянулся к ней. Но длиннорукие наездники потянулись к улаку через шею, через круп Тарлана. Мне не хотелось отдавать улак. Особенно Тарлану! Мы снова помчались вдоль берега. Голоса распорядителя не было слышно. Я опустил поводья и крепко ухватился за тушу, прижал её к боку коня. Тарлан скакал сам по себе. А конца русла реки всё не было видно. Нас преследовали по пятам другие наездники. Тарлан посмотрел сверху на речку, на миг застыл и, подняв передние ноги, бросился вниз. По-моему телу пробежала дрожь. Казалось, что мои глаза вот-вот выскочат из орбит. Я потянулся к поводьям, но не достал. Почувствовал, как наши ноги оторвались от земли, и я повис в воздухе. В голове молнией пронеслась мысль, что человек и умирает вот так. Крепко зажмурился и выпустил улак из рук. Очнулся от крепкого толчка. Сердце будто в пятки ушло. Я чуть не лишился чувств. В отчаянии приник к шее Тарлана.

Когда открыл глаза, то увидел, что мы скакали по сухому руслу реки.

Тарлан замедлил ход. Через два-три шага остановился. Нагнув голову, фыркая, тяжело дышал. Я выпрямился, снова закрыл глаза.

Сверху раздался голос распорядителя:

– Туша на месте! На месте осталась!

Я взглянул наверх. Наездники смотрят на нас, выстроившись в ряд у берега. Потянувшись, я взял в руки поводья. Пошёл вдоль речки в поиске тропинки, которая бы вывела наверх. Сверху кто-то говорил внушительным тоном:

– Ну и ну, аж голова кружится, когда смотришь вниз. У этого Тарлана два сердца! А если и одно, то с его голову!

Распорядитель предупредил:

– Тарла-а-ан, захвати улак!

Я сделал вид, что не расслышал. Мне не хотелось возвращаться за улаком. Стал подниматься по узкой тропинке. Дойдя до места, где оставил снаряжение, я рассупонил Тарлана. Осмотрел его всего. Погладил его ноги. Ушибов не было. Дал ему поваляться

на земле, чтобы остыл. Прочесал его тело с ног до головы. Надел узду, привязал его к колышку. Всё, Тарлана в сегодняшнюю свалку не пущу. Он победил. Если на то пошло, то и моя обидчивая натура во мне заговорила, ведь в его победе есть и моя заслуга. <…>

В таких случаях меня принимают упрашивать друзья по стремени. Держа коня за уздечку, они говорят: хоть раз сдержите свой гнев, наездник Зиёдулла. Подобные моменты переживания обиды по душе мне, как бальзам! Хмуря лоб, я смотрю куда-нибудь вдаль. Глазом не моргну, не шевельнусь. Друзья мои по стремени ещё пуще стараются. Наездник Зиёдулла, вы славный, великий наездник, подумайте и о нас, – упрашивают. Ах-ха! Вот где наслаждение для души! И только пережив подобные минуты, я в знак согласия задумчиво качаю головой. Так и быть, говорю, ваша взяла. Довольный, я поворачиваю коня.

Много времени я ходил в ожидании ссоры из-за обид. И вот, теперь выпал такой случай. И причина подходящая: мол конь не жалел себя ради человека. А распорядитель не оценил его самоотверженности!

Обидевшись, я продолжал сидеть. Мчась, будто бурный горный поток, какой-то всадник на палевом коне подлетел к распорядителю.

Палевый – это значит соломенного, бледно-желтоватого цвета. Ноги в пёстрых носочках.

У них бывает на лбу ещё и белая звездочка. У этого её не было.

Я не узнал бородатого всадника. Голос наездника был рассерженным и в то же время добрым:

– Эй, распорядитель, хотя у тебя есть усы, но совести-то, оказывается, нет! Смотри, откуда бросился Тарлан. Конь это сделал не потому, что испугался тебя или нас, это было самопожертвование ради человека. Если такого отважного коня даже золотом осыпешь, всё равно в долгу останешься. Отдай его приз!

– Он выронил улак из рук!

– Отдай, а если нет, то я сам для этого Тарлана одного барана из дома привезу! Даёшь или нет?

Распорядитель дал нам одного козла и двадцать пять рублей.

Состязания я смотрел до конца, полулёжа, облокатившись на локоть. Мои друзья по стремени ни разу не выиграли.

Все стали расходиться. Мои друзья по стремени возвращались с улака не солоно хлебавши.

Я начал их упрекать:

– С каким лицом посмотрим на людей? И это двадцать наездников! Весь выигрыш – всего-навсего один козел. И то его выпросили.

Мои спутники ехали с поникшей головой, в ответ лишь пожимали плечами.

– А что, если сделаем так. Сделаем в пути привал. А в кишлак въедем, когда стемнеет.

Когда до кишлака остался ещё один холм, все спешились с коней. Прилегли отдохнуть. А когда стемнело, сели на коней. Я ехал впереди, на случай, если кто-нибудь встретится. Как-никак, у меня козел. Для отвода глаз...

Вышло так, как я и говорил. Только успели проехать каменистую местность, как не-

ожиданно навстречу показался чей-то чёрный силуэт. Мы свернули с дороги. Тень подала голос:

– Эй, вы там, случайно не видали пёструю корову?

– Не видели.

– Зиёдулла-наездник? Это ты? Со скачек возвращаетесь?

– Со скачек.

– Ну как, не с пустыми руками?

– А то как же!

– Что-то не похоже.

Я резко потянул козла за шерсть. Козёл протяжно заблеял.

– Слышите голос?

– Да, хорошо, хорошо. Одним словом, не возвращайтесь с пустыми руками. Вы ведь народ представляете.

– Вот такие живые голоса есть у каждого. А о хурджунах, набитых халатами, можно и не говорить!

Давайте обсудим

1. В какой форме написано произведение? Помогает ли эта форма донести авторскую идею?
2. Какие чувства вызвал у вас образ Зиёдуллы-наездника?
3. Как вы думаете, почему автор уделяет столько внимания природе и её звукам? Что они означают для героев? А для вас?
4. Если бы вы могли поговорить с Зиёдуллой, что бы вы у него спросили?
5. Какой эпизод из первой части показался вам особенно важным или эмоциональным? Почему?
6. Как можно объяснить смысл выражений «быть частью земли» и «быть частью народа»?

Творческое задание

Подготовьте устное высказывание на тему: *«Что мы теряем, когда забываем свои корни?»* – с опорой на текст повести.

Домашнее задание

Прочитайте второй фрагмент повести «Сумерки, когда заржал конь».

Давайте поговорим

1. Можно ли сказать, что автор в повести через описание конного состязания раскрывает человеческие конфликты?

2. Найдите в тексте положительные и отрицательные качества, выделенные писателем (например: честь, зависть и преданность между людьми и животными).

Часть вторая

* * *

Отправились на свадьбу в Сино. Из-за грязи, хлюпавшей под ногами, хвосты у лошадей завязали узлом..

Братья, синайцы – народ каверзный! Никому ничего не дают. Сами ничего не могут, а если кто что-то может делать, они этого терпеть не могут. Наших успехов не признают, всячески унижают.

При виде нашей растерянности злорадно смеются. Мол, ой, бедненькие. Что поделаешь, что впитано с материнским молоком, то уж до самой смерти.

И на сегодняшних состязаниях вышло так, как мы и думали. Из Байсуна приехал наездник Файзи. Вот где подлец, вот где наездник! Конь под ним тонкобрюхий! Скачет словно водяной змей! Два раза подряд вырывал улак из-под рук соперников.

Третий улак достался мне.

Улак был то у байсуновских, а то у вахшиваровских. Синайским не достался.

Когда наездник Файзи в третий раз вырвал улак, синайцев прорвало. Один из них ухватился за уздечку коня Файзи, а другой прямо так и заставил Файзи выронить тушу. Но Файзи снова схватил её и ускакал. Тонкобрюхий бежал как борзая! Синайцы остались далеко позади. Только один громадный жеребец нагонял его. Но наездник на жеребце не дотянулся до улака. Жеребец ударил грудью тонкобрюхого коня Файзи и помчался дальше. Это он из-за мести!

Тонкобрюхий наездника Файзи полетел кувырком, а сам Файзи перелетел через его голову и упал на землю. Тонкобрюхий поднялся, пять-шесть раз вздохнул. Посмотрел на своего наездника. Тот, несмотря на сильное падение, вскочил и побежал к тонкобрюхому.

Бог мой! Если наездник свалится с глинобитного дувала, что-нибудь да ушибёт. Упадёт с маленького ослика – некоторое время лежит не двигаясь. Но слетев с коня, скачущего подобно стреле, он вскакивает, будто ничего не случилось!

Братья, если упадёте с осла, то он подставит копыто, а лошадь – гриву!

Наездник Файзи подошёл к своему тонкобрюхому. Вытер прилипшую грязь с шерсти коня. Сняв съехавшее на брюхо седло, заново оседлал. Отряхнул свою одежду. Затем пустил коня вскачь, въехал в круг и яростно вцепился в улак. В это время конь кого-то из синайцев топтал тушу, и Файзи не смог вытянуть её из-под копыт. Вылез из свалки и с досадой бросил:

– ... если можешь справиться, только тогда садись на коня, сучий сын! Чем так, лучше бы тебе подохнуть! Посмотрю, как приедешь к нам на улак в Байсун. Тьфу!

Плевок наездника Файзи попал на круп громадного жеребца. Наездник был оби-

жен. Вслед за ним отправились его друзья по стремени.

Какой приём применили наездники Сино? А какой – синайцы? Почему?

Наездники Сино, понимая, что не быть улаку в их руках, встали на нечестный путь. На улак накинули верёвку! Она длиной в половину маховой сажени. С палец толщиной. Концы заканчиваются петлёй, через которые можно продеть руку, набросить на луку седла. Если наездник протянет верёвку через лодыжку и привяжет к руке, то выхватить у него улак невозможно.

Есть ещё один замечательный способ накидывать верёвку на улак. Синайцы применили именно этот способ. Один из них изловчился поднять улак с земли. Протянул верёвку через лодыжку козла, а петли её закинул на луку седла. И поскакал, зажав улак под коленом. Такой улак невозможно выхватить, если только не скинуть наездника вместе с седлом или если не свалить его лошадь!

– Верёвка! Верёвку накинул!

– Нечестно, улак гнедого добыт нечестно!

Распорядитель всё видел, всё слышал. И всё равно сказал, что честно. Наездники были недовольны. Распорядитель, пожимая плечами, прикидывался непонимающим:

– Верёвка? Какая верёвка? Сегодня вы у нас дорогие гости, не надо клеветать. Гнедой, подходи, забирай свой приз!

Наши возражения остались без внимания. Многие уехали с улака рассерженные. Распорядитель стоял на своём:

– Акун не накидывал верёвку, это правда!

– Э-э, плевать на такую правду твою!

Наездник Хамдам, отряхнув полы, отправился восвояси.

Почему они уходят, отряхивая полы? Ради справедливости! Почему уходят, сплёвывая? Ради справедливости! На кого обижаются, уходя? На несправедливость! Из-за кучки подлецов, погорячившись на бессовестных мерзавцев, уходят, кинув справедливость в огонь! Братья, мы всегда твердим: справедливость, справедливость. Это слово с языка не сходит. А при виде несправедливости, пасуем. Сетуем на жизнь, на судьбу. Мол, справедливости нет, мол, справедливость на небе. Братья, справедливость – на земле! Под нашими ногами! Она лежит, смешавшись с пылью. Кто над ней так глумится? Мы сами! Я, вы, Файзи-наездник, Хамдам-наездник! Вон, они сбежали! Вот так, всегда, когда справедливость растоптана – мы убегаем. Воротим от неё лицо. Делаем вид, что ничего не видим. Когда подлец душит справедливость, мы отходим в сторону. От дурного убегай, не связывайся, или не замечай его ни в чём, говорим мы себе. Мол, не буду равняться с дурным человеком. Придя домой, говорим: такого-то не по справедливости обвинили, оказывается, правды на свете нет. Но об этом открыто, прямо в лицо, не говорим этим дурным людям. Держимся в стороне, будто ничего не замечаем. Прикусываем язык. Боимся потерять авторитет и боимся лишиться должности.

Почему Зиёдулла-наездник решил остаться и продолжить участие в состязаниях? Поддержали ли его друзья по стремени?

Или не желаем наживать себе врага. Правдивое слово и родному человеку не нравится, говорим себе, махнув рукой: да ладно.

Вон все разбегаются. Желание убежать передалось и нашим друзьям по стремени.

– Поехали, – сказали они.

Я резко ответил:

– Никуда не пойду! Буду участвовать в улаке до конца!

Друзья мои по стремени поддержали меня. Какой-то синаец зашептал рядом стоящему наезднику:

– Ну и хорошо, что все разом уходят. Теперь всё нам останется.

Я разозлился пуще прежнего. Отдал Тарлана наезднику Самаду. Сам оседлал его светлого буланого коня. Выжидая, я держался чуть поодаль от наездников, сбившихся в кучу. Один из синайцев снова накинул верёвку на улак. Я мигом подскочил к нему и не отставал. Схватил улак за одну ляжку и не отрывал руки. Наконец конь синайца устал. У него и самого пропало желание, и он выпустил из рук тушу. Она упала на землю. Я не успел подхватить её. Буланого я повернул обратно. Вытер лоб рукавом. Поднимал и опускал ворот рубахи, чтобы освежить грудь. Ох, какое это блаженство. Ох, какая прохлада и наслаждение овладело мной. У меня было такое ощущение, что совершил благое дело.

Снова стал в сторонке от сгрудившихся в кучу всадников. Светлый буланый конь всей своей тяжестью упёрся на задние ноги. Теперь из середины круга вынес тушу синаец на рыжем коне. Светлого буланого я пристроил рядом. И этому не дал унести улак. Этот мчался и брал всё левее. «Отпусти! Отдам половину награды», – зашептал он. Но я сделал вид, что не слышу, и продолжал скакать, держась за улак. Он от злости выругался. В конце концов и он сбросил улак. Словом, я не отдал ему улак.

Теперь улак схватил наездник Юлдаш из Вахшивара. Он отобрал честно, без накидывания верёвки. Я не стал ему мешать. Распорядитель, видя, что своим наездникам улак не достаётся, пошёл на самое подлое дело последнего подлеца. Под предлогом, мол, улак растрепался, отнёс его в сторону. А спустя немного, он принёс его и бросил перед всадниками. При виде туши мы оторопели. Распорядитель отрезал ляжки и шею туши. Такую тушу невозможно поднять с земли. Причина – не за что ухватиться. Если поднять за шерсть, сдерёшь клок шерсти и только.

Несмотря на это наездники всё же решились: как говорится, только у шайтана нет надежды, и кинулись к улаку. Но всё же с земли поднять его не смогли. А распорядитель этого и ждал. Он объявил о заключительном заезде.

– Не говорите, что не слышали, кто поднимет, тот и получит! Кто поднимет тушу, тот получит кило жира, кило риса, да ещё и морковь в придачу! Хватай!

Для того чтобы поднять с земли такой улак, есть один способ. Только очень трудный.

Будь что будет! Оседлал я своего Тарлана. Предупредив друзей по стремени, направился к улаку. Потянулся. Ухватился, крепко сжимая шерсть вместе со шкурой. Что есть силы рванул тушу и положил её на луку седла. Придвинув к своей груди, при-

Почему Зиёдулла не стал мешать наезднику Юлдашу?

Что сделал распорядитель, чтобы помочь своим землякам?
Правильно ли он поступил?

Давайте обсудим

1. Почему на соревнованиях, где, казалось бы, должны главенствовать честь и справедливость, проявляются зависть, злорадство и жестокость?
2. Как вы думаете, можно ли было изменить поведение синайцев, чтобы они не утратили своего достоинства?
3. Что, по мнению героя, происходит с понятием справедливости в жизни людей?
4. Как герой объясняет причину молчания людей перед фактом несправедливости?
5. Подумайте, почему Зиёдулла отказался уехать вместе с другими? Обоснуйте свой ответ.
6. Какой жизненный урок вы бы извлекли из этого отрывка?

Домашнее задание

Прочитайте третью часть повести.

Давайте поговорим

В чём заключается внешняя и внутренняя связь между состоянием коня Тарлана и духовным состоянием его хозяина?

Часть третья

В Карлике играли свадьбу. На эту свадьбу мы и отправились. В дороге Тарлан разбрасывал кизяк. Я удивился. Такой выходки у него не было.

Остановились в доме одного учителя. Прибил колышек возле самого хлева. Уши у Тарлана обвисли. Он опустил голову и печально уставился на трещину в глинобитном заборе. От корма отказался. К сахару даже губами не притронулся. Душа моя заныла. Мне кусок в горло не шёл. Сидя на корточках на заборе, не спускал глаз с Тарлана.

Мои друзья по стремени тоже потеряли покой. В Карлике жил старик – большой знаток лошадей. Позвали его.

Старик осмотрел коня, обойдя его кругом. Нагнувшись, посмотрел ему в глаза. Покачал головой. Взял меня за локоть, повёл за собой в гостиную. Положил мне руку на плечо.

– Послушай меня, прославленный наездник, не продашь ли ты мне этого коня? Дам тебе двадцать овец. Говори своё мужское слово.

Во мне закипела злость. У меня такое горе, а он мне о своём.

– Дед, сначала скажите, что с ним случилось?

– Нет, сперва ответь ты, прославленный наездник. Потом скажу я.

– Нет! Не продам, если даже наступит светопреставление! Понятно?!

– Ну, ладно. Тогда слушай прославленный наездник. Конь у тебя редкий. Как увидел, сразу понял. Если не ошибаюсь, недавно он перенёс тяжелое потрясение, так? …

– Да, было дело, хворал. Потом выздоровел.

– Хвала тебе, прославленный наездник. Вспоминая об этом, конь сейчас думает о предстоящем состязании. Он думает, сможет ли из-за той болезни бегать как прежде или нет. Вот в какое горе погружён конь. Об этом я узнал по его глазам. Вспомнишь ещё мои слова, прославленный наездник.

Старик ушёл. Допоздна мы сидели за оживлённым разговором. Но печаль Тарлана не давала мне покоя. Видать, печаль отразилась и на моём лице; хозяин дома утешил, мол, не переживайте так, старик – знаток по лошадям, он всё знает. А после рассказал, что это был за старик.

Оказывается, кони в году только раз жуют жвачку. Когда он жуёт жвачку – горит! Тело его накаляется так,что даже глаза слепит. С особенным блеском горят его глаза. Так ведь конь – это див! Когда конь жуёт жвачку – всё это происходит в необычном месте и в необычное время. За это время и моргнуть не успеешь. Человек, увидевший, как конь жуёт жвачку, становится или безумным, или несчастным. А счастливый или умный становится более счастливым или более мудрым. По слухам, старик оказывается видел, как конь жевал жвачку.

Улак проходил на пустыре, оставшемся без посева. Проскакал вокруг пустыря, разогрел Тарлана. Тарлан сразу переменился. Голову держал прямо, играл и резвился. Громко грызя удила, рванулся в толпу. Звал меня на состязания.

Коней собралось много, потому что это было самое первое состязание в начале зимы. А значит, и состязания будут интересными. Причина: когда на состязаниях мало коней, поднять с земли улак трудно. И всё из-за того, что все кони, чувствуя себя сильнее других, сразу кидаются к улаку. Дерутся, мешая друг другу. Когда коней много, к улаку кидается сильнейший из сильнейших, всем коням конь. Кони послабее превращаются в зрителей. Если же они кидаются к улаку, то сильные кони не дают им дороги и отталкивают их назад. И потому на состязаниях, где много лошадей, вынести улак из круга бывает легче.

Улак привезли. Горяча коня, подъехал к улаку и дал понюхать его Тарлану. Ухватившись за ляжку, попробовал раз поднять улак. Веса в нём было около пятидесяти-шестидесяти килограммов. Мокрый насквозь. Видать, ночью тушу держали в воде. Выгода в том, что улак становится очень тяжёлым. И когда его тянут в разные стороны, шкура не отходит. А то во время яростных схваток не остаться улаку целым!

Распорядитель объявил приз:

– Одна пара калош и десять рублей деньгами! Хватай!

Всадники ринулись к улаку. Чей-то рыжий конь вынес улак и умчался. Объявили следующую ставку:

– На этот раз один баран, один халат и двадцать пять рублей деньгами! Награда увеличилась, не зевайте!

Я направил Тарлана к улаку. Он рванулся с фырканьем! К улаку примчался легче и быстрее, чем я думал и хотел. Как обычно, сделав круг возле улака, остановился. Кто-то зло стеганул Тарлана по крупу. Он вздрогнул, но с места не сдвинулся. Глаза его были устремлены на тушу. Я, не вынимая ноги из стремени с обратной стороны от улака, зацепил её

за луку седла, а ногу в стремени со стороны улака согнул. Коленом поддал в бок Тарлану, и конь мой пробил мне дорогу через толпу! Нагнувшись, ухватился за улак одной рукой. Поднимая голову, выпрямил согнутую ногу и упёрся в стремя. Вся тяжесть пришлась на эту ногу. Без этого поднять с земли улак было нельзя. Но чей-то дерзкий конь наступил на тушу. Я снова, ухватившись за пах улака, поднял его на уровень колена коня. Тарлан, беспокойно поглядывая на тушу козла, устремился вперёд. Я преднамеренно волочил тушу по земле. Подними я её сразу, налетели бы поджидавшие в сторонке другие наездники.

– Улак поднимается, улак поднимается!

Пробрались к месту, где было поменьше наездников. Я приготовился поднять тушу.

– Улак у Тарлана, улак у Тарлана!

Я с маху поднял улак. Когда его поднимал, Тарлан покачнулся. Мы мчались вперёд. Позади осталось много коней. Только один гнедой не отставал. Его всадник, ухватившись за другую ляжку улака, мчался рядом.

– Нет, и гнедой присоединился! Улак у Тарлана и гнедого!

Я прижал улак коленом. Посмотрел по сторонам. Выпустил из рук поводья. Обеими руками схватился за улак. Мы по-прежнему мчались рядом.

Многие лошади сначала скачут медленно, а потом убыстряют бег. Наш же Тарлан резко берёт с места и сразу мчится во весь опор. Другие кони к такому порыву бывают не подготовленными. В результате, пока они поймут, Тарлан уже оторвался от погони. Вышло так и на этот раз. Ещё одно преимущество Тарлана, если его догонит какой-нибудь конь – скачет с этим конём вровень. Не вырывается вперёд. Будто на большее он не способен, скачет ровно. Рядом скачущий конь приноравливается к его равномерному бегу. И тут Тарлан делает рывок и отрывается от соперника. Рядом скачущий конь, не подозревавший этого, остаётся позади.

Вот помчались именно в такой момент, когда Тарлану от меня довольно одного слова:

– Вперёд!

Он показал себя настоящим Тарланом. Неожиданно рванулся и ускорил бег. Рука наездника на гнедом, скакавшем рядом, оторвалась от улака. Гнедой остался позади. Тарлан не сбавлял своего хода. Я взволнованно понукал:

– Ха-ху, ха-ху, хэй!

– Че-естно, Тарлан проделал чисто! Бросай, Тарлан, бросай!

Как это я смог поднять с земли пятидесяти-шестидесятикилограммовую тушу? Даже устроившись на глинобитной стене высотой в сажень, я бы не смог поднять с земли такую тяжесть. Обычно, ухватившись за шестидесятикилограммовый мешок обеими руками, с огромным трудом взваливаю его на осла. А на состязаниях, нагнувшись с лошади, одной рукой подхватываю тушу в шестьдесят килограммов! В чём же секрет?

Братья, дело в том, что у коня есть ветер! Этот-то ветер и мчит улак. Вы, наверное, обратили внимание, что мой конь не отрывал глаз от улака и пробил мне дорогу через группу других лошадей? Этим он создал для меня благоприятные условия. А когда я поднимал улак, он покачнулся, как человек, пытающийся получше пристроить на своих плечах груз. И тут надо, придерживая тушу, помочь коню.

Понимаете теперь, что восемьдесят-девяносто процентов трудностей состязаний приходится на коня. Потому-то на скачках и называют не имя наездника, а масть коня.

От начала до конца скачек кличка или масть коня звучит почтительно.

Как же Тарлан поскакал с пятидесятью-шестидесятикилограммовой тушей, да ещё вдобавок в седле со мной? Предположим, нагружу коня мешком пшеницы в шестьдесят килограммов и оседлаю, разве он помчится с таким порывом? Нет, не поскачет! А когда дело касается улака – он подобен вихрю.

Братья, на скачках царит свой особый дух! Вот он-то и даёт коню силу, даёт ему крылья! Тарлан проявил рвение. Я ещё целых два раза угонял улак.

Кто-то из столпившихся зрителей окликнул: «Тарлан, подойдите-ка сюда». Подошёл, а это вчерашний старик сидит на глинобитном заборе. Старик, прикрываясь ладонью от солнца как козырьком, улыбнулся.

– Как вы теперь, прославленный наездник?

– Спасибо, спасибо.

– Теперь послушайте меня, прославленный наездник, дайте-ка вы коню отдохнуть. А то ещё сглазят.

Честно заработанный Тарланом халат и деньги я протянул старику, но он отказался взять. Бросив приз возле старика, я направился туда, где лежала конская сбруя…

Давайте обсудим

1. Почему рассказчик отказался продать Тарлана, несмотря на щедрое предложение?
2. Каков образ Тарлана в повести? Чем он выделяется среди других лошадей?
3. Что, по мнению рассказчика, даёт силу коню во время состязаний?
4. Почему на скачках чаще упоминается масть коня, а не имя наездника?

Практическая работа

Заполните таблицу в тетрадях.

«Сумерки, когда заржал конь»	
Вопрос	**Ответ**
Какие реальные события, происходящие на территории Сурхандарьинской области, легли в основу повести?	*
Участвовали ли ваши родственники или знакомые в улаке?	*
В каком эпизоде повести вам особенно понравился конь Тарлан?	*
В какой сцене повести поведение Зиёдуллы-наездника вам понравилось?	*
Что понравилось вам в содержании повести?	*
Сделайте вывод о прочитанном.	*

Домашнее задание

Напишите эссе на одну из тем: «Честь или победа любой ценой?», «Настоящая сила – в справедливости», «Как состязание раскрывает характеры людей».

МОЛЬЕР (1622–1673)

Знакомство с автором

Жан Батист Поклен, известный под театральным псевдонимом Мольéр, – великий французский драматург XVII века, актёр, режиссёр и создатель классической комедии. Его жизнь была тесно связана с театром: он руководил собственной труппой, ставшей легендой французской сцены.

Комедиям Мольера присущи острая, бичующая сатира, непримиримость с социальным злом и, вместе с тем, искромётный здоровый юмор и жизнерадостность. Самые известные пьесы Мольера – это «Тартюф, или обманщик», «Мещанин во дворянстве», «Мнимый больной» и «Дон Жуан, или Каменный гость».

Подготовка к встрече с текстом

О комедии Мольера «Мещанин во дворянстве»

Великий французский просветитель Вольтер писал: «Мещанин во дворянстве» обладает одним из самых счастливых сюжетов, в котором используется смешная история человеческих натур. Тщеславие, свойственное человеческому роду, делает то, что принцы захватывают титулы королей, а вельможи желают стать принцами. Это та же самая страсть, что и у нашего мещанина, который хочет стать аристократом. Но только безумие мещанина настолько комично, что может возбудить в театре смех: от полнейшего несоответствия повадок и языка этого типа с манерами и речью, которые он хочет усвоить, – отсюда происходит комический эффект». Главный герой – господин Журден мечтает стать знатной особой. Это сокровенное желание определяет все его помыслы, действия, но принимает абсурдные и смешные формы. Журден остается тем, кем он и был – пародией на дворянина.

Мольер в комедии раскрыл один из страшных пороков человечества – тщесла-

вие, а образ буржуа, покупающего за деньги своё высокое положение в обществе, станет одной из центральных фигур литературы XVIII–XIX веков.

В театре Пале-Рояль комедия была впервые сыграна 14 октября 1670 года. Роль господина Журдена исполнял сам Мольер.

1. К какому литературному направлению можно отнести комедию Мольера «Мещанин во дворянстве»?

2. Что высмеивал в своих комедиях Мольер?

Давайте поговорим

1. Какой основной порок высмеивает автор в комедии «Мещанин во дворянстве»?

2. Какую тему поднимает писатель в комедии «Мещанин во дворянстве»?

МЕЩАНИН ВО ДВОРЯНСТВЕ

Комедия в пяти действиях

(Перевод Н.Любимова)

Действующие лица балета

Г-н Журден, мещанин.
Г-жа Журден, его жена.
Люсиль, их дочь.
Клеонт, молодой человек, влюбленный в Люсиль.
Доримена, маркиза.
Дорант, граф, влюбленный в Доримену
Николь, служанка в доме г-на Журдена.
Ковьель, слуга Клеонта.
Учитель музыки. Ученик учителя музыки. Учитель танцев.
Учитель фехтования. Учитель философии.
Портной. Подмастерье портного.
Два лакея.

Действующие лица балета

В первом действии
Певица. Два певца. Танцовщики.

Во втором действии
Портновские подмастерья *(танцуют).*

В третьем действии
Повара *(танцуют).*

В четвёртом действии
Муфтий. Турки, свита муфтия *(поют)*. Дервиши *(поют)*. Турки *(танцуют)*.

Действие происходит в Париже, в доме г-на Журдена.<…>

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ *

Явление X

Люсиль, Клеонт, Ковьель, Николь.

Николь *(к Люсиль)*. Я по крайней мере была глубоко возмущена.

Люсиль. Все это, Николь, из-за того, о чём я тебе сейчас рассказала. А, он здесь!

Клеонт *(Ковьелю)*. Я и говорить с ней не желаю.

Ковьель. А я последую вашему примеру.

Люсиль. Что это значит, Клеонт? Что с вами сталось?

Николь. Да что с тобой, Ковьель?

Люсиль. Отчего вы такой грустный?

Николь. Что это ты надулся?

Люсиль. Вы утратили дар речи, Клеонт?

Николь. У тебя язык отнялся, Ковьель?

Клеонт. Вот злодейка!

Ковьель. Вот Иуда!

Люсиль. Я вижу, вас расстроила наша сегодняшняя встреча.

Клеонт *(Ковьелю)*. Ага! Поняли, что натворили.

Николь. Наверно, тебя задело за живое то, как нынче утром мы с вами себя держали.

Ковьель *(Клеонту)*. Знают кошки, чьё мясо съели.

Люсиль. Ведь это единственная причина вашей досады, не правда ли, Клеонт?

Клеонт. Да, коварная, если вам угодно знать, так именно это. Но только я вас предупреждаю, что ваша измена радости вам не доставит: я сам намерен порвать с вами, я лишу вас права считать, что это вы меня оттолкнули. Разумеется, мне будет нелегко побороть моё чувство к вам, меня охватит тоска, некоторое время я буду страдать, но я себя пересилю, и лучше я вырву из груди сердце, чем поддамся слабости и возвращусь к вам.

Ковьель *(к Николь)*. А куда он, туда и я.

Люсиль. Вот уж много шуму из ничего! Я вам сейчас объясню, Клеонт, почему я сегодня утром уклонилась от встречи с вами.

Клеонт *(пытается уйти от Люсиль)*. Ничего не желаю слушать.

Николь *(Ковьелю)*. Я тебе сейчас скажу, почему мы так быстро прошли мимо.

Ковьель *(пытается уйти от Николь)*. Ничего знать не желаю.

Люсиль *(идёт за Клеонтом)*. Итак, сегодня утром...

Клеонт *(не глядя на Люсиль, направляется к выходу)* ещё раз: нет.

Николь *(идёт за Ковьелем)*. Было бы тебе известно...

Ковьель *(не глядя на Николь, направляется к выходу)* Притворщица, отстань!

Люсиль. Послушайте!

Клеонт. Конец всему.

Николь. Дай мне сказать!

Ковьель. Я глух.

Люсиль. Клеонт!
Клеонт. Нет, нет!
Николь. Ковьель!
Ковьель. Ни, ни!
Люсиль. Постойте!
Клеонт. Басни!
Николь. Послушай!
Ковьель. Вздор!
Люсиль. Минутку!
Клеонт. Ни за что!
Николь. Чуть-чуть терпенья!
Ковьель. Чепуха!
Люсиль. Два только слова!
Клеонт. Всё кончено, нет, нет
Николь. Одно словечко!
Ковьель. Мы не знакомы.

Люсиль *(останавливается).* Ну, что ж, раз вы не хотите меня выслушать, то оставайтесь при своём мнении и поступайте, как вам заблагорассудится.

Николь *(тоже останавливается)*. Коли так, поступай, как тебе вздумается.

Клеонт *(поворачивается к Люсиль)*. Любопытно, однако ж, знать причину вашего прелестного поведения.

Люсиль (пытается уйти от Клеонта). У меня пропало всякое желание об этом с вами говорить.

Ковьель *(поворачивается к Николь)*. Послушаем, однако ж, в чём тут дело.

Николь *(хочет уйти от Ковьеля).* У меня пропала всякая охота тебе это объяснять.

Клеонт *(идёт за Люсиль)*. Расскажите же мне...

Люсиль *(не глядя на Клеонта, направляется к выходу)*.
Ничего не стану рассказывать.

Ковьель *(идёт за Николь)*. Растолкуй же мне...

Николь *(не глядя на Ковьеля, направляется к выходу)*.
Ничего не стану растолковывать.

Клеонт. О, пощадите!
Люсиль. ещё раз: нет!
Ковьель. Будь так любезна!
Николь. Конец всему.
Клеонт. Я вас молю!
Люсиль. Подите прочь!
Ковьель. Прошу тебя!
Николь. Ступай-ка вон!
Клеонт. Люсиль!
Люсиль. Нет, нет!
Ковьель. Николь!
Николь. Ни, ни!

Клеонт. Ради бога!
Люсиль. Не желаю!
Ковьель. Ну, скажи!
Николь. Ни за что.
Клеонт. Пролейте свет!
Люсиль. И не подумаю.
Ковьель. Открой ты мне глаза!
Николь. Была охота!
Клеонт. Ну, что ж, коль скоро вы не хотите взять на себя труд разуверить меня и объяснить ваше поведение, которого любовь моя не заслужила, то, неблагодарная, вы видите меня в последний раз: я ухожу, и в разлуке с вами я умру от горя и от любви.
Ковьель *(к Николь).* А я – следом за ним.
Люсиль *(Клеонту, который собирается уходить).* Клеонт!
Николь *(Ковьелю, который идёт за своим господином).* Ковьель!
Клеонт *(останавливается)*. Что?
Ковьель *(тоже останавливается).* Ну?
Люсиль. Куда же вы?
Клеонт. Я вам сказал.
Люсиль. Как, вы хотите умереть?
Клеонт. О да, жестокая, вы сами этого хотите.
Ковьель. Мы помирать пошли.
Люсиль. Я? Я хочу вашей смерти?
Клеонт. Да, вы хотите.
Люсиль. Кто вам сказал?
Клеонт *(подходит к Люсиль)*. Как же не хотите, когда вы не хотите разрешить мои сомнения?
Люсиль. Да я-то тут при чем? Если б вы с самого начала соблаговолили меня выслушать, я бы вам сказала, что повинна в утреннем происшествии, причинившем вам такую обиду, моя старая тётка, с которой мы вместе шли: она твёрдо убеждена, что если мужчина, не дай бог, подошёл к девушке, тем самым он её уже обесчестил, вечно читает нам об этом проповеди и старается внушить, что мужчины – это дьяволы и что от них нужно бежать без оглядки.
Николь *(Ковьелю)*. Вот и весь секрет.
Клеонт. А вы не обманываете меня, Люсиль?
Ковьель *(к Николь)*. А ты меня не дурачишь?
Люсиль *(Клеонту)*. Всё это истинная правда.
Николь (Ковьелю). Всё так и было.
Ковьель *(Клеонту)*. Ну, что ж, поверить им?
Клеонт Ах, Люсиль, вам стоит сказать одно только слово, и волнения души моей тотчас же утихают! Как легко убеждают нас те, кого мы любим!
Ковьель Ну и ловки же умасливать нашего брата эти чёртовы куклы!

Явление XI

Г-жа Журден, Клеонт, Люсиль, Ковьель, Николь.

Г-жа Журден. Очень рада вас видеть, Клеонт, вы как раз вовремя. Сейчас придёт мой муж: воспользуйтесь случаем и просите у него руки Люсиль.

Клеонт. Ах, сударыня, как отрадно мне слышать эти слова и как сходятся они с моими собственными желаниями! Что может быть для меня приятнее этого приказа, что может быть для меня дороже этого благодеяния?

Явление XII

Клеонт, г-н Журден, г-жа Журден, Люсиль, Ковьель, Николь.

Клеонт. Господин Журден, я решил не прибегать ни к чьему посредничеству, чтобы обратиться к вам с просьбой, которая касается давнишней моей мечты. Это слишком важная для меня просьба, и я почёл за нужное сам изложить вам ее. Итак, скажу вам не обинуясь, что честь быть вашим зятем явилась бы для меня наивысшей милостью, и вот эту именно милость я и прошу вас мне оказать.

Г-н Журден. Прежде чем дать вам ответ, сударь, я попрошу вас сказать мне: дворянин вы или нет?

Клеонт. Сударь, большинство, не задумываясь, ответило бы на этот вопрос утвердительно. Слова нынче дёшевы. Люди без зазрения совести присваивают себе дворянское звание, – подобный род воровства, по-видимому, вошёл в обычай. Но я на этот счёт, признаюсь, более щепетилен. Я полагаю, что всякий обман бросает тень на порядочного человека. Стыдиться тех, от кого тебе небо судило родиться на свет, блистать в обществе вымышленным титулом, выдавать себя не за то, что ты есть на самом деле, – это, на мой взгляд, признак душевной низости. Разумеется, мои предки занимали почётные должности, сам я с честью прослужил шесть лет в армии, и состояние моё таково, что я надеюсь занять не последнее место в свете, но со всем тем я не намерен присваивать себе дворянское звание, несмотря на то, что многие на моём месте сочли бы себя вправе это сделать, и я вам скажу напрямик: я – не дворянин.

Г-н Журден. Кончено, сударь: моя дочь – не для вас.

Клеонт. Как?

Г-н Журден. Вы – не дворянин: дочку мою вы не получите.

Г-жа Журден. Да при чём тут: дворянин, не дворянин? Мы-то с тобой от ребра Людовика Святого, что ли, происходим?

Г-н Журден. Молчи, жена: я вижу, к чему ты клонишь.

Г-жа Журден. Сами-то мы с тобой не из честных мещанских семей?

Г-н Журден. Вот язык-то без костей у тебя, жена!

Г-жа Журден. Разве наши родители не были купцами?

Г-н Журден. Уж эти бабы! Слова сказать не дадут. Коли твой родитель был купцом, тем хуже для него, а про моего родителя так могут сказать только злые языки. Одним словом, я хочу, чтобы зять у меня был дворянин.

Г-жа Журден. Твоей дочке нужен муж подходящий: лучше ей выйти за человека честного, богатого да статного, чем за дворянина нищего да нескладного.

Николь. Вот уж верно! В нашей деревне господский сынок – такой увалень и такой оболтус, какого я отроду не видывала.

Г-н Журден *(к Николь)*. Замолчи, нахалка! Вечно вмешиваешься в разговор. Добра для дочки у меня припасено довольно, недостаёт только почёта, вот я и хочу, чтоб она была маркизой.

Г-жа Журден. Маркизой?

Г-н Журден. Да, маркизой.

Г-жа Журден. Сохрани, господи, и помилуй!

Г-н Журден. Это дело решённое.

Г-жа Журден. А я на это никак не согласна. От неравного брака ничего хорошего не жди. Не желаю я, чтоб мой зять стал попрекать мою дочь родителями и чтоб их дети стыдились называть меня бабушкой. Случится ей в один прекрасный день прикатить ко мне в карете, и вот ежели она ненароком кому-нибудь из соседей забудет поклониться, так чего только про неё не наговорят! «Поглядите, скажут, на госпожу маркизу! Видите, как чванится! Это дочка господина Журдена, в детстве она почитала за великое счастье поиграть с нами. Прежде она не была такой спесивой: ведь оба её деда торговали сукном подле ворот святого Иннокентия. Нажили детям добра, а теперь, поди, на том свете ох как за это расплачиваются, потому честному человеку никогда так не разбогатеть». Терпеть не могу я этих пересудов. Коротко говоря, я хочу, чтоб мой зять был мне благодарен за дочку и чтоб я могла сказать ему попросту: «Садись-ка, зять, пообедай с нами».

Г-н Журден. Вот тут-то вся твоя мелочная душонка и сказалась: тебе бы весь век прозябать в ничтожестве. Довольно разговоров! Наперекор всем дочь моя будет маркизой, а разозлишь меня ещё пуще, так я её герцогиней сделаю.

Явление XIII

Г-жа Журден, Люсиль, Клеонт, Николь, Ковьель.

Г-жа Журден. Не унывайте, Клеонт. *(К Люсиль.)* Пойдем-ка, дочка. Ты прямо так отцу и скажи: если не за Клеонта,, так ни за кого, мол, не выйду.

Явление XIV

[Разговор Клеонта, Ковьеля о том, как разыграть комедию.]

Явление XVIII

Доримена, Дорант.

Доримена. Не знаю, Дорант, по-моему, я всё же поступила опрометчиво, что позволила вам привезти меня в незнакомый дом.

Дорант. Где же, в таком случае, маркиза, моя любовь могла бы вас приветствовать, коль скоро вы во избежание огласки не желаете со мной встречаться ни у себя дома, ни у меня?

Доримена. Да, но вы не хотите сознаться, что я незаметно для себя привыкаю к ежедневным и слишком сильным доказательствам вашей любви ко мне. Сколько бы я ни отказывалась, в конце концов я всё же сдаюсь на ваши уговоры: своею деликатною настойчивостью вы добиваетесь от меня того, что я готова исполнить лю-

бое ваше желание. Началось с частых посещений, за ними последовали признания, признания повлекли за собой серенады и представления, а там уж пошли подарки. Я всему этому противилась, но вы неисправимы, и всякий раз вам удается сломить моё упорство. Теперь я уже ни за что не отвечаю: боюсь, что вы всё же склоните меня на брак, хотя я всячески этого избегала.

Дорант. Давно пора, маркиза, уверяю вас. Вы вдова, вы ни от кого не зависите. Я тоже сам себе господин и люблю вас больше жизни. Отчего бы вам сегодня же не составить моё счастье?

Доримена. Ах, боже мой, Дорант, для того чтобы совместная жизнь была счастливой, от обеих сторон требуется слишком много! Как часто благоразумнейшим супругам не удаётся создать союз, который бы их удовлетворял!

Дорант. Помилуйте, маркиза, вы явно преувеличиваете трудности, а ваш собственный опыт ещё ничего не доказывает.

Доримена. Как бы там ни было, я возвращаюсь к тому же. Я ввожу вас в расходы, и это меня беспокоит: во-первых, они обязывают меня больше, чем я бы хотела, а во-вторых, простите за откровенность, я уверена, что они не могут вас не обременять, а мне это неприятно.

Дорант. Ах, маркиза, это сущие пустяки, и вас это не должно...

Доримена. Я знаю, что говорю. Между прочим, брильянт, который вы заставили меня принять, – такая дорогая вещь...

Дорант. Маркиза, умоляю, не переоценивайте вещицы, которую моя любовь считает недостойною вас, и позвольте... Но вот и хозяин дома,

Давайте обсудим

1. В каком городе происходят события комедии «Мещанин во дворянстве»?
2. Считаете ли вы, что образ господина Журдена комичен?
3. Почему Мольер сравнивает главного героя с вороной в павлиньих перьях?
4. Сравните две позиции господина Журден и госпожи Журден.

Домашнее задание

Подготовьте инсценировку явления комедии по вашему выбору.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ *

Явление VII

Г-жа Журден, Клеонт, г-н Журден, Люсиль, Дорант, Доримена, Ковьель.

Г-жа Журден. Это что такое? Что это ещё за новости? Говорят, ты собрался выдать свою дочь за какого-то шута?

Г-н Журден. Да замолчишь ли ты, нахалка? Надоели мне твои дикие выходки, ничем тебя не вразумишь!

Г-жа Журден. Это тебя никакими силами не приведёшь в разум: так и жди какого-нибудь нового сумасбродства. Что это ты задумал и к чему это сборище?

Г-н Журден. Я хочу выдать нашу дочь за сына турецкого султана.

Г-жа Журден. За сына турецкого султана?

Г-н Журден. Да. *(Указывая на Ковьеля.)* Засвидетельствуй ему своё почтение вот через этого толмача.

Г-жа Журден. Не нужно мне никакого толмача, я сама скажу ему прямо в глаза, что дочки моей ему не видать.

Г-н Журден. Да замолчишь ли ты наконец?

Дорант. Помилуйте, госпожа Журден, неужели вы отказываетесь от такой чести? Вы не хотите, чтобы вашим зятем был его турецкое высочество?

Г-жа Журден. Ради бога, сударь, не вмешивайтесь вы в чужие дела.

Доримена. Таким великим счастьем пренебрегать не следует.

Г-жа Журден. И вас, сударыня, я тоже попрошу не лезть куда не спрашивают.

Дорант. Мы о вас же заботимся – единственно из дружеского к вам расположения.

Г-жа Журден. Не нуждаюсь я в вашем дружеском расположении.

Дорант. Но ведь и ваша дочь согласна подчиниться воле родителя.

Г-жа Журден. Моя дочь согласна выйти за турка?

Дорант. Вне всякого сомнения.

Г-жа Журден. Она может забыть Клеонта?

Дорант. Чем только не поступаются ради того, чтобы именоваться знатною дамой!

Г-жа Журден. Если она выкинула такую штуку, я её своими руками задушу.

Г-н Журден. Ну, поехала! Я тебе говорю, что свадьба состоится.

Г-жа Журден. А я тебе говорю, что не состоится.

Г-н Журден. Довольно разговоров!

Люсиль. Матушка!

Г-жа Журден. А, да ну тебя, скверная девчонка!

Г-н Журден *(жене).* Ты что же это, бранишь её за повиновение отцу?

Г-жа Журден. Да. Она столько же моя дочь, сколько и твоя.

Ковьель *(г-же Журден).* Сударыня!

Г-жа Журден. А вы-то что собираетесь мне сказать?

Ковьель. Только одно слово.

Г-жа Журден. Очень мне нужно ваше слово!

Ковьель *(г-ну Журдену).* Сударь, если только ваша супруга захочет поговорить со мной наедине, то я вам ручаюсь, что она изъявит своё согласие.

Г-жа Журден. Ни за что не соглашусь.

Ковьель. Да вы только выслушайте меня!

Г-жа Журден. Не выслушаю.

Г-н Журден *(жене).* Выслушай его!

Г-жа Журден. Не желаю я его слушать.

Г-н Журден. Он тебе растолкует...

Г-жа Журден. Не желаю я, чтоб он мне растолковывал.

Г-н Журден. До чего же все женщины упрямы! Что, тебя от этого убудет, что ли?

Ковьель. Вам надо только выслушать меня, а дальше поступайте, как вам заблагорассудится.

Г-жа Журден. Ну, что у вас такое?

Ковьель *(тихо г-же Журден)*. Битый час, сударыня, мы делаем вам знаки. Неужели вы не видите, что всё это мы затеяли только для того, чтобы подделаться под господина Журдена с его вечными причудами? Мы дурачим его этим маскарадом: ведь сын турецкого султана – не кто иной, как сам Клеонт.

Г-жа Журден *(тихо Ковьелю)*. Ах, вот в чём дело!

Ковьель *(тихо г-же Журден)*. А я, Ковьель, при нём переводчиком.

Г-жа Журден *(тихо Ковъелю)*. Ну, коли так, то я сдаюсь.

Ковьель *(тихо г-же Журден)*. Только не подавайте виду.

Г-жа Журден *(громко)*. Да. Всё уладилось. Я согласна на брак.

Г-н Журден. Ну, вот все и образумились! *(Жене.)* А ты ещё не хотела его выслушать! Я был уверен, что он сумеет тебе объяснить, что значит сын турецкого султана.

Г-жа Журден. Он мне всё толком объяснил, и теперь я довольна. Надо послать за нотариусом.

Дорант. Похвальное намерение. А чтобы вы, госпожа Журден, могли быть совершенно спокойны и с нынешнего дня перестали ревновать почтенного вашего супруга, я вам объявляю, что мы с маркизой воспользуемся услугами того же самого нотариуса и заключим брачный союз.

Г-жа Журден. Я и на это согласна.

Г-н Журден *(тихо Доранту)*. Это вы для отвода глаз?

Дорант *(тихо г-ну Журдену)*. Пусть себе тешится этой басней.

Г-н Журден *(тихо)*. Отлично, отлично! *(Громко.)* Пошлите за нотариусом!

Дорант. А пока он придёт и составит брачные договоры, давайте посмотрим балет, – это послужит развлечением и для его турецкого высочества.

Г-н Журден. Прекрасная мысль. Пойдемте занимать места.

Г-жа Журден. А как же Николь?

Г-н Журден. Николь я отдаю толмачу, а мою супругу – кому угодно.

Ковьель. Благодарю вас, сударь. *(В сторону.)* Ну, уж другого такого сумасброда на всём свете не сыщешь!

Комедия заканчивается балетом.

Давайте обсудим

Подготовьте рабочий лист на знание текста комедии, ответив на вопросы:

1. Где происходит действие?
2. Как вы понимаете смысл названия пьесы «Мещанин во дворянстве»?
3. Обратите внимание на социальный состав действующих лиц и проанализируйте его.
4. Каков моральный облик господина Журдена?
5. Когда юмор в изображении главного героя сменяется сатирой?

Домашнее задание

Создайте паспорт произведения:

Автор	*
Произведение	*
Дата создания	*
Жанр	*
Тема	*
Проблематика	*
Конфликт	*

ЭРКИН ВАХИДОВ (1936–2016)

Знакомство с автором

Эркин Вахидов – Герой Узбекистана, народный поэт Узбекистана, лауреат Государственной премии имени Хамзы. Разнообразна тематика поэзии Э. Вахидова: философские рассуждения, сатира и юмор, гражданская лирика, обращение к героическому прошлому и размышления о будущем.

Подготовка к встрече с текстом

Лирика Эркина Вахидова отличается многогранностью, стремлением к новаторским поискам, и вместе с тем, бережным отношением к традициям. Тема патриотизма, любви к Родине, её бескрайним просторам, веры в светлое будущее родного края была и остаётся самой значительной в творчестве поэта. В стихотворении **«Свободный край Узбекистан»** поэт воспевает самое драгоценное завоевание народа – свободу и независимость Родины.

В стихотворении **«Родная земля»** поэт глубоко и проникновенно передаёт любовь человека к своей отчизне, прославляя её бесценность и духовную силу. Родная земля представляется священной – такой её делают героическое прошлое, живая память поколений, подвиги народа, его искренняя любовь и самоотверженный труд.

Давайте поговорим

Что отличает лирику Эркина Вахидова и какие основные темы она затрагивает?

Задание

Прочитайте выразительно стихотворения Эркина Вахидова «Свободный край – Узбекистан», «Родная земля».

СВОБОДНЫЙ КРАЙ – УЗБЕКИСТАН

Ещё картины прошлых лет встают сквозь горные туманы:
Запекшиеся средь камней – от крови пролитой – тюльпаны.

Топтали орды хищно, зло, и на земле заметны раны...
Но время новое пришло. И ветры вольные над нами.

Узбекистан – свободный край, живи и расцветай садами!
Так воплотилась в явь мечта и мрачные упали своды.

Освобожденья грянул час, мы – отроки твоей свободы,
Её защитники, творцы сегодня и в любые годы.

Дух чистой веры не угас, в сердцах горит надежды пламя.
Узбекистан – свободный край, живи и расцветай садами!

Ты, солнцем залитый простор, планеты всей раскрой объятья,
И предков мудрость возроди, другие высшие понятья,

Орлиной мощи достигай назло всем бедам и напастям.
Достойный мировых высот – как легендарный конь с крылами,
Узбекистан – свободный край, живи и расцветай садами.

Перевод Н. Панченко

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

За что человек землю любит и чтит,
За что её все называют священной?
Она неказиста на цвет и на вид,
И чем славен прах этот – бурый и тленный?

Но вложены в землю терпенье и труд,
И щедро политы поля её потом,
И землю родную, где всходы цветут,
За это и славят с великим почётом.

И если любимую землю свою
Хранит от врага человек неизменно,
И, землю обняв, умирает в бою,
Навеки земля его кровью священна.

Земля неказиста на цвет и на вид,
Её вещество не священно, но свято,
Но прах этот потом священным полит,
И кровь – за него вековечная плата!

Перевод С. Иванова

Давайте обсудим

1. Какой предстаёт Родина в стихотворении «Свободный край – Узбекистан»?
2. Каким представлено историческое прошлое родного края в стихотворении?
3. Чувствуете ли вы так же глубоко связь с землёй, как герой стихотворения «Родная земля»?
4. Почему люди во все времена защищают свою землю даже ценой жизни?
5. Как вы понимаете строчки «Но прах этот потом священным полит, // И кровь – за него вековечная плата!»?

Практическая работа

Заполните таблицу в тетрадях по стихотворению, которое вам понравилось.

Параметры	Содержание
Автор	*
Название	*
Тема	*
Идея	*
Основная мысль	*
Композиция	*
Образы	*
Художественные средства	*
Настроение, тон	*
Жанр	*
Актуальность	*

Творческое задание

Напишите эссе на тему «Родная земля».

Домашнее задание

Выучите наизусть стихотворение «Свободный край – Узбекистан».

Подготовка к встрече с текстом

В стихотворении Эркина Вахидова **«Учителю сказал я…»** лирический герой с теплотой вспоминает школьные годы. Вопрос, однажды заданный учителю, обретает глубокий философский смысл – это уже не просто размышление о законах гравитации, а размышление о жизни, взрослении, о связи с родной землёй, детством и теми истоками, которые формируют человека.

Образ ведра с водой, не теряющего ни одной капли, превращается в метафору человека, являющегося неотъемлемой частью мира. Спустя годы герой всё так же ощущает себя «одной из капель», который держится в стремительном круговороте, благодаря знаниям, Родине, смыслу бытия. Ощущение связи с землёй, память о школьном дворе, о мудрых наставниках, когда-то объяснивших не только физические, но и жизненные законы, становятся важными духовными ценностями.

Давайте поговорим

1. В чём своеобразие лирики Э. Вахидова?
2. Назовите ключевые темы в поэзии Э. Вахидова. В чём причины, на ваш взгляд, их приоритета в поэтическом творчестве поэта?

Задание

Прочитайте выразительно стихотворение Эркина Вахидова «Учителю сказал я…».

* * *

Учителю сказал я: – Вместе с нами
земля вершит кружение своё.
Но если все мы ходим вверх ногами,
то почему не падаем с неё?

На перемене, взяв ведро с водою,
учитель среди школьного двора
вдруг стал кружить его над головою.
Ни капли не упало из ведра.

Года прошли. И позабылось детство.
Давно распахнут нам земной простор.
Плывём, летаем, движемся. А где-то
всё так же зеленеет школьный двор.

И под ногами ощущая камень
и гул земного жаркого ядра,
я чувствую себя одной из капель,
что в детстве не упала из ведра.

Движенья и стремительности жажда,
как и в земле, живёт во мне всегда.
А если вдруг остановлюсь однажды,
то, оторвавшись, сгину без следа.

Перевод А.Файнберга

Давайте поговорим

1. Какие образные средства использует поэт в стихотворении? Прочитайте эти строки.

2. Как вы думаете, почему воспоминания детства и простые истины остаются с нами на всю жизнь?

3. Как вы понимаете строки «А если вдруг остановлюсь однажды, // то, оторвавшись, сгину без следа»?

4. Могут ли знания, полученные в школе, повлиять на формирование вашего мировоззрения? Обоснуйте свой ответ.

Практическая работа

Заполните таблицу в тетрадях.

Художественно-изобразительные средства	Пример из стихотворения	Значение
Эпитеты	«жаркого ядра», «зеленеет школьный двор»	Создают живую, яркую картину жизни.
Метафора	*	*
Олицетворение	*	*
Антитеза	*	*

Подготовка к встрече с текстом

В басне **«Страус»** поэт затрагивает важные жизненные проблемы человека, раскрывающие суть человеческой натуры. На первый взгляд скромная по объёму басня обретает глубокий смысл, становясь ироничным размышлением о приспособленцах и трусах, стремящихся укрыться от ответственности.

Давайте поговорим

Какой поэтический приём использовал Э. Вахидов в стихотворении «Страус»?

Задание

Прочитайте выразительно стихотворение Эркина Вахидова «Страус».

СТРАУС

Он говорил:
– Люблю покой и труд.
Он говорил:
– Да полно суетиться! –
Верблюдам говорил, что он верблюд,
А птицам – настороженно! – что птица.
Он прожил жизнь – и он не прожил дня!
Плыл по теченью, ничего не знача.
Жил – страусом,
Как вся его родня:
Лицом в песок, глаза от жизни пряча.

Перевод Н. Панченко

Страус по-узбекски – туякуш, состоит из двух слов: «туя» – верблюд и «куш» – птица.

Давайте обсудим

1. Какую идею заложил автор в басне «Страус»?
2. Какие человеческие пороки обличает автор?
3. В чём заключается скрытый смысл названия басни и какова его языковая игра на узбекском?
4. Что, по вашему мнению, означает фраза: «Он прожил жизнь – и он не прожил дня»?

Практическая работа

Прочитайте и подумайте над предложенным выводом. Выскажите свою точку зрения. Обоснуйте свой ответ.

В жизни каждый человек рано или поздно сталкивается с выбором: быть собой или подстраиваться под ожидания окружающих. Страх быть непонятым, осуждённым или отвергнутым часто толкает людей на путь приспособленчества. Об этом метко сказал поэт в стихотворении «Страус», создав образ героя, который меняет своё поведение в зависимости от мнения собеседника: «верблюдам говорил, что – он верблюд, а птицам – что птица». Такому человеку проще подстраиваться, чем отстаивать свою индивидуальность. Но можно ли считать, что он по-настоящему живёт, если боится показать свою суть?

Домашнее задание

Представьте, что вы журналист и беседуете со страусом – персонажем стихотворения. Составьте три вопроса к нему и придумайте ответы, которые он мог бы дать. Выполните задание письменно.

Глава IV

ЧЕЛОВЕК В СЛОЖНОМ И ПРОТИВОРЕЧИВОМ МИРЕ

ИБРАГИМ ЮСУПОВ (1929–2008)

Знакомство с автором

Ибрагим Юсупов – крупнейший представитель каракалпакской литературы, поэт, писатель, драматург и переводчик, родился 5 мая 1929 года в Каракалпакстане. Его творчество получило высокую оценку среди современников. Известный поэт Расул Гамзатов называл Юсупова «поэтом, исцеляющим души», а Кайсын Кулиев ставил его в один ряд с великими мастерами тюркской поэзии – Навои и Махтумкули, называя его «пророком поэзии тюркоязычных народов».

Подготовка к встрече с текстом

Много красоты и любви к природе таится в стихотворениях Ибрагима Юсупова, посвящённых Родине. Например, в стихотворении **«Канны в Нукусе»** поэт выражает большую любовь к своему родному краю и к цветам, которые выросли «среди равнин пустых». Поэт подчеркивает, что алые канны являются цветами Востока, весь народ Каракалпакстана видит в них народные праздничные цветы. Автор показывает, что канны – не просто украшение улиц, а настоящие «жители» города: они встречают гостей, поднимают настроение прохожим, не вянут даже тогда, когда остальные цветы теряют свежесть. В образе канн раскрывается характер каракалпакского народа – открытого, трудолюбивого и сильного.

Поэт видит красоту в родных и, казалось бы, простых вещах. Возможно, в каждом из нас живёт частица той самой канны – гордой и выносливой, которая «не сдаётся до конца».

Давайте поговорим

1. Вспомните и назовите стихотворения известных поэтов, посвящённые цветам.
2. Можно ли путём описания цветов передать свои чувства? Опишите цветы, которые для вас являются символом добра, нежности и любви.
3. Какие черты характера народа символизирует цветок канна в стихотворении И. Юсупова?

Задание

Прочитайте выразительно стихотворение Ибрагима Юсупова «Канны в Нукусе».

КАННЫ В НУКУСЕ

(В сокращении)

Из-за заборов деревянных,
С газонов светлых площадей
Глядят цветы Востока – канны –
С улыбкой доброй на людей.

На них мы смотрим, как на чудо,
Поэт и пахарь, я и ты:
Любовь трудящегося люда,
О канны, алые цветы!

Вы, канны, говорите гордо,
Что время лучшее пришло,
Вы у дверей аэропорта
Гостей встречаете тепло.

Как пламя средь ночного мрака,
Вы, канны, яростно ярки,
Любимый цвет каракалпака
Окрасил ваши лепестки!

Днем ходят канны, как фазаны.
Веселый водят хоровод.
О, взять бы в руки кисть Сарьяна!
Художники, смешной народ,

Цветы, поблекшие в стаканах,
Изображая на холстах,
Вы забываете о каннах –
Народных праздничных цветах!

Я б холст большой на площадь вынес
И рисовал бы только их
На фоне города, что вырос
Цветком среди равнин пустых!..

Уносит осень цвет за цветом –
Зелёный, белый, голубой,
Цветы другие вслед за летом
Уходят, не вступая в бой.

Все пожелтеет, но бессонно
Лишь канны – гордые сердца –
Стоят, как знамя гарнизона,
Что не сдаётся до конца.

Перевод О. Дмитриева

Давайте обсудим

1. Как автор описывает родной город Нукус? Какие чувства он к нему испытывает?
2. Почему автор называет канны любимыми цветами каракалпаков?
3. С чем сравнивает автор канны? Прочитайте эти строки.

Домашнее задание

Выучите наизусть стихотворение Ибрагима Юсупова «Канны в Нукусе».

Подготовка к встрече с текстом

Стихотворение «Чёрный тал» – это искреннее признание в любви к родному краю. Через образ дерева поэт показывает, как природа становится частью души человека, как детские воспоминания, родной язык и земля формируют личность. Где бы человек ни был, он всегда возвращается сердцем туда, где его корни, где шумит его «чёрный тал». Стихотворение Ибрагима Юсупова «Чёрный тал» состоит из двух частей. В первой части поэт вспоминает своё детство, родной край, где он вырос. Чёрный тал становится символом его родного дома, заботы матери, первых чувств, первых мыслей и вдохновения. Образ чёрного тала словно живой: «Когда шумел ты возле юрты – шум ветвей // Звучал в душе, как сказки матери моей» – он шумит, склоняется, как будто разговаривает с ребёнком, наставляет его. Дерево сопровождает главного героя с самых первых дней жизни. Оно рядом, когда мать качает колыбель, когда в душе рождаются мечты, когда впервые приходит любовь к земле и поэзии: «На этих берегах // Являлись мне не раз и Пушкин, и Бердах». Автор делится тёплыми, почти волшебными ощущениями: дерево не просто стоит рядом – оно шепчет, благословляет и даже вдохновляет стать поэтом. Во второй части стихотворения лирический герой уже вырос. Он побывал в разных уголках страны: «Открылась мне такая даль, такой простор: // Леса над Волгой и стена Кавказских гор. // Я видел море, кипарисы, много дней // Я наслаждался тенью пальмовых аллей. // Но я всегда в своих мечтах летел к тебе» – видел моря, горы, новые города и красоты. Но, несмотря на все впечатления, сердце его всегда тянется к родным местам, к чёрному талу, под тенью которого прошло детство. Поэт осознаёт: именно здесь его корни, его судьба. Чёрный тал продолжает шуметь, словно охраняет родной аул. Поэт называет себя преданным сыном, певцом и мечтателем своей земли – и это чувство любви к Родине звучит очень искренне и трогательно.

Давайте поговорим

1. Как влияет на человека окружающая его природа?
2. Как вы думаете, почему человек, где бы он ни был, возвращается к своим корням?

Прочитайте выразительно стихотворение Ибрагима Юсупова «Чёрный тал».

ЧЁРНЫЙ ТАЛ

1

Там, где шумит арык, растёшь ты, чёрный тал,
По берегам живой стеной кустарник встал.
Твой каждый куст и каждый листик мне сродни –
Родился я под этим небом в их тени.
Не раз, подвесив колыбель к твоим ветвям,
Меня качала мать, и ты склонялся к нам.
Когда шумел ты возле юрты – шум ветвей
Звучал в душе, как сказки матери моей.
В густой листве шныряющие воробьи
Мне озорство и живость отдали свои.
К земле в раздумье ветви тонкие клоня,
Учил ты вдумчивости, строгости меня.
Здесь я узнал любовь; на этих берегах
Являлись мне не раз и Пушкин, и ***Бердах***.
Здесь над водой, что с тихим лепетом лилась,
Любовь к земле отцов в те годы родилась...
То ты примолкнешь, точно сказочник седой,
То расшумишься, беспокойный, молодой.
Мне не забыть твоих речей, мой чёрный тал.
«О, будь поэтом!» – не однажды ты шептал.
Когда пришло мне время из дому уйти,
Ты провожал, желал мне доброго пути.

2

Осталось детство там, где песни пел арык,
Я вырос и окреп, как молодой тальник.
Открылась мне такая даль, такой простор:
Леса над Волгой и стена Кавказских гор.
Я видел море, кипарисы, много дней
Я наслаждался тенью пальмовых аллей.
Но я всегда в своих мечтах летел к тебе,
Я полон дум о молодой твоей судьбе.
А ты себе шумишь, подставив солнцу грудь,
Зовёшь прохожих в знойный полдень отдохнуть.
Вокруг тебя текут счастливой жизни дни,
И мой родной аул растёт в твоей тени...
О берег мой, мечта моя, цвети, шуми листвой,
Я преданный твой сын, певец, мечтатель твой!

Перевод П. Пагирева

Бердах (1827–1900) – один из виднейших представителей каракалпакской литературы, родоначальник современного каракалпакского литературного языка.

Практическая работа

Заполните таблицу в тетради по стихотворению Ибрагима Юсупова «Чёрный тал».

Художественно-изобразительные средства	Чёрный тал
Эпитеты	*
Олицетворения	*
Метафоры	*

Давайте обсудим

1. Какое влияние оказывал чёрный тал на становление личности и мировоззрения поэта в раннем детстве, отрочестве и юности?
2. В каких краях побывал поэт?
3. Куда стремится душа поэта?
4. Как вы понимаете строки: *«… я всегда в своих мечтах летел к тебе, // Я полон дум о молодой твоей судьбе»?*

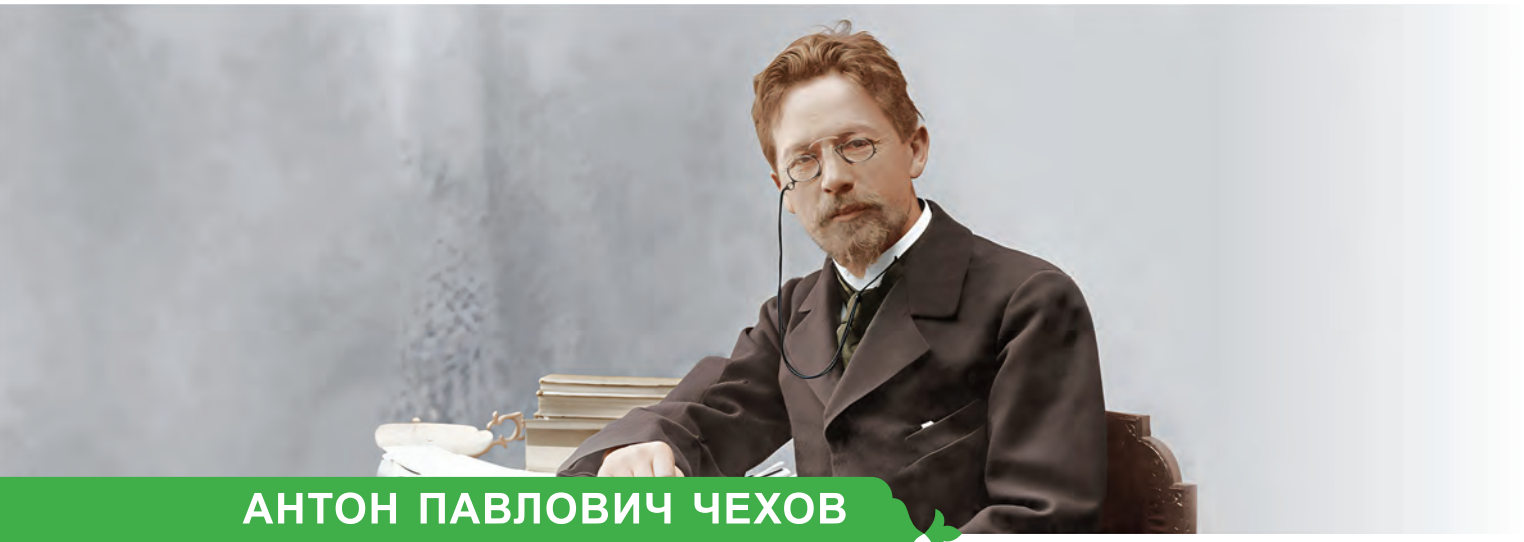
Творческое задание

Напишите эссе на одну из тем:

1. **«Что для меня мой чёрный тал?»**
   – Напишите о месте, дереве, человеке или воспоминании, которое для вас так же дорого, как чёрный тал для героя стихотворения. Почему вы к этому так привязаны?
2. **«Если бы чёрный тал умел говорить…»**
   – Представьте, что дерево действительно могло разговаривать. Что бы оно рассказало о жизни героя, об ауле, о времени, которое прошло?
3. **«Письмо чёрному талу»**
   – Напишите письмо дереву, поделитесь своими мыслями, чувствами, благодарностью – как если бы вы уехали из родного дома, как герой стихотворения.

Домашнее задание

Выучите первую или вторую часть стихотворения (по выбору).

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ (1860–1904)

Знакомство с автором

Антон Павлович Чехов – признанный мастер короткого юмористического рассказа, ставшего визитной карточкой писателя. В основе чеховского юмора лежит наблюдательность, точность деталей, живость языка. Многие произведения поднимают ключевые проблемы человеческой жизни во всей её трагикомической полноте. Особое место в его творчестве занимают драматургические произведения, в которых проявляется талант А.П. Чехова – новатора, создателя «нового театра» (пьесы «Чайка», «Вишнёвый сад», «Три сестры», «Дядя Ваня»). О значении творчества писателя очень ёмко и точно сказал Л. Толстой: «Чехов – несравненный художник… художник жизни…»

Подготовка к встрече с текстом

Маленькая трилогия А.П. Чехова

Маленькая трилогия А.П. Чехова состоит из трёх рассказов – «Человек в футляре», «Крыжовник» и «О любви», которые объединены героями-повествователями. Это товарищи по охоте: Буркин, Иван Иванович Чимша-Гималайский и Алёхин, каждый из которых представляет одну историю, повествуя о людях, живущих в футляре, испытывающих «страх» жизни, перемен, зацикленных на какой-либо идее, и, как следствие, лишающих себя возможности жить полноценной жизнью. В своих произведениях Чехов поднимает проблему футлярного образа жизни, проявляющийся не только в общественной сфере, но и в личных отношениях людей.

Рассказы А.П. Чехова отличаются лаконизмом повествования и простотой сюжета, но за внешне незначительными событиями скрыто глубокое содержание, где остро ставится вопрос о нравственном долге человека перед собой и окружающими.

Трилогия имеет общую идею. Каждый из рассказов даёт глубокое представление о жизни, где значительное соседствует с ничтожным, смешное – с трагическим. Кроме того, даётся представление и о самом рассказчике, его жизненной позиции. Смешанная форма повествования давала возможность писателю исследовать разные сферы жизни людей, но главное – духовный мир его современника. Автор не беспристрастен, его жизненная позиция чётко прослеживается в структуре повествования.

1. В чем специфика композиции маленькой трилогии А.П. Чехова?
2. Какова проблематика «футлярного цикла»?

Давайте поговорим

1. Выявите детали в структуре создания художественного образа.
2. Как вы думаете, способен ли рассказ о повседневном событии затронуть важные философские темы – бытия, счастья и смысла жизни?

Задание

Прочитайте рассказ Чехова «Человек в футляре».

ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ

(Фрагменты)

На самом краю села Мироносицкого, в сарае старосты Прокофия расположились на ночлег запоздавшие охотники. Их было только двое: ветеринарный врач Иван Иваныч и учитель гимназии Буркин.

<…> Рассказывали разные истории.

<…> Да вот, недалеко искать, месяца два назад умер у нас в городе некий Беликов, учитель греческого языка, мой товарищ. Вы о нём слышали, конечно. Он был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в тёплом пальто на вате. И зонтик у него был в чехле, и часы в чехле из серой замши, и когда вынимал перочинный нож, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчике; и лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он всё время прятал его в поднятый воротник. Он носил тёмные очки, фуфайку, уши закладывал ватой, и когда садился на извозчика, то приказывал поднимать верх. Одним словом, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний. Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге, и, быть может, для того, чтобы оправдать эту свою робость, своё отвращение к настоящему, он всегда хвалил про-

шлое и то, чего никогда не было; и древние языки, которые он преподавал, были для него, в сущности, те же калоши и зонтик, куда он прятался от действительной жизни.

– О, как звучен, как прекрасен греческий язык! – говорил он со сладким выражением; и, как бы в доказательство своих слов, прищурив глаз и подняв палец, произносил: – Антропос!

И мысль свою Беликов также старался запрятать в футляр.

<…> Мы, учителя, боялись его. И даже директор боялся. Вот подите же, наши учителя народ всё мыслящий, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневе и Щедрине, однако же этот человечек, ходивший всегда в калошах и с зонтиком, держал в руках всю гимназию целых пятнадцать лет! Да что гимназию? Весь город! <…>

– Беликов жил в том же доме, где и я, – продолжал Буркин, – в том же этаже, дверь против двери, мы часто виделись, и я знал его домашнюю жизнь. И дома та же история: халат, колпак, ставни, задвижки, целый ряд всяких запрещений, ограничений, и – ах, как бы чего не вышло! Постное есть вредно, а скоромное нельзя, так как, пожалуй, скажут, что Беликов не исполняет постов, и он ел судака на коровьем масле, – пища не постная, но и нельзя сказать, чтобы скоромная.

<…> Спальня у Беликова была маленькая, точно ящик, кровать была с пологом. Ложась спать, он укрывался с головой; было жарко, душно, в закрытые двери стучался ветер, в печке гудело; слышались вздохи из кухни, вздохи зловещие... И ему было страшно под одеялом. Он боялся, как бы чего не вышло, как бы его не зарезал Афанасий, как бы не забрались воры, и потом всю ночь видел тревожные сны, а утром, когда мы вместе шли в гимназию, был скучен, бледен, и было видно, что многолюдная гимназия, в которую он шёл, была страшна, противна всему существу его и что идти рядом со мной ему, человеку по натуре одинокому, было тяжко.

– Очень уж шумят у нас в классах, – говорил он, как бы стараясь отыскать объяснения своему тяжёлому чувству. – Ни на что не похоже.

И этот учитель греческого языка, этот человек в футляре, можете себе представить, едва не женился.

Иван Иваныч быстро оглянулся в сарай и сказал:

– Шутите!

– Да, едва не женился, как это ни странно. Назначили к нам нового учителя истории и географии, некоего Коваленко, Михаила Саввича, из хохлов. Приехал он не один, а с сестрой Варенькой. Он молодой, высокий, смуглый, с громадными руками, и по лицу видно, что говорит басом, и в самом деле, голос как из бочки: бу-бу-бу... А она уже не молодая, лет тридцати, но тоже высокая, стройная, чернобровая, краснощёкая, – одним словом, не девица, а мармелад, и такая разбитная, шумная, всё поет малороссийские романсы и хохочет. Чуть что, так и зальётся голосистым смехом: ха-ха-ха! Первое, основательное знакомство с Коваленками у нас, помню, произошло на именинах у директора. Среди суровых, напряжённо скучных педагогов, которые и на именины-то ходят по обязанности, вдруг видим, новая Афродита возродилась из пены: ходит подбоченясь, хохочет, поёт, пляшет... Она спела с чувством «Виют витры», потом ещё романс, и ещё, и всех нас очаровала, – всех, даже Беликова. Он подсел к ней и сказал, сладко улыбаясь:

– Малороссийский язык своею нежностью и приятною звучностью напоминает древнегреческий. <…>

Мы все почему-то вспомнили, что наш Беликов не женат, и нам теперь казалось странным, что мы до сих пор как-то не замечали, совершенно упускали из виду такую важную подробность в его жизни. Как вообще он относится к женщине, как он решает для себя этот насущный вопрос? Раньше это не интересовало нас вовсе; быть может, мы не допускали даже и мысли, что человек, который во всякую погоду ходит в калошах и спит под пологом, может любить.

– Ему давно уже за сорок, а ей тридцать... – пояснила свою мысль директорша. – Мне кажется, она бы за него пошла.

Чего только не делается у нас в провинции от скуки, сколько ненужного, вздорного! И это потому, что совсем не делается то, что нужно. Ну вот к чему нам вдруг понадобилось женить этого Беликова, которого даже и вообразить нельзя было женатым? Директорша, инспекторша и все наши гимназические дамы ожили, даже похорошели, точно вдруг увидели цель жизни. Директорша берёт в театре ложу, и смотрим – в её ложе сидит Варенька с этаким веером, сияющая, счастливая, и рядом с ней Беликов, маленький, скрюченный, точно его из дому клещами вытащили. Я даю вечеринку, и дамы требуют, чтобы я непременно пригласил и Беликова и Вареньку. Одним словом, заработала машина. Оказалось, что Варенька не прочь была замуж. Жить ей у брата было не очень-то весело, только и знали, что по целым дням спорили и ругались. Вот вам сцена: идёт Коваленко по улице, высокий, здоровый верзила, в вышитой сорочке, чуб из-под фуражки падает на лоб; в одной руке пачка книг, в другой толстая суковатая палка. За ним идёт сестра, тоже с книгами.

– Да ты же, Михайлик, этого не читал! – спорит она громко. – Я же тебе говорю, клянусь, ты не читал же этого вовсе!

– А я тебе говорю, что читал! – кричит Коваленко, гремя палкой по тротуару.

– Ах же, боже ж мой, Минчик! Чего же ты сердишься, ведь у нас же разговор принципиальный.

– А я тебе говорю, что я читал! – кричит ещё громче Коваленко.

А дома, как кто посторонний, так и перепалка. Такая жизнь, вероятно, наскучила, хотелось своего угла, да и возраст принять во внимание; тут уж перебирать некогда, выйдешь за кого угодно, даже за учителя греческого языка. И то сказать, для большинства наших барышень за кого ни выйти, лишь бы выйти. Как бы ни было, Варенька стала оказывать нашему Беликову явную благосклонность. А Беликов? Он и к Коваленку ходил так же, как к нам. Придёт к нему, сядет и молчит. Он молчит, а Варенька поёт ему «Виют витры», или глядит на него задумчиво своими тёмными глазами, или вдруг зальётся:

– Ха-ха-ха!

В любовных делах, а особенно в женитьбе, внушение играет большую роль. Все – и товарищи, и дамы – стали уверять Беликова, что он должен жениться, что ему ничего больше не остаётся в жизни, как жениться; все мы поздравляли его, говорили с важными лицами разные пошлости, вроде того-де, что брак есть шаг серьёзный; к тому же Варенька была недурна собой, интересна, она была дочь статского советника и имела хутор, а главное, это была первая женщина, которая отнеслась к нему ласково, сердечно, –

голова у него закружилась, и он решил, что ему в самом деле нужно жениться. <…> И, по всей вероятности, в конце концов он сделал бы предложение и совершился бы один из тех ненужных, глупых браков, каких у нас от скуки и от нечего делать совершаются тысячи, если бы вдруг не произошел kolossalischeSkandal. Нужно сказать, что брат Вареньки, Коваленко, возненавидел Беликова с первого же дня знакомства и терпеть его не мог.

– Не понимаю, – говорил он нам, пожимая плечами, – не понимаю, как вы переваривaете этого фискала, эту мерзкую рожу. Эх, господа, как вы можете тут жить! Атмосфера у вас удушающая, поганая. Разве вы педагоги, учителя? <…>

Теперь слушайте, что дальше. Какой-то проказник нарисовал карикатуру: идёт Беликов в калошах, в подсученных брюках, под зонтом, и с ним под руку Варенька; внизу подпись: «влюбленный антропос». Выражение схвачено, понимаете ли, удивительно. Художник, должно быть, проработал не одну ночь, так как все учителя мужской и женской гимназий, учителя семинарии, чиновники, – все получили по экземпляру. Получил и Беликов. Карикатура произвела на него самое тяжёлое впечатление.

Выходим мы вместе из дому, – это было как раз первое мая, воскресенье, и мы все, учителя и гимназисты, условились сойтись у гимназии и потом вместе идти пешком за город в рощу, – выходим мы, а он зелёный, мрачнее тучи.

– Какие есть нехорошие, злые люди! – проговорил он, и губы у него задрожали.

Мне даже жалко его стало. Идем, и вдруг, можете себе представить, катит на велосипеде Коваленко, а за ним Варенька, тоже на велосипеде, красная, заморенная, но весёлая, радостная.

– А мы, – кричит она, – вперёд едем! Уже ж такая хорошая погода, такая хорошая, что просто ужас!

И скрылись оба. Мой Беликов из зелёного стал белым и точно оцепенел. Остановился и смотрит на меня...

– Позвольте, что же это такое? – спросил он. – Или, быть может, меня обманывает зрение? Разве преподавателям гимназии и женщинам прилично ездить на велосипеде?

– Что же тут неприличного? – сказал я. – И пусть катаются себе на здоровье.

– Да как же можно? – крикнул он, изумляясь моему спокойствию. – Что вы говорите?!

И он был так поражён, что не захотел идти дальше и вернулся домой. <…>

На другой день он всё время нервно потирал руки и вздрагивал, и было видно по лицу, что ему нехорошо. И с занятий ушел, что случилось с ним первый раз в жизни. И не обедал. А под вечер оделся потеплее, хотя на дворе стояла совсем летняя погода, и поплелся к Коваленкам. Вареньки не было дома, застал он только брата.

– Садитесь, покорнейше прошу, – проговорил Коваленко холодно и нахмурил брови; лицо у него было заспанное, он только что отдыхал после обеда и был сильно не в духе.

Беликов посидел молча минут десять и начал:

– Я к вам пришёл, чтоб облегчить душу. Мне очень, очень тяжело. Какой-то пасквилянт нарисовал в смешном виде меня и ещё одну особу, нам обоим близкую. Считаю долгом уверить вас, что я тут ни при чём... Я не подавал никакого повода к такой насмешке, – напротив же, всё время вёл себя как вполне порядочный человек.

Коваленко сидел, надувшись, и молчал. Беликов подождал немного и продолжал тихо, печальным голосом:

– И ещё я имею кое-что сказать вам. Я давно служу, вы же только ещё начинаете службу, и я считаю долгом, как старший товарищ, предостеречь вас. Вы катаетесь на велосипеде, а эта забава совершенно неприлична для воспитателя юношества.

– Почему же? – спросил Коваленко басом.

– Да разве тут надо ещё объяснять, Михаил Саввич, разве это не понятно? Если учитель едет на велосипеде, то что же остается ученикам? Им остается только ходить на головах! И раз это не разрешено циркулярно, то и нельзя. Я вчера ужаснулся! Когда я увидел вашу сестрицу, то у меня помутилось в глазах. Женщина или девушка на велосипеде – это ужасно!

– Что же собственно вам угодно?

– Мне угодно только одно – предостеречь вас, Михаил Саввич. Вы – человек молодой, у вас впереди будущее, надо вести себя очень, очень осторожно, вы же так манкируете, ох, как манкируете! Вы ходите в вышитой сорочке, постоянно на улице с какими-то книгами, а теперь вот еще велосипед. О том, что вы и ваша сестрица катаетесь на велосипеде, узнает директор, потом дойдет до попечителя... Что же хорошего?

– Что я и сестра катаемся на велосипеде, никому нет до этого дела! – сказал Коваленко и побагровел. – А кто будет вмешиваться в мои домашние и семейные дела, того я пошлю к чертям собачьим.

Беликов побледнел и встал.

– Если вы говорите со мной таким тоном, то я не могу продолжать, – сказал он. – И прошу вас никогда так не выражаться в моём присутствии о начальниках. Вы должны с уважением относиться к властям.

– А разве я говорил что дурное про властей? – спросил Коваленко, глядя на него со злобой. – Пожалуйста, оставьте меня в покое. Я честный человек и с таким господином, как вы, не желаю разговаривать. Я не люблю фискалов.

Беликов нервно засуетился и стал одеваться быстро, с выражением ужаса на лице. Ведь это первый раз в жизни он слышал такие грубости.

– Можете говорить, что вам угодно, – сказал он, выходя из передней на площадку лестницы. – Я должен только предупредить вас: быть может, нас слышал кто-нибудь, и, чтобы не перетолковали нашего разговора и чего-нибудь не вышло, я должен буду доложить господину директору содержание нашего разговора... в главных чертах. Я обязан это сделать.

– Доложить? Ступай, докладывай!

Коваленко схватил его сзади за воротник и пихнул, и Беликов покатился вниз по лестнице, гремя своими калошами. Лестница была высокая, крутая, но он докатился донизу благополучно; встал и потрогал себя за нос: целы ли очки? Но как раз в то время, когда он катился по лестнице, вошла Варенька и с нею две дамы; они стояли внизу и глядели – и для Беликова это было ужаснее всего. Лучше бы, кажется, сломать себе шею, обе ноги, чем стать посмешищем; ведь теперь узнает весь город, дойдет до директора, попечителя, – ах, как бы чего не вышло! – нарисуют новую карикатуру, и кончится всё это тем, что прикажут подать в отставку...Когда он поднялся, Варенька узнала его и, глядя на его смешное лицо, помятое пальто, калоши, не понимая, в чём дело, полагая, что это он упал сам нечаянно, не удержалась и захохотала на весь дом:

– Ха-ха-ха!

И этим раскатистым, заливчатым «ха-ха-ха» завершилось всё: и сватовство, и земное существование Беликова. Уже он не слышал, что говорила Варенька, и ничего не видел. Вернувшись к себе домой, он прежде всего убрал со стола портрет, а потом лёг и уже больше не вставал.

Дня через три пришел ко мне Афанасий и спросил, не надо ли послать за доктором, так как-де с барином что-то делается. Я пошёл к Беликову. Он лежал под пологом, укрытый одеялом, и молчал; спросишь его, а он только да или нет – и больше ни звука. Он лежит, а возле бродит Афанасий, мрачный, нахмуренный, и вздыхает глубоко; а от него водкой, как из кабака.

Через месяц Беликов умер. Хоронили мы его все, то есть обе гимназии и семинария. Теперь, когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже весёлое, точно он был рад, что наконец его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет. Да, он достиг своего идеала! И как бы в честь его во время похорон была пасмурная, дождливая погода, и все мы были в калошах и с зонтами. Варенька тоже была на похоронах и, когда гроб опускали в могилу, всплакнула. Я заметил, что хохлушки только плачут или хохочут, среднего же настроения у них не бывает.

Признаюсь, хоронить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие. Когда мы возвращались с кладбища, то у нас были скромные постные физиономии; никому не хотелось обнаружить этого чувства удовольствия, – чувства, похожего на то, какое мы испытывали давно-давно, ещё в детстве, когда старшие уезжали из дому и мы бегали по саду час-другой, наслаждаясь полною свободой. Ах, свобода, свобода! Даже намёк, даже слабая надежда на её возможность дает душе крылья, не правда ли?

Вернулись мы с кладбища в добром расположении. Но прошло не больше недели, и жизнь потекла по-прежнему, такая же суровая, утомительная, бестолковая, жизнь, не запрещённая циркулярно, но и не разрешённая вполне; не стало лучше. И в самом деле, Беликова похоронили, а сколько ещё таких человеков в футляре осталось, сколько их ещё будет <…>.

– То-то вот оно и есть, – повторил Иван Иваныч. – А разве то, что мы живем в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт – разве это не футляр?

Домашнее задание

1. Опишите внешность Беликова, выделите примечательные особенности. Что вы можете сказать о герое?
2. Найдите ключевые слова и выражения, характеризующие Беликова.
3. Какая обстановка была в доме у Беликова? Как выглядела спальня Беликова?
4. Какая была подпись под карикатурой на Беликова и Вареньку?
5. О чём думал Беликов, когда упал и катился по лестнице в подъезде дома Вареньки?
6. Что «оставил» в наследство Беликов городу?
7. Что было странного во время похорон Беликова?
8. Каково было выражение лица Беликова в гробу?

Задание

Прочитайте рассказ Чехова «Крыжовник».

КРЫЖОВНИК

(Фрагменты)

<…> – В прошлый раз, когда мы были в сарае у старосты Прокофия, – сказал Буркин, – вы собирались рассказать какую-то историю.

– Да, я хотел тогда рассказать про своего брата.

Иван Иваныч протяжно вздохнул и закурил трубочку, чтобы начать рассказывать, но как раз в это время пошёл дождь. И минут через пять лил уже сильный дождь, обложной, и трудно было предвидеть, когда он кончится. Иван Иваныч и Буркин остановились в раздумье; собаки, уже мокрые, стояли, поджав хвосты, и смотрели на них с умилением.

– Нам нужно укрыться куда-нибудь, – сказал Буркин. – Пойдёмте к Алёхину. Тут близко.

– Пойдёмте.

Они свернули в сторону и шли всё по скошенному полю, то прямо, то забирая направо, пока не вышли на дорогу. Скоро показались тополи, сад, потом красные крыши амбаров; заблестела река, и открылся вид на широкий плёс с мельницей и белою купальней. Это было Софьино, где жил Алёхин.

Мельница работала, заглушая шум дождя; плотина дрожала. Тут около телег стояли мокрые лошади, понурив головы, и ходили люди, накрывшись мешками. Было сыро, грязно, неуютно, и вид у плёса был холодный, злой. Иван Иваныч и Буркин испытывали уже чувство мокроты, нечистоты, неудобства во всём теле, ноги отяжелели от грязи, и когда, пройдя плотину, они поднимались к господским амбарам, то молчали, точно сердились друг на друга.

В одном из амбаров шумела веялка; дверь была открыта, и из неё валила пыль. На пороге стоял сам Алёхин, мужчина лет сорока, высокий, полный, с длинными волосами, похожий больше на профессора или художника, чем на помещика. На нём была белая, давно не мытая рубаха с верёвочным пояском, вместо брюк кальсоны, и на сапогах тоже налипли грязь и солома. Нос и глаза были черны от пыли. Он узнал Ивана Иваныча и Буркина и, по-видимому, очень обрадовался.

– Пожалуйте, господа, в дом, – сказал он, улыбаясь. – Я сейчас, сию минуту.

Дом был большой, двухэтажный. Алёхин жил внизу, в двух комнатах со сводами и с маленькими окнами, где когда-то жили приказчики; тут была обстановка простая, и пахло ржаным хлебом, дешёвою водкой и сбруей. Наверху же, в парадных комнатах, он бывал редко, только когда приезжали гости. Ивана Иваныча и Буркина встретила в доме горничная, молодая женщина, такая красивая, что они оба разом остановились и поглядели друг на друга.

– Вы не можете себе представить, как я рад видеть вас, господа, – говорил Алёхин, входя за ними в переднюю. – Вот не ожидал! Пелагея, – обратился он к горничной, – дайте гостям переодеться во что-нибудь. Да кстати и я переоденусь. Только надо сна-

чала пойти помыться, а то я, кажется, с весны не мылся. Не хотите ли, господа, пойти в купальню, а тут пока приготовят.

Красивая Пелагея, такая деликатная и на вид такая мягкая, принесла простыни и мыло, и Алёхин с гостями пошёл в купальню.

– Да, давно я уже не мылся, – говорил он, раздеваясь. – Купальня у меня, как видите, хорошая, отец ещё строил, но мыться как-то всё некогда.

Он сел на ступеньке и намылил свои длинные волосы и шею, и вода около него стала коричневой.

– Да, признаюсь... – проговорил Иван Иваныч значительно, глядя на его голову.

– Давно я уже не мылся... – повторил Алёхин конфузливо и ещё раз намылился, и вода около него стала тёмно-синей, как чернила.

Иван Иваныч вышел наружу, бросился в воду с шумом и поплыл под дождём, широко взмахивая руками, и от него шли волны, и на волнах качались белые лилии; он доплыл до самой середины плёса и нырнул, и через минуту показался на другом месте и поплыл дальше, и всё нырял, стараясь достать дна. «Ах, боже мой... – повторял он, наслаждаясь. – Ах, боже мой...» Доплыл до мельницы, о чём-то поговорил там с мужиками и повернул назад, и на середине плёса лёг, подставляя своё лицо под дождь. Буркин и Алёхин уже оделись и собрались уходить, а он всё плавал и нырял.

– Ах, боже мой... – говорил он. – Ах, господи помилуй.

– Будет вам! – крикнул ему Буркин.

Вернулись в дом. И только когда в большой гостиной наверху зажгли лампу, и Буркин и Иван Иваныч, одетые в шёлковые халаты и тёплые туфли, сидели в креслах, а сам Алёхин, умытый, причёсанный, в новом сюртуке, ходил по гостиной, видимо, с наслаждением ощущая тепло, чистоту, сухое платье, легкую обувь, и когда красивая Пелагея, бесшумно ступая по ковру и мягко улыбаясь, подавала на подносе чай с вареньем, только тогда Иван Иваныч приступил к рассказу, и казалось, что его слушали не один только Буркин и Алёхин, но также старые и молодые дамы и военные, спокойно и строго глядевшие из золотых рам.

– Нас два брата, – начал он, – я, Иван Иваныч, и другой – Николай Иваныч, года на два помоложе. Я пошёл по учёной части, стал ветеринаром, а Николай уже с девятнадцати лет сидел в казённой палате. Наш отец Чимша-Гималайский был из кантонистов, но, выслужив офицерский чин, оставил нам потомственное дворянство и именьишко. После его смерти именьишко у нас оттягали за долги, но, как бы ни было, детство мы провели в деревне на воле. Мы, всё равно как крестьянские дети, дни и ночи проводили в поле, в лесу, стерегли лошадей, драли лыко, ловили рыбу, и прочее тому подобное... А вы знаете, кто хоть раз в жизни поймал ерша или видел осенью перелётных дроздов, как они в ясные, прохладные дни носятся стаями над деревней, тот уже не городской житель, и его до самой смерти будет потягивать на волю. Мой брат тосковал в казённой палате. Годы проходили, а он всё сидел на одном месте, писал всё те же бумаги и думал всё об одном и том же, как бы в деревню. И эта тоска у него мало-помалу вылилась в определённое желание, в мечту купить себе маленькую усадебку где-нибудь на берегу реки или озера.

Он был добрый, кроткий человек, я любил его, но этому желанию запереть себя на всю жизнь в собственную усадьбу я никогда не сочувствовал. Принято говорить,

что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку. И говорят также теперь, что если наша интеллигенция имеет тяготение к земле и стремится в усадьбы, то это хорошо. Но ведь эти усадьбы те же три аршина земли. Уходить из города, от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе – это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвига. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа.

Брат мой Николай, сидя у себя в канцелярии, мечтал о том, как он будет есть свои собственные щи, от которых идёт такой вкусный запах по всему двору, есть на зелёной травке, спать на солнышке, сидеть по целым часам за воротами на лавочке и глядеть на поле и лес. Сельскохозяйственные книжки и всякие эти советы в календарях составляли его радость, любимую духовную пищу; он любил читать и газеты, но читал в них одни только объявления о том, что продаются столько-то десятин пашни и луга с усадьбой, рекой, садом, мельницей, с проточными прудами. И рисовались у него в голове дорожки в саду, цветы, фрукты, скворечни, караси в прудах и, знаете, всякая эта штука. Эти воображаемые картины были различны, смотря по объявлениям, которые попадались ему, но почему-то в каждой из них непременно был крыжовник. Ни одной усадьбы, ни одного поэтического угла он не мог себе представить без того, чтобы там не было крыжовника.

– Деревенская жизнь имеет свои удобства, – говорил он, бывало. – Сидишь на балконе, пьешь чай, а на пруде твои уточки плавают, пахнет так хорошо и... и крыжовник растет.

Он чертил план своего имения, и всякий раз у него на плане выходило одно и то же: a) барский дом, b) людская, c) огород, d) крыжовник. Жил он скупо: недоедал, недопивал, одевался бог знает как, словно нищий, и всё копил и клал в банк. Страшно жадничал. Мне было больно глядеть на него, и я кое-что давал ему и посылал на праздниках, но он и это прятал. Уж коли задался человек идеей, то ничего не поделаешь.

Годы шли, перевели его в другую губернию, минуло ему уже сорок лет, а он всё читал объявления в газетах и копил. Потом, слышу, женился. Всё с той же целью, чтобы купить себе усадьбу с крыжовником, он женился на старой, некрасивой вдове, без всякого чувства, а только потому, что у неё водились деньжонки. Он и с ней тоже жил скупо, держал её впроголодь, а деньги её положил в банк на своё имя. Раньше она была за почтмейстером и привыкла у него к пирогам и к наливкам, а у второго мужа и хлеба чёрного не видала вдоволь; стала чахнуть от такой жизни да года через три взяла и отдала богу душу. И конечно брат мой ни одной минуты не подумал, что он виноват в её смерти. Деньги, как водка, делают человека чудаком. У нас в городе умирал купец. Перед смертью приказал подать себе тарелку мёду и съел все свои деньги и выигрышные билеты вместе с мёдом, чтобы никому не досталось. Как-то на вокзале я осматривал гурты, и в это время один барышник попал под локомотив и ему отрезало ногу. Несём мы его в приёмный покой, кровь льёт – страшное дело, а он всё просит, чтобы ногу его отыскали, и всё беспокоится; в сапоге на отрезанной ноге двадцать рублей, как бы не пропали.

– Это вы уж из другой оперы, – сказал Буркин.

– После смерти жены, – продолжал Иван Иваныч, подумав полминуты, – брат мой стал высматривать себе имение. Конечно, хоть пять лет высматривай, но всё же в конце

концов ошибёшься и купишь совсем не то, о чём мечтал. Брат Николай через комиссионера, с переводом долга, купил сто двенадцать десятин с барским домом, с людской, с парком, но ни фруктового сада, ни крыжовника, ни прудов с уточками; была река, но вода в ней цветом как кофе, потому что по одну сторону имения кирпичный завод, а по другую – костопальный. Но мой Николай Иваныч мало печалился; он выписал себе двадцать кустов крыжовника, посадил и зажил помещиком.

В прошлом году я поехал к нему проведать. Поеду, думаю, посмотрю, как и что там. В письмах своих брат называл своё имение так: Чумбароклова Пустошь, Гималайское тож. Приехал я в «Гималайское тож» после полудня. Было жарко. Везде канавы, заборы, изгороди, понасажены рядами ёлки, – и не знаешь, как проехать во двор, куда поставить лошадь. Иду к дому, а навстречу мне рыжая собака, толстая, похожая на свинью. Хочется ей лаять, да лень. Вышла из кухни кухарка, голоногая, толстая, тоже похожая на свинью, и сказала, что барин отдыхает после обеда. Вхожу к брату, он сидит в постели, колени покрыты одеялом; постарел, располнел, обрюзг; щёки, нос и губы тянутся вперёд, – того и гляди, хрюкнет в одеяло.

Мы обнялись и всплакнули от радости и от грустной мысли, что когда-то были молоды, а теперь оба седы и умирать пора. Он оделся и повёл меня показывать своё имение.

– Ну, как ты тут поживаешь? – спросил я.

– Да ничего, слава богу, живу хорошо.

Это уж был не прежний робкий бедняга-чиновник, а настоящий помещик, барин. Он уж обжился тут, привык и вошёл во вкус; кушал много, в бане мылся, полнел, уже судился с обществом и с обоими заводами и очень обижался, когда мужики не называли его «ваше высокоблагородие». И о душе своей заботился солидно, по-барски, и добрые дела творил не просто, а с важностью. А какие добрые дела? Лечил мужиков от всех болезней содой и касторкой и в день своих именин служил среди деревни благодарственный молебен, а потом ставил полведра, думал, что так нужно. Ах, эти ужасные полведра! Сегодня толстый помещик тащит мужиков к земскому начальнику за потраву, а завтра, в торжественный день, ставит им полведра, а они пьют и кричат ура, и пьяные кланяются ему в ноги. Перемена жизни к лучшему, сытость, праздность развивают в русском человеке самомнение, самое наглое. Николай Иваныч, который когда-то в казённой палате боялся даже для себя лично иметь собственные взгляды, теперь говорил одни только истины, и таким тоном, точно министр: «Образование необходимо, но для народа оно преждевременно», «телесные наказания вообще вредны, но в некоторых случаях они полезны и незаменимы».

– Я знаю народ и умею с ним обращаться, – говорил он. – Меня народ любит. Стоит мне только пальцем шевельнуть, и для меня народ сделает всё, что захочу.

И всё это, заметьте, говорилось с умной, доброю улыбкой. Он раз двадцать повторил: «мы, дворяне», «я, как дворянин»; очевидно, уже не помнил, что дед наш был мужик, а отец – солдат. Даже наша фамилия Чимша-Гималайский, в сущности несообразная, казалась ему теперь звучной, знатной и очень приятной.

Но дело не в нём, а во мне самом. Я хочу вам рассказать, какая перемена произошла во мне в эти немногие часы, пока я был в его усадьбе. Вечером, когда мы пили чай,

кухарка подала к столу полную тарелку крыжовнику. Это был не купленный, а свой собственный крыжовник, собранный в первый раз с тех пор, как были посажены кусты. Николай Иваныч засмеялся и минуту глядел на крыжовник, молча, со слезами, – он не мог говорить от волнения, потом положил в рот одну ягоду, поглядел на меня с торжеством ребёнка, который наконец получил свою любимую игрушку, и сказал:

– Как вкусно!

И он с жадностью ел и всё повторял:

– Ах, как вкусно! Ты попробуй!

Было жёстко и кисло, но, как сказал Пушкин, «тьмы истин нам дороже нас возвышающий обман».

Я видел счастливого человека, заветная мечта которого осуществилась так очевидно, который достиг цели в жизни, получил то, что хотел, который был доволен своею судьбой, самим собой. К моим мыслям о человеческом счастье всегда почему-то примешивалось что-то грустное, теперь же, при виде счастливого человека, мною овладело тяжёлое чувство, близкое к отчаянию. Особенно тяжело было ночью. Мне постлали постель в комнате рядом с спальней брата, и мне было слышно, как он не спал и как вставал и подходил к тарелке с крыжовником и брал по ягодке. Я соображал: как, в сущности, много довольных, счастливых людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, враньё... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч живущих в городе ни одного, который бы вскрикнул, громко возмутился. Мы видим тех, которые ходят на рынок за провизией, днём едят, ночью спят, которые говорят свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащат на кладбище своих покойников, но мы не видим и не слышим тех, которые страдают, и то, что страшно в жизни, происходит где-то за кулисами. Всё тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то вёдер выпито, столько-то детей погибло от недоедания... И такой порядок, очевидно, нужен; очевидно, счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут своё бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно. Это общий гипноз. Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясётся беда – болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других. Но человека с молоточком нет, счастливый живёт себе, и мелкие житейские заботы волнуют его слегка, как ветер осину, – и всё обстоит благополучно.

– В ту ночь мне стало понятно, как я тоже был доволен и счастлив, – продолжал Иван Иваныч, вставая. – Я тоже за обедом и на охоте поучал, как жить, как веровать, как управлять народом. Я тоже говорил, что ученье свет, что образование необходимо, но для простых людей пока довольно одной грамоты. Свобода есть благо, говорил я, без неё нельзя, как без воздуха, но надо подождать. Да, я говорил так, а теперь спрашиваю: во имя чего ждать? – спросил Иван Иваныч, сердито глядя на Буркина. – Во имя чего ждать, я вас спрашиваю? Во имя каких соображений? Мне говорят, что не всё сразу, всякая идея осуществляется в жизни постепенно, в свое время. Но кто это говорит? Где доказательства,

что это справедливо? Вы ссылаетесь на естественный порядок вещей, на законность явлений, но есть ли порядок и законность в том, что я, живой, мыслящий человек, стою надо рвом и жду, когда он зарастет сам или затянет его илом, в то время как, быть может, я мог бы перескочить через него или построить через него мост? И опять-таки, во имя чего ждать? Ждать, когда нет сил жить, а между тем жить нужно и хочется жить! <….>

Давайте поговорим

1. Какова проблематика рассказа А. П. Чехова «Крыжовник»?
2. Поясните роль художественной детали в рассказе «Крыжовник».
3. Какова идейная нагрузка монолога Ивана Ивановича о мнимом и настоящем счастье?
4. Опишите образ «человека с молоточком».

Творческое задание

Перевоплотитесь в медицинских работников.

– Уважаемые доктора, сегодня на медицинском консилиуме мы обсуждаем сложный, но интересный случай болезни. Это пациент доктора А. П. Чехова. Главный герой истории, рассказанной ветеринарным врачом Иваном Ивановичем, болен. Нам это предстоит выяснить. Представим себе, что рассказ «Крыжовник» – история болезни. Заполните карту пациента:

Симптомы	История болезни	Диагноз
Изображает из себя барина, высокомерно говорит о простом народе, постарел, растолстел, того гляди «хрюкнет в одеяло», ничем не интересуется, кроме крыжовника.	Хотел вернуться на природу – купить своё имение – тоскливая служба в казённой палате – мечта о крыжовнике – жадность – женитьба – смерть жены – покупка имения – крыжовник – счастье.	*

Домашнее задание

А.П. Чехов писал: «Если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чём-то более разумном и великом. Делайте добро!» Опираясь на данное высказывание, напишите эссе (1–1,5 стр.). В своем эссе:

- объясните, как вы понимаете высказывание писателя и выразите собственное отношение к его мнению (приведите не менее двух аргументов);
- на примере двух произведений XIX–XX веков расскажите о героях, для которых стремление делать добро было превыше личного счастья;
- поясните, в чём для вас состоит смысл и цель жизни, что необходимо делать для их воплощения.

САИД АХМАД (1920–2007)

Знакомство с автором

Саид Ахмад Хусанходжаев – народный писатель Узбекистана, родился в 1920 году в Ташкенте. Творчество Саида Ахмада занимает важное место в современной литературе Узбекистана. Всенародную известность Саид Ахмад завоевал как автор искромётных весёлых комедий.

Подготовка к встрече с текстом

О комедии Саида Ахмада «Бунт невесток»

Саид Ахмад является одним из самых известных писателей и драматургов страны, чьи произведения широко известны в Узбекистане и за его пределами. Лирическая комедия «Бунт невесток» с успехом шла на театральных сценах 14 стран мира. По мотивам комедии сняты две киноверсии – отечественная режиссёра Мелиса Абзалова и в Лаосе. Успех комедии заключается в актуальности поставленных в ней проблем, неоднозначности персонажей. Сюжет, конфликт, описываемые ситуации подчинены комедийному замыслу. Автор использовал приём народного жанра – ***аския***. Он утверждал, что в комедии нет преувеличений, а показаны смешные черты людских характеров. Пьеса **«Бунт невесток»** отличается остроумием, лёгкостью и яркими образами. Особенность композиции комедии состоит в том, что она строится на развитии конфликта, который разрешается в финале произведения. Комедия имеет ярко выраженную структуру, включающую экс-

Аския *– это уникальный жанр узбекского устного народного творчества, представляющий собой состязание в остроумии и красноречии.*

позицию, развитие действия, кульминацию и развязку. Специфическая особенность языка комедии заключается в использовании остроумных и смешных формулировок, игры слов, афоризмов и множества других литературных приёмов, которые придают тексту произведения особую эмоциональную насыщенность и яркость.

Образ Уста Баки имеет существенное значение для понимания идейного замысла комедии, поскольку он является не только старейшиной, но и выразителем традиционных ценностей и общественных норм общества.

Центральный женский образ Фармон-биби – женщина с сильным характером, привыкшая держать дом в строгости. Она уверена, что знает, как правильно воспитывать невесток, как нужно жить и строить быт. Когда в доме появилась невестка Нигора – образованная, самостоятельная, с чувством собственного достоинства – она стала лидером «бунта невесток».

Столкновение традиционного и нового вызывает улыбку, но вместе с тем заставляет задуматься: может ли семья быть счастливой, если в ней нет взаимного уважения и понимания? Саид Ахмад не осуждает ни одну сторону, а скорее предлагает взглянуть на ситуацию со всех углов, найти золотую середину между устоями и современностью. «Бунт невесток» – это комедия с глубоким смыслом. Она напоминает нам, что счастье в доме возможно только тогда, когда в нём живут любовь, уважение и готовность услышать друг друга. Смех, который вызывает пьеса, – это способ взглянуть на серьёзные проблемы с лёгкостью и мудростью.

1. Как вы понимаете выражение «искромётная весёлая комедия»? Какие комедии известных авторов вы читали?
2. Смотрели ли вы пьесу «Бунт невесток» на сцене театров Узбекистана? А фильм режиссёра Мелиса Абзалова?

БУНТ НЕВЕСТОК

Комедия в трёх действиях
(отрывок из пьесы)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Фармон-биби, глава семьи
Башорат, жена Уринбая
Бустон, жена Махкама
Лутфи, жена Аскара
Сатти, жена Камила
Мухайё, жена Мамура
Мехри, жена Хакима, медсестра
Нигора, жена Тухты,
Чужая женщина
Уринбай, старший сын Фармон-биби, экономист
Махкам, бухгалтер
Аскар, офицер милиции
Камил, преподаватель
Маъмур, артист
Хаким, врач
Тухта, младший сын
Уста Баки, сапожник
Корреспондент

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

На просцениуме будка мастера по ремонту обуви. На вывеске написано: «Филиал № 1 комбината бытового обслуживания населения».

Уста Баки *(подметая возле будки и прислушиваясь).* О-ох, до чего хорош утренний концерт. *(Увидел полный мешок.)* Ну и ну! Вот старуха бедовая! Я их точно раз пятнадцать уже ремонтировал. Опять вынесла. Знает дело старая! *(Показывая на закрытый занавес.)* Территория нашей страны кончается вот здесь. А дальше совсем другое государство. Этот занавес – граница. За ней начинаются владения царицы старухи.

Её страна имеет свои законы, свои обычаи. Я точно говорю: у этой царицы семь сыновей, семь невесток, сорок один внук. А всего в этом доме проживает пятьдесят шесть человек. Старуха бегала в Горисполком, подняла скандал и, наконец, добилась своего – открыли вот эту будку. Каждое утро из этого царства выносят целый мешок стоптанных сапог, туфель с оторванными каблуками, старых тапочек. Чиню и чиню до самого вечера! Не то что другой квартал, даже близкие соседи не могут отдать в починку хоть что-нибудь.

Да, она – шахиня, а я – придворный сапожник. Никак не могу освободиться от этого хлама... Сегодня ровно десять дней, как старуха женила младшего сына. Шум свадебных торжеств, трубные звуки карная-сурная перешли и нашу границу.

Не верите? Нет уж, придётся поверить! Хотите осмотреть владения царицы-старухи? Давайте покажу по-свойски, а? *(Проходит в сторону сцены и кричит: Э-гей, кто там? Откройте-ка границу. Откройте, говорю!)*

(Медленно поднимается занавес. Большой двор. Младшая невестка Нигора выходит со спортивным обручем на плече.)

Нигора. Ох, уж эта свадьба!.. Десять дней не могу сделать зарядку. Спина ноет и, кажется, полнеть начала... *(Извиваясь, крутит обруч, в это время выходит, держа в руке кумган (кувшин) с водой, её свекровь – Фармон-биби. Увидев сноху, роняет кувшин.)*

Фармон. Что это? Нечистая сила, что ли? Эй, стой! Остановись, говорю!

Нигора. Сейчас, сейчас, мамочка. Дайте ещё минут пять поразмяться, в форму войти.

Фармон *(садится в ужасе на землю)*. Вай дод! В моём доме нечистая сила. Ангел добра покинул мой дом. Что за беда на мою голову обрушилась!

Распахиваются все двери и постепенно начинают выходить сыновья, невестки.

Хаким. Началось.

Все. Что случилось? В чём дело? Вор, что ли, забрался?

Фармон. На неё смотрите, на неё! *(Нигора продолжает крутить обруч.)* Где её муж? Где её проклятый муж? Позвать!

Уринбаи. Тухта, эй, Тухта, вставай, браток. Во дворе конец света наступает, а ты все дрыхнешь.

[Фармон-биби требует, чтобы Тухта развелся с Нигорой. Сыновья и невестки вступаются за молодую невестку. Фармон-биби уходит.]

На сцене Тухта и Нигора.

Тухта. Нигорахон, что я вам говорил? Ведь я говорил, что у мамы... немного жёсткая рука. Можно же было заниматься этой проклятой гимнастикой в комнате?

Нигора. Откуда я знала, что она до такой степени...

Тухта. Вы сами подумайте, разве выходит невестка к свекрови голой?

Нигора. Разве я голая? А это что? *(Показывает майку и трусы.)* Я ведь и по телевидению выхожу так, когда веду утреннюю гимнастику.

Тухта. Телевидение – одно, мама – другое.

Нигора. Слушайте, Тухта-ака, когда я выходила за вас замуж, прекрасно знала, что ваша мать – такая. Меня предупреждали: эта старуха тебя живьём съест, говорили, через мясорубку пропустит, говорили, оседлает как ишака, говорили, пропустит сквозь игольное ушко, как ниточку, и будет вести за собой, как верблюда...

Тухта. Знаете, значит.

Нигора. ... и на все эти разговоры я ответила коротко.

Тухта. Как ответили?

Нигора. Я сказала: «Не беспокойтесь, двадцать таких старух смогу расставить на полке подряд, как чайный сервиз.

Тухта. О-го! Вот вы какая?

Нигора. Раз я такая, почему без боязни женились?

Тухта. Ведь я вас люблю.

Нигора. Зная положение невесток в вашем доме, не вы ли всё повторяли «как бы и та, которую приведу, не оказалась слабенькой; ищу сильную». Так вот: я самая подходящая невестка для вашей матери. Радуйтесь. В вашем доме теперь можно поднять бунт. *(Плачет.)*

Тухта. Не плачьте, пожалуйста. Вы же слыхали, какое звание присвоено моей матушке.

Нигора. Знаю. В городе так и зовут: старуха-генерал.

Тухта. Это только в городе так говорят, а в районе её зовут старухой-маршалом.

(Выходят одна за другой невестки и убирают во дворе. Одна собирает бельё с верёвки, другая стелет одеяла и курпачи, третья подметает. Голос Фармон-биби из дома):

Фармон. Невестки! Эй, невестки, кто в тандыре развел такой огонь? Лепешки не сгорят?

Бустон. Ох, это я!.. Это как его... *(Поспешно выходит.)*

Лутфи. Всё думаю о Нигорахон. Не повезло бедняжке. Теперь мама житья ей не даст.

Мехри. Один способ – употреблять витамины – А, Б, В, Г, Д. Иначе – нервное истощение.

Мухайё. Но молодая, кажется, не из таких: легко маме не сдастся.

Лутфи. Так-то оно так, но я по себе сужу. Когда пришла сюда, вся щетинилась, как ёж, всем, кто ни попадался, от иголок моих доставалось.

Башорат. Помните?

Лутфи. Как же! А вот попалась в руки матушке, превратилась в кошечку: кто ни погладит по шёрстке, мурлыкать начинаю.

Мухайё. Точно! Мама из таких, что и ежа против шерсти гладит, и мурлыкать заставит.

Башорат. Однако говорят же: «Если найдётся сильнее сильного, то и у сильного пятки зачешутся».

Лутфи. О самолёте подумайте, милая, о самолёте. Межконтинентальный лайнер, летящий вокруг света... над нашим домом – умолкает.

Мухайё. Мой муж любит перепёлок. Каких замечательных певцов приносит! Бедняжки, как увидят маму, сразу немеют.

Лутфи. Петух нашего соседа...

Мехри. И петух давно не кричит.

Мухайё. Боится мамы, милая, боится.

Сатти. Завтрак готов.

[Вся семья собирается: сыновья и невестки на работу, Фармон-биби в лагерь, проведать внуков. Последними появляются Тухта и Нигора. Нигора не кланяется свекрови, опять назревает ссора. Вся семья уговаривает Нигору уступить Фармон-биби. Успокоившись, Фармон-биби выдаёт сыновьям деньги на расходы, рассчитывая всё до копейки. Нигора, модно одетая, выходит из комнаты, и опять начинается конфликт со своенравной Фармон-биби. В такой атмосфере заканчивается I действие.]

Давайте обсудим

1. Какие ценности защищает Фармон-биби? Можно ли их назвать устаревшими?
2. Почему Нигора сразу попадает в конфликт с Фармон-биби?
3. Почему остальные невестки не поддержали Нигору открыто с самого начала?
4. В чём заключается комизм ситуации в первом действии?
5. Почему невестки и Уста Баки сравнивают Фармон-биби с маршалом или генералом?
6. Какие черты характера помогают сохранять личное достоинство Нигоры в непростых семейных отношениях?

Творческое задание

Напишите монолог от имени одной из невесток или сыновей.

Представьте, что вы – одна из невесток (Башорат, Бустон, Лутфи, Сатти, Мухайё, Мехри, Нигора) или вы – один из сыновей (Уринбай, Махкам, Аскар, Камил, Маъмур, Хаким, Тухта). Напишите внутренний монолог, в котором вы делитесь своими чувствами, переживаниями и мыслями после событий первого действия. Что бы вы сказали, если бы вас выслушали?

Практическая работа

Заполните таблицу в тетрадях.

Создайте паспорт произведения	
Место действия	Двор большого дома, где живёт большая семья
Главная героиня	*
Семья	*
Конфликт	*
Нигора	*
Муж Нигоры	*
Юмор	*
Тема	*

Домашнее задание

Прочитайте второе действие пьесы «Бунт невесток».

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

На просцениуме.

Уста Баки. Всё. На сегодня отделался от старухиных заказов. Целый мешок старья! Вот ведь шайтан-старуха: в починку сдаёт, когда только одни набойки останутся. *(Снимает с гвоздя прейскурант и кладёт на колени.)* Теперь по прейскуранту оценим выполненную работу. Значит так. Восемьдесят копеек, шестьдесят копеек, рубль десять, семьдесят... *(Видит модно одетую Нигору.)* И как старуха-маршал так её на улицу выпустила?

Нигора. Дядя усто, мама ещё не вернулась?

Уста Баки. Маршал как вышла утром, так до сих пор не вернулась.

Нигора. Слава богу. Вы не скажете ей, что я выходила на улицу?

Уста Баки. Будь спокойна, дочка. Усто Баки не предатель.

Нигора. Спасибо вам. *(Вынимает из сумочки газету и подаёт ему.)* Фельетон на четвёртой странице, внимательно почитайте. Часа через два зайдёте и почитаете маме. *(Бегом уходит за занавес.)*

Уста Баки. За что?.. О, бедняжка, житья тебе не даст старуха. *(Читает.)* «В последнее время...» *(Слышится шум мотора, Уста Баки оборачивается. Входит Фармон-биби, за ней с большим тюком на голове – Сатти.)*

Фармон. Как поживаете, Баки?

Уста Баки *(докладывает)*. Мирно, спокойно. На границе никаких чрезвычайных происшествий не произошло.

Фармон. Не входил ли кто в наш дом?

Уста Баки. Не-ет.

Фармон. И не выходил никто? Мой заказ готов?

Уста Баки. Сделал, готов. *(Проверил отремонтированную обувь, старуха недовольно смотрит на цену, написанную на подошве.)*

Фармон. Сколько всего?

Уста Баки. Итого – восемнадцать рубликов.

Фармон. Эта мастерская государственная или частная?

Уста Баки. Филиал городского управления комбината бытового обслуживания населения. Поняли?

Фармон. Нашёл дурочку, а? Ничего подобного! *(Кидает ему четыре рубля.)* Хватит и этого.

Уста Баки. Остальные из собственного кармана, что ли, буду платить? Раскошеливайтесь, мамаша. Это деньги казённые. Прошу не злоупотреблять. *(Фармон бросает ещё пять рублей.)*

Фармон. Этого хватит. Ну-ка, Саттихон, милая, поднимай!

Уста Баки. Эй, не шутите!

Фармон. Не приставай. *(Отталкивает его, выходит.)*

Уста Баки. Слава Аллаху, на это раз счетец точный. Знал ведь: только половину даст, поэтому в два раза больше оценил. Сказал бы девять рублей, она б дала четыре пятьдесят. А старуха – миллионерша! Сегодня как раз все члены семьи принесут зарплату. Посмотрим, что произойдет. Эй, кто там? Откройте границу.

Занавес поднимается.

Тот же двор. Вечер. Выходит Нигора. На ней длинное платье, подол волочится по полу – земле.

Фармон. Ведь такой миленькой стала. *(Нигора подходит ближе.)* Как поживаешь, доченька? Никто меня не спрашивал? Не звонили?

Нигора. Никто не приходил.

(Фармон-биби и Сатти готовятся к встрече сыновей и невесток, которые должны вернуться с зарплатой. Стол. На столе счёты и две толстые тетради. Аскар и Лутфи проходят к своей пристройке.)

Фармон. Куда? Денежки на стол. Сатти, открой книгу приходов.

Аскар. Смотрите, чуть не позабыл. Здравствуйте, сейчас, сейчас.

Фармон. Давай, полковник; деньги вынимаешь из кармана или бок чешешь?

Аскар. Вот, вот, мамочка.

Фармон *(тщательно считает деньги. Накидывает на счетах косточки)*. Запиши, Сатти. А ну, подойди ближе, полковник. Наклонись, наклонись, говорю. *(Ощупывает внутренний карман Аскара и вынимает две десятирублевки.)* Это что?

Аскар. Ийе, застряли как-то, смотрите, а?

Фармон. Всё! Можешь идти, полковник. Сатти, запиши и эти двадцать рубликов.

Лутфи. Вот, мамочка. *(Протягивает деньги.)*

Фармон *(щёлкает на счётах)*. Что-то маловато. Где пять рублей? Загляни-ка в сумку.

Лутфи. Вот, мамочка, осталось пятьдесят копеек, которые вы сами дали. В день рождения сменного инженера решили купить коллективный подарок. Я тоже пять рублей отдала.

Фармон. Скажите, пожалуйста, день рождения! И зачем родился?! Вот эти двадцать пять рублей отправь дочке. Учится в таком городе, как Москва, а вам хоть бы что! Экзамены-сессия – так пусть внученька моя не знает нужды. Заруби себе на носу, нужда девочку собьёт с пути. Отправь по почте, а квитанцию мне покажешь.

Лутфи. Спасибо, мамочка.

Фармон. Подожди. В прошлом месяце отправила 25 рублей. Вот ещё десять рублей, итого – тридцать. Сатти, в расходную книгу запиши тридцать рублей. Самой что надо?

Лутфи. Сыну вашему костюм бы купить.

Фармон. Милиционерам государство выдаёт костюмы с блестящими пуговицами. Чего лучше!

Лутфи. Не идти же на свадьбу в милицейской форме!

Фармон. А разве нельзя? Ничего! Пить меньше будет полковник. Каждый милиционер перед ним, как палка, вытягивается и честь отдаёт. Тебе что нужно?

Лутфи. Ничего не надо.

Сатти. Следующий!

(Входят Махкам и Бустон. Здороваются и направляются к своей пристройке. Фармон делает знак вернуться. Оба обречённо останавливаются и начинают рыться в карманах.

Остальные члены семьи также отчитываются перед Фармон-биби, отдавая все заработанные деньги.

(Фармон-биби раздает всем одинаковые пижамы и халаты. Приходит Уста Баки и читает фельетон про злых свекровей, но Фармон-биби не признаёт себя злой свекровью. В дом приходит корреспондент, чтобы взять интервью у Лутфи, как лучшей работницы фабрики. Создаётся комическая ситуация, когда Фармон-биби пытается командовать корреспондентом, а все члены семьи изображают счастливую дружную семью. Фармон-биби узнаёт, что один из её сыновей Маъмур опять подрабатывает пением на свадьбе. Она едет за сыном. Невестки обсуждают ситуацию. Фармон-биби привозит сына и грозит посадить его в подвал.)

Давайте обсудим

1. Проанализируйте столкновение традиционного и нового. Что вызывает улыбку, а что заставляет задуматься?
2. Что символизирует «граница» между будкой Уста Баки и домом Фармон-биби?
3. Каково значение образа Уста Баки для понимания идейного замысла комедии?

Практическая работа

Заполните таблицу в тетрадях.

Персонажи и их роли		
Персонаж	**Кто это**	**Роль в пьесе / Характеристика**
Фармон-биби	Мать, бабушка, глава семьи	Авторитарная, властная, контролирует всё в доме
Уста Баки	*	*
Невестки	*	*
Сыновья	*	*
Нигорахон	*	*

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

На просцениуме.

Уста Баки, тихо напевая, чинит обувь. Входит Фармон-биби.

У неё в руке чайник, в другой бумажный сверток.

Уста Баки. Ийе, ийе, заходите, тетушка. *(Подставляет скамеечку, делает знак садиться.)* Что-то вид у вас расстроенный.

Фармон. Э, не говори, Баки. В последнее время такие несуразные сны вижу…

Уста Баки. Во сне всё может быть. Вчера мне привиделся покойный Азим. Вроде на что-то обижен! Я позвал, а он и не откликнулся.

Фармон. Ийе, и тебе он снится разве? Вот уже три ночи покойный мой старик покоя не даёт. Всё спрашивает свой фонарь. Со мной и разговаривать не хочет, сегодня уж не выдержала, спросила: умоляю, скажи, почему обижаешься? Хочешь знать, что ответил?

Уста Баки. Что ответил?

Фармон. Говорит, зачем обижаешь невесток, оставь их в покое.

Уста Баки. О-о, очень удивительный сон! Об этом стоит поразмыслить!..

Фармон *(Разворачивает сверток, в нём самса. Ставит перед Баки.)* Невестки пекли самсу, и я тебе принесла немного. Завари вот – это индийский чай – покрепче и пей на здоровье. Сердце не на месте. Захотелось вот немного поговорить с тобой, отвести душу. Всё же ты знаешь моего старика, слышал его голос…

Уста Баки. Значит, обижается он, что вы будто мучаете невесток. Слушайте, в самом деле, ну на что вам мучить себя и их мучить! Предоставьте их самим себе, и всё.

Фармон. В своем ли ты уме, Баки? Если семь семейств станут жить сами по себе, и любовь меж ними исчезнет. Не станут ли чужими?

Уста Баки. Эх, скажу я вам, бывает, близкие кусаются, а далёкие перекликаются.

Фармон. Так-то так, Бакиджон. Мало ли перетерпела, пока соединила всех? Смогут ли теперь сами хозяйство вести?

Уста Баки. Коли придётся, так научатся.

Фармон *(нерешительно.)* Нет, не то говоришь. Пусть ещё хоть годик побудут… в моих руках и научатся вести хозяйство. Эти разговоры пока оставь. Не могу понять, почему муженёк покойный так настойчиво спрашивает свой фонарь?

Уста Баки *(громко смеется)*. Тут-то что-то есть, что-то есть, тётушка.

Фармон. А что может быть?

Уста Баки. Азим порою выпивал, не так ли?

Фармон. Своими глазами не видала, чтоб выпивал. Но всегда от него пахло не то керосином, не то водкой. А спрошу, бывало, отчего это, отвечает – печень болит.

Уста Баки *(усмехаясь)*. Э, уж будьте здоровы, матушка, Азим в фонарь вместо керосина водку наливал. А как выйдет на улицу, в укромном местечке фитиль от лампы посасывал да причмокивал.

Фармон. Вай, чтоб он сгинул! А я-то всё думала, почему и ночью ложится с фонарём. Так вот в чём, оказывается, дело! И по ночам, значит, прикладывался… А ты, шайтан, почему до сих пор мне об этом не шепнул?

Уста Баки. Признаюсь откровенно: как-то во сне Азим сказал: «Передай жёнушке Фармон, фонарь оставляю в наследство старшему сыну Уринбаю». По-моему, муженёк будет сниться вам до тех пор, пока не отпустите невесток на волю.

Фармон. Покойный мой старик и при жизни-то ничего толкового не говорил, а уж теперь-то, после смерти, разве скажет разумное слово!.. Всё же, почитая дух его, надо бы подумать об этом…

Уста Баки. Подумайте, матушка. Нельзя обижать умершего. Может, встретитесь на том свете, и вам же будет неудобно.

Фармон *(поднимаясь)*. Не знаю, что делать, не знаю…

(Уходит.)

Уста Баки. Подготовил немного старуху. Уже на пятьдесят процентов смягчилась. ещё разок поддам – утихомирится. А ну проверю-ка перед уходом, действует ли система, как раньше? *(Кричит.)* Откройте границу, ребята!

Открывается занавес.

На сцене Сатти и Фармон-биби. Звонок. Сатти бежит к телефону, снимает трубку.

Фармон. Кто это не вовремя звонит?

Сатти. Сватья ваша. Мать этой «как его…»

Фармон *(берет трубку)*. Слушаю. Вай, быть мне жертвой вашей, сватушка. Как поживаете? Да, слава Богу. Да не мнитесь вы, говорите прямо… Голова кругом идёт. Съездила в Ак-Таш. Внучки бегают, радуются. Хорошо, милая, хорошо. «Это, как его»… не забывайте! Хорошо, хорошо, обязательно приеду. И дочке вашей передам. *(Кладёт трубку.)* Сосватали младшую сестру «этой, как его…» Надеются, что я помогу деньгами… Без повода разве позвонила бы? Сейчас зайду и шкуру с доченьки спущу, как капроновый чулок. Это она мать подготовила звонить. *(В калитку стучат.)* Погляди, Сатти, кто там? *(Уходит в дом.)*

(Появляется роскошно одетая женщина средних лет с узелком.)

(Посетительница просит у Фармон-биби помощи – воздействия на сына Фармон-биби Аскара, следователя, который ведёт дело сына посетительницы, обвиняемого в рас-

хищении чужого имущества. Фармон-биби зовёт сыновей, просит освободить сына посетительницы и благодарит их за то, что они решительно отказываются. Фармон-биби уезжает в гости. Невестки решают уйти из дома, но мужья останавливают жен. В доме скандал. Сыновья Фармон-биби приглашают мать на спектакль «Бунт невесток», в котором играют сами.)

Фармон. Э, невестки!

//…// **Невестки** *(из зала)*. Что, мамочка?

Фармон *(из зала)*. Замолчите. Не мешайте, когда меня показывают.

Уста Баки. Нет, нет, не вас. Сидите.

Махкам. Итак, ваши условия.

Уринбай. Пусть каждая семья имеет своё хозяйство.

Хаким. Пусть каждая семья имеет право принимать гостей и навещать друзей, родственников.

Маъмур. Пусть члены каждой семьи имеют право ходить в кино, театр и на сва…

Аскар *(перебивая его)*. Пусть у каждой семьи будет новый дом с усадьбами за счёт накопленных денег.

Тухта. Пусть будет разрешено модно одеваться и использовать заработанные деньги на личные нужды.

Хаким. Пусть в семье сократится шпионский штат.

Камил. *(голосом Саттн)*. Нет-нет-нет!

Уринбай. Если не будут исполнены наши условия, мы все уходим.

Все. Уходим.

Махкам. *(Фармон-биби).* Фармон-биби, посоветуйте, что мне делать? Если уйдут невестки, ведь сыновья мои останутся без жён. А ведь у меня 41 внук.

Фармон *(смеётся).* Эх, старая, в твоём мозгу, оказывается, много остатков прошлого. Ведь таких прелестных невесток заполучила. Исполни их условия и дай им волю!

Махкам. Принимаю ваши условия. Вы все свободны.

(Занавес опускается).

Фармон *(смеётся).* Где режиссёр всего этого?

Уста Баки. Сказать правду?

Фармон. Скажи.

Уста Баки. Младшая невестка, Нигорахон.

Фармон *(Нигоре)*. Спасибо тебе. Приятно было смотреть. Я всё беспокоилась за младшего сына, думала, что же будет с ним, слабеньким, когда меня не будет. К счастью, встретилась ты. Теперь я спокойна.

Сыновья. В чём дело, мамочка?

(Выходят из-за занавеса.)

Фармон. Ладно уж, не прикидывайтесь простачками. Спасибо вам. Это …

Все. Раз.

Фармон. Будьте здоровы … Это …

Все. Два.

Махкам. И вы будьте здоровы. Живите сто лет.

Все. Это – три.

Уста Баки. Вот видите, мамаша, как хорошо получилось.

Фармон. Добился своего. Ну ладно, я не в обиде. Когда-нибудь так должно было стать.

Уста Баки. Теперь старый Азим во сне вас не побеспокоит.

Фармон. Вот так-то! На Востоке говорят: чем услышать два раза, лучше увидеть один раз.

Уста Баки *(к зрителям).* Всё это шутка. Но в любой шутке бывает частица правды. Если наши актёры чуток перехватили, уж простите нас.

Фармон. До сих пор плясали под мою дудку. Что ж, теперь я попробую плясать под их дудку. Ну, начинайте!

ЗАНАВЕС

Давайте обсудим

1. Какое место занимает творчество Саида Ахмада в современном литературном процессе?
2. В чём проявляются особенности творчества Саида Ахмада на примере пьесы «Бунт невесток»?
3. Расскажите об особенности композиции комедии.
4. Охарактеризуйте образную систему комедии.
5. Определите специфическую особенность языка комедии.
6. Охарактеризуйте Фармон-биби как символ традиционного уклада и носителя семейных ценностей.
7. В чём смысл финальной сцены комедии?

Творческое задание

«Горячее кресло» – это интерактивный приём, который помогает глубже понять персонажей литературного произведения.

Один ученик «становится» персонажем (по выбору учащегося) и отвечает на вопросы класса по пьесе Саида Ахмада «Бунт невесток».

Домашнее задание

Подготовьте инсценировку комедии по вашему выбору.

МИГЕЛЬ СЕРВАНТЕС ДЕ САВЕДРА (1547–1616)

Знакомство с автором

Мигель Сервантес – один из величайших писателей в истории мировой литературы. Он был не только талантливым поэтом и драматургом, но и тем, кто заложил основы современного испанского литературного языка.

Его имя навсегда связано с гениальным романом «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», который считается первым в истории европейским романом. Сервантес умел соединять юмор и философию, показывая слабости общества своего времени, но при этом оставался гуманистом – верил в достоинство человека, в силу разума и доброты.

Подготовка к встрече с текстом

О романе «Дон Кихот»

Роман «Дон Кихот» был задуман как пародия на рыцарские романы, которые были лишены жизненного содержания, идеализировали человеческие отношения. Сервантес изобразил типические характеры и создал по-настоящему реалистический ренессансный роман, в котором воплотил светлые идеи гуманизма, разоблачив не только идеализацию рыцарских романов, но и всей испанской действительности. Герои противопоставлены аристократической верхушке Испании XVI-XVII веков с характерными для неё чванством, самовозвеличиванием и фальшью. Сложность и глубина присущи не только его основным героям, но характерны для романа в целом. Дон Кихот пародиен и смешон, когда под влиянием рыцарских романов воображает себя рыцарем, способным сокрушить пороки, совершая нелепые поступки, вроде сражения с ветряными мельницами, принятыми им за великанов. Но главное в том, что образ Дон Кихота несёт в себе утверждающее, возрожденческое начало.

Это благородный, бескорыстный борец за справедливость. Его суждения о свободе, о мире, о достоинстве человека проникнуты глубоким гуманизмом.

1. Опишите испанскую действительность конца XVI – начала XVII века.
2. Дайте определение «рыцарскому роману».

Рыцарский роман *– роман средневековой литературы, сюжет которого составляют военные подвиги и приключения.*

ДОН КИХОТ

(фрагменты)

ГЛАВА I,

повествующая о нраве и образе жизни славного идальго Дон Кихота Ламанчского

В некоем селе Ламанчском, которого название у меня нет охоты припоминать, не так давно жил-был один из тех идальго, чьё имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке. Олья чаще с говядиной, нежели с бараниной, винегрет, почти всегда заменявший ему ужин, яичница с салом по субботам, чечевица по пятницам, голубь, в виде добавочного блюда, по воскресеньям, – всё это поглощало три четверти его доходов. Остальное тратилось на тонкого сукна полукафтанье, бархатные штаны и такие же туфли, что составляло праздничный его наряд, а в будни он щеголял в камзоле из дешёвого, но весьма добротного сукна. При нём находились ключница, коей перевалило за сорок, племянница, коей не исполнилось и двадцати, и слуга для домашних дел и полевых работ, умевший и лошадь седлать, и с садовыми ножницами обращаться. Возраст нашего идальго приближался к пятидесяти годам; был он крепкого сложения, телом сухопар, лицом худощав, любитель вставать спозаранку и заядлый охотник. Иные утверждают, что он носил фамилию Кихада, иные – Кесада. В сем случае авторы, писавшие о нём, расходятся; однако ж у нас есть все основания полагать, что фамилия его была Кехана. Впрочем, для нашего рассказа это не имеет существенного значения; важно, чтобы, повествуя о нём, мы ни на шаг не отступали от истины.

Надобно знать, что вышеупомянутый идальго в часы досуга, – а досуг длился у него чуть ли не весь год, – отдавался чтению рыцарских романов с таким жаром и увлечением, что почти совсем забросил не только охоту, но даже своё хозяйство; и так далеко зашли его любознательность и его помешательство на этих книгах, что, дабы приобрести их, он продал несколько десятин пахотной земли и таким образом собрал у себя все романы, какие только ему удалось достать. <...>

И вот, когда он уже окончательно свихнулся, в голову ему пришла такая странная мысль, какая ещё не приходила ни одному безумцу на свете, а именно: он почёл благоразумным и даже необходимым как для собственной славы, так и для пользы отечества сделаться странствующим рыцарем, сесть на коня и, с оружием в руках отправившись на поиски приключений, начать заниматься тем же, чем, как это ему было

известно из книг, все странствующие рыцари, скитаясь по свету, обыкновенно занимались, то есть искоренять всякого рода неправду и в борении со всевозможными случайностями и опасностями стяжать себе бессмертное имя и почёт. Бедняга уже представлял себя увенчанным за свои подвиги, по малой мере, короной Трапезундского царства; и, весь отдавшись во власть столь отрадных мечтаний, доставлявших ему наслаждение неизъяснимое, поспешил он достигнуть цели своих стремлений. Первым делом принялся он за чистку принадлежавших его предкам доспехов, некогда свалённых как попало в угол и покрывшихся ржавчиной и плесенью. Когда же он с крайним тщанием вычистил их и привёл в исправность, то заметил, что недостаёт одной весьма важной вещи, а именно: вместо шлема с забралом он обнаружил обыкновенный шишак; но тут ему пришла на выручку его изобретательность: смастерив из картона полушлем, он прикрепил его к шишаку, и получилось нечто вроде закрытого шлема. Не скроем, однако ж, что когда он, намереваясь испытать его прочность и устойчивость, выхватил меч и нанёс два удара, то первым же ударом в одно мгновение уничтожил труд целой недели; легкость асе, с какою забрало разлетелось на куски, особого удовольствия ему не доставила, и, чтобы предотвратить подобную опасность, он сделал его заново, подложив внутрь железные пластинки, так что в конце концов остался доволен его прочностью и, найдя дальнейшие испытания излишними, признал его вполне годным к употреблению и решил, что это настоящий шлем с забралом удивительно тонкой работы.

Затем он осмотрел свою клячу и, хотя она хромала на все четыре ноги и недостатков у неё было больше, чем у лошади Гонеллы, которая tantum pellis et ossa fuit[1], нашёл, что ни Буцефал Александра Македонского, ни Бабьека Сида не могли бы с нею тягаться. Несколько дней раздумывал он, как её назвать, ибо, говорил он себе, коню столь доблестного рыцаря, да ещё такому доброму коню, нельзя не дать какого-нибудь достойного имени. Наш идальго твёрдо держался того мнения, что если произошла перемена в положении хозяина, то и конь должен переменить имя и получить новое, славное и громкое, соответствующее новому сану и новому поприщу хозяина; вот он и старался найти такое, которое само показывало бы, что представлял собой этот конь до того, как стал конём странствующего рыцаря, и что он собой представляет теперь; итак, он долго придумывал разные имена, роясь в памяти и напрягая воображение, – отвергал, отметал, переделывал, пускал насмарку, сызнова принимался составлять, – и в конце концов остановился на Росинанте, имени, по его мнению, благородном и звучном, поясняющем, что прежде конь этот был обыкновенной клячей, ныне же, опередив всех остальных, стал первой клячей в мире.

[1] Была только кожа, да кости *(лат.)* (слова из комедии Плавта «Горшок», акт III, сцена IV)

Столь удачно, как ему казалось, назвав своего коня, решился он подыскать имя и для себя самого и, потратив на это ещё неделю, назвался наконец Дон Кихотом, – отсюда, повторяем, и сделали вывод авторы правдивой этой истории, что настоящая его фамилия, вне всякого сомнения, была Кихада, а вовсе не Кесада, как уверяли иные. Вспомнив, однако ж, что доблестный Амадис не пожелал именоваться просто Амадисом, но присовокупил к этому имени название своего королевства и отечества, дабы тем прославить его, и назвался Амадисом Галльским, решил он, что и ему, как истинному рыцарю, надлежит присовокупить к своему имени название своей родины и стать Дон Кихотом Ламанчским, чем, по его мнению, он сразу даст понять, из какого он рода и из какого края, и при этом окажет честь своей отчизне.

Вычистив же доспехи, сделав из шишака настоящий шлем, выбрав имя для своей лошадёнки и окрестив самого себя, он пришел к заключению, что ему остается лишь найти даму, в которую он мог бы влюбиться, ибо странствующий рыцарь без любви – это всё равно что дерево без плодов и листьев или же тело без души.

– Если в наказание за мои грехи или же на моё счастье, – говорил он себе, – встретится мне где-нибудь один из тех великанов, с коими странствующие рыцари встречаются нередко, и я сокрушу его при первой же стычке, или разрублю пополам, или, наконец, одолев, заставлю просить пощады, то разве плохо иметь на сей случай даму, которой я мог бы послать его в дар, с тем чтобы он, войдя, пал пред моею кроткою госпожою на колени и покорно и смиренно молвил: «Сеньора! Я – великан Каракульямбр, правитель острова Малиндрнии, побеждённый на поединке неоцененным рыцарем Дон Кихотом Ламанчским, который и велел мне явиться к вашей милости, дабы ваше величие располагало мной по своему благоусмотрению»?

О, как ликовал наш добрый рыцарь, произнося эти слова, особливо же когда он нашёл, кого назвать своею дамой! Должно заметить, что, сколько нам известно, в ближайшем селении жила весьма миловидная деревенская девушка, в которую он одно время был влюблён, хотя она, само собою разумеется, об этом не подозревала и не обращала на него никакого внимания. Звали её Альдонсою Лоренсо, и вот она-то и показалась ему достойною титула владычицы его помыслов; и, выбирая для неё имя, которое не слишком резко отличалось бы от её собственного и в то же время напоминало и приближалось бы к имени какой-нибудь принцессы или знатной сеньоры, положил он назвать её Дульсинеей Тобосскою – ибо родом она была из Тобоссо, – именем, по его мнению, приятным для слуха, изысканным и глубокомысленным, как и все ранее придуманные им имена.

ГЛАВА II,

повествующая о первом выезде хитроумного Дон Кихота из его владений

Покончив со всеми этими приготовлениями, наш идальго решился тотчас же осуществить свой замысел, ибо он полагал, что всякое промедление с его стороны может пагубно отозваться на человеческом роде: сколько беззаконий предстоит ему устранить, сколько кривды выпрямить, несправедливостей загладить, злоупотреблений искоренить, скольких обездоленных удовлетворить! И вот, чуть свет, в один из июльских дней, обещавший быть весьма жарким, никому ни слова не сказав о своём намерении и оставшись

незамеченным, облачился он во все свои доспехи, сел на Росинанта, кое-как приладил нескладный свой шлем, взял щит, прихватил копьё и, безмерно счастливый и довольный тем, что никто не помешал ему приступить к исполнению благих его желаний, через ворота скотного двора выехал в поле. Но как скоро он очутился за воротами, в голову ему пришла страшная мысль, до того страшная, что он уже готов был отказаться от задуманного предприятия, и вот почему: он вспомнил, что ещё не посвящён в рыцари и что, следственно, по законам рыцарства ему нельзя и не должно вступать в бой ни с одним рыцарем; а если б даже и был посвящён, то ему как новичку подобает носить белые доспехи, без девиза на щите, до тех пор, пока он не заслужит его своею храбростью. Эти размышления поколебали его решимость; однако ж безумие взяло верх над всеми доводами, и по примеру многих рыцарей, о которых он читал в тех самых романах, что довели его до такого состояния, вознамерился он обратиться с просьбой о посвящении к первому встречному. Что же касается белых доспехов, то он дал себе слово на досуге так начистить свои латы, чтобы они казались белее горностая, и, порешив на том, продолжал свой путь, – вернее, путь, который избрал его конь, ибо Дон Кихот полагал, что именно так и надлежит искать приключений.

Ехал путём-дорогой наш новоявленный рыцарь и сам с собой рассуждал:

– Когда-нибудь увидит свет правдивая повесть о моих славных деяниях, и тот учёный муж, который станет их описывать, дойдя до первого моего и столь раннего выезда, вне всякого сомнения, начнет свой рассказ так: «Златокудрый Феб только ещё распускал по лицу широкой и просторной земли светлые нити своих роскошных волос, а пёстрые птички нежной и сладкой гармонией арфоподобных своих голосов только ещё встречали румяную Аврору, покинувшую мягкое ложе ревнивого супруга, распахнувшую врата и окна ламанчского горизонта и обратившую взор на смертных, когда славный рыцарь Дон Кихот Ламанчский презрел негу пуховиков и, вскочив на славного своего коня Росинанта, пустился в путь по древней и знаменитой Монтьельской равнине».

В самом деле, именно по этой равнине он и ехал.

– Блаженны времена и блажен тот век, – продолжал он, – когда увидят свет мои славные подвиги, достойные быть вычеканенными на меди, высеченными на мраморе и изображёнными на полотне в назидание потомкам! Кто б ни был ты, о мудрый волшебник, коему суждено стать летописцем необычайных моих приключений, молю: не позабудь доброго Росинанта, вечного моего спутника, странствующего вместе со мною по всем дорогам.

Потом он заговорил так, как если бы точно был влюблён:

– О принцесса Дульсинея, владычица моего сердца, покорённого вами! Горько обидели вы меня тем, что, осыпав упрёками, изгнали меня и в порыве гнева велели не показываться на глаза красоте вашей! Заклинаю вас, сеньора: сжальтесь над преданным вам сердцем, которое, любя вас, тягчайшие терпит муки!

На эти нелепости он нагромождал другие, точь-в-точь как в его любимых романах, стараясь при этом по мере возможности подражать их слогу, и оттого ехал так медленно, солнце же стояло теперь так высоко и столь нещадно палило, что если б в голове у Дон Кихота ещё оставался мозг, то растопился бы неминуемо.

В сущности, за весь этот день с ним не произошло ничего, о чём следовало бы рас-

сказать, и он уже приходил в отчаяние, ибо ему хотелось как можно скорее встретиться с кем-нибудь таким, на ком он мог бы проявить свою мощь. Одни авторы первым его приключением считают случай, происшедший в Ущелье Лаписе, другие – случай с ветряными мельницами, – то же, что удалось установить мне и чему я нашел подтверждение в летописях Ламанчи, сводится к следующему. Весь этот день Дон Кихот провёл в пути, а к вечеру он и его кляча устали и сильно проголодались; тогда, оглядевшись по сторонам в надежде обнаружить какой-нибудь замок, то есть шалаш пастуха, где бы можно было подкрепиться и расправить усталые члены, заприметил он неподалёку от дороги постоялый двор, и этот постоялый двор показался ему звездой, которая должна привести его не к преддверию храма спасения, а прямо в самый храм. Он тронул поводья и подъехал к постоялому двору, как раз когда стало смеркаться.

Случайно за ворота постоялого двора вышли две незамужние женщины из числа тех, что, как говорится, ходят по рукам; вместе с погонщиками мулов они держали путь в Севилью, но те порешили здесь заночевать; а как нашему искателю приключений казалось, будто всё, о чём он думал, всё, что он видел или рисовал себе, создано и совершается по образу и подобию вычитанного им в книгах, то, увидев постоялый двор, он тут же вообразил, что перед ним замок с четырьмя башнями и блестящими серебряными шпилями, с неизменным подъемным мостом и глубоким рвом – словом, со всеми принадлежностями, с какими подобные замки принято изображать.<…>

Бабёнки воззрились на незнакомца, пытаясь разглядеть его лицо, на которое опять сползло дрянное забрало, но, услышав, что он величает их девицами, каковое наименование отнюдь не соответствовало их роду занятий, принялись хохотать, да так, что Дон Кихот почувствовал себя неловко.

– Красоте приличествует степенность, – сказал он, – беспричинный же смех есть признак весьма недалёкого ума. Впрочем, всё это я говорю не для того, чтобы оскорбить вас или же привести в дурное расположение духа, ибо я со своей стороны расположен лишь к тому, чтобы служить вам.

Свойственная нашему рыцарю манера выражаться, не привычная для слуха обеих дам, и неказистая его наружность все больше и больше смешили их, Дон Кихот же все пуще гневался, и неизвестно, чем бы это кончилось, если б в это самое время не подоспел хозяин постоялого двора, человек весьма тучный и оттого весьма добродушный, но даже и он, увидев перед собой нелепую фигуру и все эти разнородные предметы, как-то: тяжеловесное копьё и лёгкий кожаный щит, столь же лёгкий кожаный панцирь и тяжёлую сбрую, чуть было не присоединился к развеселившимся девицам. Однако ж, устрашённый этою грудой доспехов, рассудил за благо быть с незнакомцем полюбезнее и обратился к нему с такими словами:

– Коли ваша милость, сеньор кавальеро, ищет ночлега, то вы не найдете здесь только кровати, – кровати, правда, у меня нет ни одной, – зато все остальное имеется в изобилии.

Почтительный тон коменданта, – надобно заметить, что хозяина наш рыцарь принял за коменданта, а постоялый двор за крепость, – умиротворил Дон Кихота.

– Я всем буду доволен, сеньор кастелян, – сказал он, – ибо мой наряд – мои доспехи, в лютой битве мой покой и так далее.

Хозяин подумал, что тот принял его за честного кастильца и потому назвал кастеляном, на самом же деле он был андалусец, да ещё из Сан Лукара, и в жульничестве не уступал самому Каку, а в плутовстве – школярам и слугам.

– Стало быть, – подхватил он, – ложе вашей милости – твёрдый камень, бденье до зари – ваш сон. А коли так, то вы смело можете здесь остановиться: уверяю вас, что в этой лачуге вы найдете сколько угодно поводов не то что одну ночь – весь год не смыкать глаз..<…>

Дело, как нарочно, происходило в пятницу, и на всём постоялом дворе не нашлось ничего, кроме небольшого запаса трески, которую в Кастилии называют абадехо, в Андалусии – бакальяо, в иных местах – курадильо, в иных – форелькой. Дон Кихота спросили, не угодно ли его милости, за неимением другой рыбы, отведать форелек.

– Побольше бы этих самых форелек, тогда они заменят одну форель, – рассудил Дон Кихот, – ибо не все ли равно, дадут мне восемь реалов мелочью или же одну монету в восемь реалов? Притом очень может быть, что форелька настолько же нежнее форели, насколько телятина нежнее говядины, а молодой козлёнок неяснее козла. Как бы то ни было, несите их скорей: ведь если не удовлетворить настойчивой потребности желудка, то и бремени трудов, а равно и тяжелых доспехов на себе не потащишь.

Стол поставили у ворот, прямо на свежем воздухе, а затем хозяин принёс Дон Кихоту порцию плохо вымоченной и ещё хуже приготовленной трески и кусок хлеба, не менее чёрного и не менее заплесневелого, чем его доспехи. И как же тут было не рассмеяться, глядя на Дон Кихота, который, наотрез отказавшись снять шлем с поднятым забралом, не мог из-за этого поднести ко рту ни одного куска! Надлежало кому-нибудь другому ухаживать за ним и класть ему пищу в рот, и эту обязанность приняла на себя одна из дам. А уж напоить его не было никакой возможности, и так бы он и не напился, если б хозяин не провертел в тростинке дырочку и не вставил один конец ему в рот, а в другой не принялся лить вино; рыцарь же, чтобы не резать лент, покорно терпел все эти неудобства. В это время на постоялый двор случилось зайти коновалу, собиравшемуся холостить поросят, и, войдя, он несколько раз дунул в свою свиристелку, после чего Дон Кихот совершенно уверился, что находится в некоем славном замке, что на пиру в его честь играет музыка, что треска – форель, что хлеб – из белоснежной муки, что непотребные девки – дамы, что хозяин постоялого двора – владелец замка, и первый его выезд, равно как и самая мысль пуститься в странствия показались ему на редкость удачными. Одно лишь смущало его – то, что он ещё не посвящён в рыцари, а кто не принадлежал к какому-нибудь рыцарскому ордену, тот, по его мнению, не имел права искать приключений. <……>

Вечный образ *– это образ, вышедший за пределы конкретного произведения и изображённого в нём исторического времени, содержит неисчерпаемые возможности философского осмысления бытия.*

ГЛАВА VII

О чём говорили между собой Дон Кихот и его оруженосец, равно как и о других достославных происшествиях

Ключница как увидела, что Дон Кихот заперся с Санчо Пансою, так в ту же секун-

ду смекнула, о чем они могут вести переговоры; и, сообразив, что на этом совещании будет постановлено предпринять третий поход, она схватила свою накидку и, полная печали и беспокойства, побежала к бакалавру Самсону Карраско, ибо ей казалось, что тот, как человек красноречивый, с которым её господин к тому же только что подружился сможет уговорить его оставить столь нелепую затею. <…>

Между тем Дон Кихот и Санчо, оставшись вдвоём, обменивались мнениями, которые с великою точностью и правдивостью в нашей истории приводятся. Санчо сказал своему господину:

– Сеньор! Я уже засветил мою жену, так что она отпустит меня с вашей милостью, куда вам будет угодно.

– Просветил должно говорить, Санчо, а не засветил, – заметил Дон Кихот.

– Раза два, если не ошибаюсь, – сказал Санчо, – я просил вашу милость, чтобы вы меня не поправляли, если вам понятно, что я хочу сказать, а если не понимаете, скажите только: «Санчо, или там чёрт, дьявол, я тебя не понимаю». И вот если я не смогу объяснить, тогда и поправляйте: ведь я человек поладистый…

– Я тебя не понимаю, Санчо, – прервал его тут Дон Кихот, – я не знаю, что значит: я человек поладистый.

– Поладистый – это значит: какой уж я есть, – пояснил Санчо.

– Сейчас я тебя ещё меньше понимаю, – признался Дон Кихот.

– Коли вы меня не понимаете, то я уж и не знаю, как вам втолковать, не знаю – и дело с концом, – отрезал Санчо.

– Стой, стой, я уже догадался, – молвил Дон Кихот, – ты хочешь сказать, что ты такой покладистый, мягкий и уступчивый, что будешь во всём меня слушаться и поступать, как я тебе скажу.

– Бьюсь об заклад, – сказал Санчо, – что вы ещё попервоначалу поняли меня и постигли, а только хотели сбить с толку, чтобы я ещё невесть какой чуши напорол.

– Возможно, – сказал Дон Кихот. – Ну, так что же все-таки говорит Тереса?

– Тереса говорит, – отвечал Санчо, – чтобы я охулки на руку не клал, уговор, мол, дороже денег, а после, мол, снявши голову, по волосам не плачут, и лучше, дескать, синица в руках, чем журавль в небе. И хоть я и знаю, что женщины болтают пустяки, а всё-таки не слушают их одни дураки.

– И я то же говорю, – согласился Дон Кихот. – Ну, друг Санчо, дальше: нынче у тебя что ни слово – то перл.

– Дело состоит вот в чём, – продолжал Санчо. – Ваша милость лучше меня знает, что все люди смертны, сегодня мы живы, а завтра померли, и так же недалек от смерти птенец желторотый, как и старец седобородый, и никто не может поручиться, что проживет на этом свете хоть на час больше, чем ему положено от бога, потому смерть глуха, и когда она стучится у ворот нашей жизни, то вечно торопится, и не удержать её ни мольбою, ни силою, ни скипетром, ни митрою, – такая о ней, по крайности, молва и слава, и так нам говорят с амвона.

– Все это справедливо, – заметил Дон Кихот, – только я не понимаю, к чему ты клонишь.

– Клоню я к тому, – отвечал Санчо, – чтобы ваша милость мне точно сказала, сколько

вы могли бы положить мне в месяц жалованья, пока я у вас служу, и не можете ли вы положенное жалованье выплачивать наличными, а то служить за награды я не согласен, потому они или поздно приходят, или не в пору, или вовсе не приходят, а со своими кровными я кум королю. Словом, мало ли, много ли, а я хочу знать, сколько я зарабатываю: курочка по зернышку клюет и тем сыта бывает, а потом: немножко да ещё немножко, ан, глядь, и множко, и ведь все это в дом, а не из дому. Конечно, если так случится (хоть я уже не верю и не надеюсь), что ваша милость пожалует мне обещанный остров, то не такой же я неблагодарный и не такие у меня загребущие руки, чтобы по исчислении точной суммы дохода с этого острова я не согласился соответствующую долю придержать.

– Разумеется, друг Санчо, придержать для себя всегда выгоднее, чем удержать в пользу кого-нибудь другого, – заметил Дон Кихот.

– Ах да, – сказал Санчо, – конечно, мне надлежало сказать: удержать, а не придержать, ну, ничего, ведь вы, ваша милость, и так меня поняли.

– Понял, понял, – сказал Дон Кихот, – все твои тайные мысли насквозь вижу и знаю, в чей огород летят камешки бесчисленных твоих пословиц. Послушай, Санчо, я с удовольствием положил бы тебе жалованье, когда бы хоть в каком-нибудь романе о странствующих рыцарях я сыскал пример, который, как в щелочку, дал бы мне подглядеть и показал, сколько обыкновенно зарабатывали оруженосцы в месяц или же в год. Однако я перечитал все или почти все романы и не могу припомнить, чтобы какой-нибудь странствующий рыцарь назначал своему оруженосцу определенное жалованье, – я точно знаю, что все оруженосцы служили за награды, и в один прекрасный день их сеньоры в случае удачи жаловали их островом, или же чем-либо равноценным, или, по малой мере, титулом и званием. Если вы, Санчо, этими надеждами и расчетами удовольствуетесь и захотите возвратиться ко мне на службу, то милости просим, а чтобы я стал нарушать и ломать древний обычай странствующего рыцарства, это вещь невозможная. Так что, любезный Санчо, ступайте домой и объявите вашей Тересе о моем решении, и если и она и вы согласитесь служить мне за награды, то bene quidem[2], если же нет, то мы расстанемся друзьями: было бы зерно на голубятне, а голуби-то найдутся. И ещё примите в рассуждение, сын мой, что добрая надежда лучше худого именья и хороший иск лучше худого платежа. Выражаюсь я так для того, Санчо, чтобы показать вам, что и я не хуже вашего могу сыпать пословицами. В заключение же я хочу вам сказать и скажу вот что: если вам не угодно пойти ко мне на службу за награды и разделить мою участь, так оставайтесь с богом, но уж потом пеняйте на себя, я же сыщу себе оруженосца послушнее и усерднее вас и не такого нескладного и не такого болтливого, как вы.

Твёрдое решение Дон Кихота так поразило Санчо, что у него потемнело в глазах и крылья его храбрости опустились, ибо до этого он был уверен, что его господин не выступит без него в поход ни за какие блага в мире; и он все ещё пребывал в состоянии растерянности и озабоченности, когда вошел Самсон Карраско, а за ним ключница и племянница, коим любопытно было послушать, как бакалавр станет уговаривать Дон Кихота не ездить на поиски приключений. Известный шутник Самсон приблизился к Дон Кихоту, обнял его, как и в прошлый раз, и заговорил громким голосом:

---

[2] превосходно

– О цвет странствующего рыцарства! О лучезарное светило воинства! О честь и зерцало народа испанского! Молю всемогущего бога, как если б он стоял предо мною, чтобы тот или те, кто тщится помешать и воспрепятствовать третьему твоему выезду, заблудились в лабиринте собственных желаний и так и не дождались исполнения того, что им более всего желается.

Затем он обратился к ключнице:

– Сеньора ключница смело может не молиться более святой Аполлинарии, ибо мне ведомо, что таково бесповоротное решение небесных сфер, чтобы сеньор Дон Кихот продолжал осуществлять высокие свои и бесподобные замыслы, и меня бы замучила совесть, когда б я не побуждал и не уговаривал этого рыцаря прервать наконец бездействие и скованность доблестной его длани и выказать величие бодрейшего духа его, ибо промедление сие лишает его возможности выпрямлять кривду, помогать сирым, охранять честь девиц, оказывать покровительство вдовицам, служить опорою замужним и всё прочее в этом роде, что входит в круг обязанностей ордена странствующего рыцарства, что ему положено, что ему приличествует и подобает. Итак, прекрасный и отважный сеньор Дон Кихот, пусть милость ваша и ваше величие отправится в путь не завтра, а сегодня же, и если вам чего-либо для этого недостаёт, то к вашим услугам я сам и моё достояние, и если ваше великолепие нуждается в оруженосце, то я, со своей стороны, почел бы за величайшее для себя счастье послужить вам.

Тут Дон Кихот обратился к Санчо и сказал:

– Не говорил ли я тебе, Санчо, что в оруженосцах у меня недостатка не будет? Смотри, кто предлагает мне свои услуги; не кто иной, как несравненный бакалавр Самсон Карраско, первый забавник и шалун среди саламанкских школяров, здоровый телом, быстрый в движениях, не болтливый, умеющий терпеть зной и стужу, голод и жажду, обладающий всеми качествами, какие от оруженосца странствующего рыцаря требуются. Однако ж небеса не допустят, чтобы я ради собственного удовольствия подрыл этот столп учёности, разбил этот сосуд познаний и подсёк высокую эту пальму изящных и вольных искусств. Пусть же этот новый Самсон остаётся у себя на родине и, прославив её, прославит также седины престарелых родителей своих, я же любым удовольствуюсь оруженосцем, коли Санчо не соблаговолит меня сопровождать.

– Нет, соблаговолю, – растроганный, весь в слезах, объявил Санчо, а засим продолжал: – Обо мне никто не скажет, государь мой: «Поел-попил – и дружба врозь», в моём

роду неблагодарных не было, все на свете, особливо в нашем селе, знают, кто такие были Панса, от коих я происхожу, да и потом, по многим вашим добрым делам и ещё более добрым словам я постиг и сообразил, что ваша милость намерена меня наградить. Если же я пустился в вычисления касательно жалованья, то только в угоду жене, потому когда ей что втемяшится, то уж она гвоздит, как все равно молоток по обручам бочки, чтоб было по её. Однако ж мужчине полагается быть мужчиной, а женщине – женщиной, и коли по таким признакам, которых я не могу отрицать, я мужчина, то я желаю быть мужчиной и у себя дома, как она там себе хочет, а потому вашей милости требуется только составить завещание с опиской, так чтобы его нельзя было оспорить, – и скорее в путь, чтобы отпустить душу сеньора Самсона на покаяние: ведь он говорит, что совесть его загрызет, если он не двинет вашу милость, – или как это говорится: подвигнет, что ли? – в третий раз пострaнствовать по белу свету. Я же снова даю вашей милости обещание служить вам верой и правдой ничуть не хуже, а пожалуй, даже и лучше всех оруженосцев странствующих рыцарей, сколько их ни было прежде и сколько их ни есть теперь.

Подивился бакалавр выражениям и оборотам речи Санчо Пансы, ибо хотя он и прочел первую историю его господина, однако ж никак не мог предполагать, что Санчо подлинно такой забавный, каким его там изображают; когда же Санчо вместо: завещание с припиской сказал: завещание с опиской, то бакалавр поверил всему, что о нём читал, и, укрепившись во мнении, что перед ним один из самых круглых дураков нашего столетия, подумал, что таких двух сумасшедших, каковы эти господин и слуга, ещё не видывал свет. В конце концов Дон Кихот и Санчо обнялись и снова стали друзьями, и по совету и с благословения высокоумного Карраско, на которого они смотрели теперь, как на оракула, было решено, что отъезд состоится через три дня, в течение каковых можно успеть запастись всем необходимым в дорогу и подыскать шлем с забралом, без коего Дон Кихот, по его словам, никак не мог обойтись. Самсон взялся раздобыть его – он знал, что таковой имеется у его приятеля и что тот ему не откажет в просьбе, потому что сталь этого шлема не только не сверкала и не была начищена до блеска, но, напротив, потемнела от ржавчины и плесени. Проклятиям, коими ключница и племянница осыпали бакалавра, не было конца; обе женщины рвали на себе волосы, царапали лица и, как заправские плакальщицы, оплакивали отъезд Дон Кихота, словно то был не отъезд, но кончина. О цели же, которую преследовал Самсон, уговаривая Дон Кихота ещё раз выступить в поход, будет сказано дальше, – так его подучили священник и цирюльник, с коими он держал совет до этого.

Коротко говоря, в течение трёх дней Дон Кихот и Санчо запаслись всем, что почитали для себя необходимым; и после того как Санчо успокоил свою супругу, а Дон Кихот – племянницу и ключницу, однажды под вечер, тайком от всех, за исключением бакалавра, который вызвался проводить их с полмили, двинулись они по дороге к Тобосо: Дон Кихот – на добром своём Росинанте, а Санчо – всё на том же осле, причём дорожная сума у Санчо была набита снедью, а кошелёк деньгами, которые Дон Кихот вручил ему на всякий случай. Самсон обнял Дон Кихота и попросил уведомлять о всех его удачах и неудачах, дабы он, Самсон, возрадовался неудачам, удачам же, как того, мол, требуют законы истинной дружбы, опечалился. Дон Кихот обещал; Самсон направил стопы свои в село, а двое всадников продолжали свой путь по направлению к великому городу Тобосо. <…>

Давайте обсудим

1. Какой смысл заключён в словах поэтессы Юлии Друниной?

Кто говорит, что умер Дон Кихот?
Вы этому, пожалуйста, не верьте
Он не подвластен времени и смерти,
Он снова собирается в поход…

2. Почему Дон Кихот решил стать рыцарем? Что воплощает в себе образ рыцаря? Можно ли считать понятия «настоящий мужчина» и «идеальный мужчина» синонимичными?
3. Что имел в виду В.Г. Белинский, когда говорил, что в каждом человеке живет Дон Кихот?
4. Докажите, что образ Дон Кихота является вечным образом в мировой литературе.
5. Дайте характеристику образа Санчо Пансы – оруженосца Дон Кихота.
6. В чём главные герои противопоставлены друг другу и что их объединяет?
7. Определите тему и идею романа.

Домашнее задание

Подготовьте презентацию, рассказывающую об Испании на рубеже XVI–XVII веков: расскажите о геральдике, быте, одежде, хороших манерах и воспитании дворянина, о средневековой кухне, об охоте и пирах, о рыцаре и рыцарских турнирах, об украшениях и т. п.

Проектная работа

Буктрейлер (booktrailer) – это короткое видео, которое рассказывает о какой-либо книге. Как правило, буктрейлер длится не более трёх минут. Это современная форма представления впечатлений о книге.

СОЗДАЙТЕ БУКТРЕЙЛЕР

Для создания буктрейлера необходимо следующее: сценарий, иллюстрации, текст, музыка, программа для создания видео.

По пройденным произведениям за год (по выбору) напишите сценарий для видеоролика. Подберите иллюстрации и музыкальное сопровождение. Выберите и изучите программы для создания видеороликов. Например, iMovie для Apple, Windows Movie Maker для Windows или другие. Создайте видеоролик. Покажите видеоролик в классе и обсудите его.

скачано с сайта www.idum.uz

O‘quv nashri

Natalva Mixaylovna Petruxina
Zulfiia Xaitovna Abduraimova

ADABIYOT
9-sinf

Ta’lim rus tilida olib boriladigan
umumiy o‘rta ta’lim maktablari uchun darslik

G‘afur G‘ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi
Toshkent – 2025

Редактор	*М. Мухамедова*
Корректор	*З. Сардарян*
Технический редактор	*А. Каримов*
Художественный редактор	*Д. Джалилов*
Художник	*У. Сулаймонов*
Дизайнер-верстальщик	*О. Силенко*

Лицензия издательства 9341, выдана 08.10.2020 года.
Подписано в печать с оригинал-макета 00.00.2025 г.
Формат 84x108 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Arial». Кегль 12. Офсетная печать.
Условно-печатных листов 25,2. Учётно-издательских листов 15,9.
Тираж 81 131. Номер заказа .

Сведения о состоянии учебника, выданного в аренду

№	Имя, фамилия ученика	Учебный год	Состояние учебника при получении	Подпись классного руководителя	Состояние учебника при сдаче	Подпись классного ру-ководителя
1.						
2.						
3.						
4.						
5.						
6.						

Таблица заполняется классным руководителем при выдаче учебника в аренду и возвращении назад в конце учебного года.
При заполнении таблицы используются следующие оценочные критерии

Новый учебник	Состояние учебника при первой выдаче
Хорошее	Обложка целая, не оторвана от основной части книги. Все страницы в наличии, не порваны, на них нет записей и помарок
Удовлетворительное	Обложка не смята, слегка испачкана, края стерты. Вырванные страницы восстановлены пользователем, отдельные страницы исчерчены. Учебник отреставрирован
Неудовлетворительное	Обложка испачкана, порвана, корешок оторван от основной части книги или совсем отсутствует. Страницы порваны, некоторых нет в наличии, имеющиеся исчерчены, испачканы. Учебник для дальнейшего пользования не пригоден, восстановлению не подлежит